

Российская академия наук
Институт психологии

В. Д. Шадриков

ВОЗВРАЩЕНИЕ ДУШИ

**Теоретические основания и методология
психологической науки**

Издательство
«Институт психологии РАН»
Москва – 2021

УДК 159.9
ББК 88
Ш 16

*Все права защищены. Любое использование
материалов данной книги полностью или частично
без разрешения правообладателя запрещается*

Шадриков В. Д.
Ш 16 Возвращение души: Теоретические основания и методология
психологической науки. – М.: Изд-во «Институт психологии
РАН», 2021. – 210 с.

doi: 10.38098/mng_21_0436
ISBN 978-5-9270-0436-2

УДК 159.9
ББК 88

В монографии рассматриваются методологические и теоретические подходы к определению предмета психологической науки. В основу анализа положено представление о мысли как основной категории мира внутренней жизни человека. Показан генезис мира внутренней жизни, определяется понятие души человека. Рассмотрена структура души и ее различные психические проявления в деятельности и общении. В приложении приведены работы, в которых показана возможность эмпирического изучения мысли как основного компонента мира внутренней жизни.

© В. Д. Шадриков, 2021
© ФГБУН «Институт психологии РАН», 2021

ISBN 978-5-9270-0436-2

Содержание

Предисловие	
Душа человека: возвращение из изгнания.	9
Введение	19
ГЛАВА I	
Мысль как основная категория мира внутренней жизни	28
1.1. Предметная мысль	28
1.2. Структура мысли.	29
1.3. Порождение мысли.	35
1.4. Мысль и слово	40
1.5. Мысль и информация.	54
ГЛАВА II	
Мысль как основа психических процессов и их результатов.	57
2.1. Мысль и образ	57
2.2. Мысль и представление	58
2.3. Мысль и воображение	60
2.4. Мысль и мышление	62
ГЛАВА III	
Мир внутренней жизни и душа человека.	69
3.1. Зарождение внутреннего мира.	70
3.2. Развитие внутреннего мира в деятельности	71
3.3. Развитие внутреннего мира в поступках	77

3.4. Целостность внутреннего мира	82
3.5. Единство и независимость внешнего и внутреннего миров	87
3.6. Внутренний мир и душа человека	89

ГЛАВА IV

Структура и функции мира внутренней жизни 94

4.1. Целостность внутреннего мира и адаптивные возможности (по У.Р. Эшби)	94
4.2. Целостность внутреннего мира – голографическая гипотеза (по К. Прибраму)	95
4.3. Структура душевной жизни (по З. Фрейду и К. Юнгу)	96
4.4. Структура внутреннего мира (по Н. А. Бернштейну)	99
4.5. Структура внутреннего мира (по М. С. Роговину)	103
4.6. Роль понимания в оформлении содержания психики	103
4.7. Проявление внутреннего мира	105

Заключение	121
-----------------------------	------------

Conclusion	125
-----------------------------	------------

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1	131
-------------------------------	------------

Приложение 2	143
-------------------------------	------------

Приложение 3	166
-------------------------------	------------

Литература	195
-----------------------------	------------

Именной указатель	205
------------------------------------	------------

Предметный указатель	207
---------------------------------------	------------

О величайшем следует знать одно: существует.

Лао Цзы

Предисловие

Душа человека: возвращение из изгнания

Каждый выхватывает свой собственный фрагмент мира и сооружает для своего частного мира собственную частную же систему, зачастую с герметическими стенами, так что через некоторое время ему кажется, будто он познал смысл и структуру мира. Конечное никогда не обоймет бесконечное. Мир психических явлений есть лишь часть мира в целом, и кое-кому может показаться, что как раз в силу своей частности он более познаваем, чем весь мир целиком. Однако при этом не принимается во внимание, что душа является единственным непосредственным явлением мира, а следовательно, и необходимым условием всего мирового опыта.

К. Г. Юнг

В последние годы В. Д. Шадриков опубликовал ряд новаторских работ, открывших новые перспективы психологической науки. Достаточно назвать его недавние книги по проблемам совести (2018), способностей и одаренности (2019), труды, посвященные психологии мысли (2016, 2018), понимания (2020), духовных способностей (2020).

Книга «Возвращение души (теоретические основания и методология психологической науки)», которую мы представляем читателю, вполне может стать научным бестселлером. Монография, несомненно, будет иметь сторонников, разделяющих взгляды автора, возможно, вызовет чье-то несогласие и явится поводом для научных дискуссий, но *никого не оставит равнодушным*. Причина вполне понятна: это книга, напоминающая *психологам*, что они, временно покинув *душу* как предмет своих исследований, должны рано или поздно

вернуться к оставленному, хотя бы для подтверждения собственной принадлежности к этой великой науке, ибо в точном соответствии с этимологией «психология» означает *наука о душе*.

Заметим, что это касается идентичности *всех психологов*. И тех прагматиков из рядов академической науки, кто уже готов «перекреститься» в служителей «нейронауки» или «когнитивной науки», и романтиков, хранящих верность идеалам юности, когда был сделан выбор в пользу лучшей из наук. И даже практико-ориентированных психологов — их лидеры сохраняли мудрость и от понятия «душа» не спешили отказываться, выгодно отличаясь тем самым от части представителей научной психологии, которая приобретала все больше «научности» и все меньше «жизненности».

Авторы предисловия видят свою задачу не в том, чтобы прокомментировать те или иные положения книги В. Д. Шадрикова. Книга перед читателем, каждый, кто возьмет на себя труд прочесть новую монографию психолога, неизбежно вынесет собственные суждения и оценки. Нам представляется важным показать значение этой небольшой по объему, но крайне значимой монографии для дальнейшего развития психологической науки. Значение книги велико и для российской психологии, и для мировой психологической науки, поскольку наука, в том числе и психологическая, не имеет национальных границ, а проблемы современной психологии в XXI столетии общие (Журавлев, 2018а, с. 698–713; 2018б, с. 57–70).

Дело в том, что «душа» — совершенно особый термин. Именно с понятия *души*, попытки понять ее тайну, начинается многовековой путь познания самого загадочного в человеке. Начиная с Гераклита, который первым в европейской традиции сделал психе — душу — предметом своих философских размышлений, во все века душа представляла собой главную загадку, вызывающую жгучий интерес. Известные историки и теоретики психологии утверждают, что «в эпоху Возрождения, когда студенты какого-нибудь университета хотели с первой лекции оценить профессора, они кричали ему: «Говорите нам о душе!» (Петровский, Ярошевский, 1996, с. 416).

Напомним, что на протяжении многих столетий предметом размышлений и рассуждений философов (философских психологов) была душа. Еще древние греки различали душу и дух, поскольку они имели разное происхождение: душа изобретается, дух открывается. Душа понималась как источник активности, тогда как дух

обнаруживался, когда человек находился в особом состоянии (Хейстад, 2018). Аристотель в своей трактовке разумной души *душу* и *дух* фактически соединил.

Магистральным направлением формирования психологического знания на протяжении многих веков было *философско-психологическое исследование*, использующее методы рассуждения и интерпретации, что можно обозначить как *философскую психологию*. Главным содержанием философской психологии были рассуждения о душе, ее структуре и свойствах. Появление так называемой *эмпирической психологии* в рамках *философской психологии* картины принципиально не изменило. Как пронизательно отметил П. Фресс, «оставаясь эмпирической в отношении источника идей, вся эта школа развивает психологию своим анализом психической жизни, который всем еще обязан пронизательности философа, склонного к созданию стройных систем» (Фресс, 1966, с. 18).

Отметим, что в рамках философской психологии впервые происходит выделение собственно предмета психологии. В XVIII в., благодаря усилиям Х. Вольфа, психология заявила о себе как *самостоятельная философская дисциплина*, которая на какое-то время даже стала центральной частью философии. По Вольфу, психологий было две — эмпирическая и рациональная, причем различие между ними было чисто методологическим: исследовалась одна и та же душа в разных отношениях (Мазилев, 1998). Таким образом, был сделан важный шаг на пути конструирования предмета — он был сделан философом, упорядочивающим массив знаний и строящим систему наук.

Первым *психологом*, реально выделившим *предмет психологии*, явился И. Гербарт, приложивший к психологии фихтеанское наукоучение, в частности, учение об *основании науки*. Напомним, по Герbartу, в качестве основания выступают *факты* сознания (там же).

В истории психологии зафиксировано несколько попыток отказа от использования души как центрального понятия психологии. Первая по времени представляла собой отказ от попыток рассматривать душу как предмет исследования и переход к изучению *душевных явлений* как в большей степени доступных для эмпирического исследования.

Наибольшую известность получил проект создания научной психологии В. Вундта, предложившего в качестве предмета физиологической психологии «непосредственный опыт» и провозгласившего физиологическую психологию самостоятельной наукой неза-

висимой от философии. Характерно, что Вундт от понятия души не отказался, но «сместил акценты».

Физиологическая психология исследовала лишь *элементарные* психические явления, поэтому охватывала только ощущения и произвольные движения. Соответственно, все высшие психические функции в сферу ее исследований не попадали. Таким образом, предметное поле новой науки было чрезвычайно сужено. Естественно, что при таком подходе можно было настаивать на тезисе, что это наука без всяких «метафизических допущений». Обратим внимание, что и это в полной мере не удалось. Вундт прекрасно понимал, что сознание целостно. Никакие ассоциации не в состоянии объяснить, как из элементов складываются целостности. Вундту приходится *постулировать* наличие закона творческого синтеза и, как следствие, выводить из него апперцепцию. Апперцепция – некая сила, локализуемая в лобных долях, способная организовывать элементы опыта в целостности.

Обратим внимание на важный момент. Проект Вундта, хотя он не состоялся в той мере, в какой мыслился автором, был первым вариантом последовательной эмпирической психологии. Предполагалось, что данные о предмете будут получены *непосредственно*. Субъективный метод критиковался, поэтому данные о предмете (непосредственном опыте) получались, по Вундту, только тогда, когда испытуемый проходил специальное обучение, в процессе которого он научался выделять в самонаблюдении то, что соответствовало пониманию предмета. К аналогичным выводам пришли ученые Вюрцбургской школы, испытуемыми в их работах были лишь профессиональные психологи, знающие, что нужно описывать. При этом исходили из принципиального допущения, что предмет *обнаруживается*, непосредственно «является», т. е. выступает как *явление*, феномен. Это в равной степени относилось к вариантам и субъективной, и объективной психологии. В первоначальных вариантах последней полагалось, что изучается поведение, которое непосредственно *является* наблюдателю. Достаточно скоро выяснилось, что это не вполне так.

Однако со времени появления основных школ психологии (начало XX в.) стало ясно, что это допущение неоправданно: реальный предмет как явление исследователю недоступен, он *конструируется* исследователем. Впервые с этим феноменом, как можно полагать, столкнулись в психоанализе и Вюрцбургской школе, так как вытесненные в бессознательное переживания и детерминирующие тен-

денции *непосредственному исследованию были недоступны*. В психологии началась новая эпоха.

Необходимо подчеркнуть следующее. В рамках философской психологии душа понималась как принципиальная *целостность*, включающая психический мир человека целиком. Это было очень значимое положение, поскольку в единстве рассматривались и познание, и чувства, и воля, объединяемые тем, что они *принадлежат душе*. Обратим внимание и на то, что в учениях о душе — по крайней мере с Фомы Аквинского — присутствовало положение о *простоте души*. Подчеркнем, что она трактовалась *как простая сущность*. Если этот тезис нуждается в пояснении, то подход к душе как *простой* можно уподобить античному пониманию атома как далее неделимого. Иными словами, это положение устанавливало естественный предел познания, за который человеческая мысль двигаться не могла. Подчеркнем, что эта простота никоим образом не препятствовала выделению видов души, а также использованию различных классификаций. Если кому-то последний тезис покажется противоречащим идее простоты, напомним, что, по Демокриту, существовали разные атомы, хотя все они были «далее неделимыми». Еще одно важное обстоятельство: трактовка души как *простой* не позволяла ее *редуцировать* к каким-то ограниченным моделям, ибо *сущность души* как целого, как *простой сущности* не могла быть сведена к другой *сущности*.

Вторая волна отказа от термина «душа» прошла позднее. На этот раз душа совсем изгонялась из научной психологии, поскольку полагалась анахронизмом. Психологи сами отказались от использования понятия *души*, это было принципиальное решение самих представителей психологической науки, которые руководствовались лучшими побуждениями.

Приведем пример. А. Ф. Лазурский написал учебник психологии, в котором, естественно, было упоминание о душе (Лазурский, 1915). Можно в качестве иллюстрации к рассматриваемому вопросу привести историю переизданий именно этого учебника. Третье издание оказалось уже «бездушным». В 1924 г., переиздавая учебник Лазурского (по второму изданию 1915 г.), Л. С. Выготский как редактор выбрасывает упоминания о душе (студенты должны по какому-то учебнику учиться, а новых пока что не написано). Выготский поясняет в своем предисловии купюры и вставки в труд Лазурского, в частности, указывая: «Еще выпущена одна страница из главы I — „Предмет

и задачи“, где автор вразрез с общей своей точкой зрения защищает право науки на введение гипотез и утверждает, что в этом смысле понятие души как основы наблюдаемых нами психических процессов имеет полное право на существование. Это отбрасывает нас так далеко назад в прошлое даже по сравнению с эмпирической психологией, этой психологией без души, что прозвучало бы несомненным и резким диссонансом в курсе научной психологии» (Выготский, 1982, с. 65). Подчеркнем, что отказ от «души» был результатом *самоопределения психологов*. Никакого внешнего или идеологического давления первоначально не было. Ученые посчитали, что так будет удобнее. И их можно понять: успехи естественной науки вызвали у психологов чувство, близкое к зависти. Они захотели быть «как все» (представители естественных наук).

Было тем самым снято ограничение на познание, открывшее дорогу самому разного рода редукциям. Подчеркнем: отказ от души означал тем самым и отказ от идеи принципиальной *целостности*.

В *научной психологии* (представители разных направлений идентифицировали себя именно так) возникло множество *различных подходов*, каждый из которых позиционировал себя как *новый*, современный, правильный, подлинно научный. К альтернативным подходам (так же, как и к концепциям прошлого) отношение было снисходительным, как к «кладбищам феноменологии». Странник каждого подхода исходил из своего понимания предмета психологии, который трактовался как подлинно научный и поэтому неизбежно ограниченный, одномерный (Мазилев, 2017). Новаторы, как правило, полемизировали с Вундтом, находя недостатки в его системе, отталкивались от его учения, акцентируя тот или иной недостающий элемент. Тем самым была заложена традиция, которая жива до сих пор: *конструировать простые научные предметы*.

Внутри каждого из множества подходов (это и основные школы, и другие, менее известные подходы в психологии) происходила определенная *эволюция*. В целом можно выделить две важные, связанные, но различные тенденции:

1. *Экспансия*, т.е. попытка *экстенсивно* расширить свою частную трактовку предмета на как можно большее научное пространство. Такая эволюция идеи прекрасно описана Л.С. Выготским в «Историческом смысле психологического кризиса» (Выготский, 1982).

2. *Эволюция* подхода (условно говоря, *интенсивная*), связанная с его развитием и углублением: если подход существовал достаточно долго, намечалась стихийная интеграция, т. е. *выход* за рамки исходных представлений, заимствование и использование понятий из других направлений (тенденция, хорошо известная в истории психологии – см. историю и происхождение неотрей-дизма, необихевиоризма и т. д.).

Не имея возможности развивать эту тему в рамках настоящего текста дальше, отметим только, что внутри этих подходов формировались теории тех или иных психических явлений (восприятия, мышления, памяти, личности и т. д.), которые их авторам представлялись *общими* научно-психологическими теориями, тогда как реально они неизбежно были частными *теориями*, поскольку были сформулированы *в рамках ограниченно понимаемого предмета*.

Нельзя не отметить, что широкое распространение получила идея в качестве целого (психики) использовать единицы, что, несомненно, упрощало проведение психологического исследования, но делало проблематичным решение общей задачи познания психического.

Для того чтобы обозначить, как указанные теории относились к предшествующим и альтернативным, рожденным в других подходах, воспользуемся описанием А. В. Юревича: прошлое психологии «обычно предстает как скопление ошибок, нагромождение артефактов, паутина тупиковых направлений исследования или, в лучшем случае, как беспорядочное накопление феноменологии, которое по отношению к психологии грядущего призвано сыграть ту же подготовительную роль, какую философия сыграла по отношению к науке. Именно в силу такого отношения к прошлому психологическое знание не кумулятивно, а любое новое направление психологической мысли уверенно отмечает все предыдущие, видя в них только „кладбища феноменологии“, фон для оттенения своих достоинств и иллюстрации чужих ошибок» (Юревич, 2008, с. 5). Таким образом, психология – в том числе и современная – представляет *совокупность различных подходов, теорий, практически не соотносенных между собой*.

До недавних пор было справедливо разграничение, разделяемое подавляющим большинством отечественных психологов, согласно которому термин «психика» используется в научной психологической литературе, а «душа» преимущественно в теологической

и философской. В последние десятилетия некоторые представители научной психологии все чаще обращаются к термину «душа». Сторонником возвращения души был известный психолог В. П. Зинченко, в частности отмечавший: «У меня хватает чувства юмора, чтобы не определять душу. Более того, едва ли возможно ее определение. Это не столько понятие, сколько некоторый культурный концепт» (Зинченко, Подорога, 2005, с. 34).

Здесь пора сказать, в чем состоит главная, на наш взгляд, заслуга автора представленной книги. В. Д. Шадриков не просто заявляет, что душа должна стать *предметом научной психологии*, он *реально осуществляет это*. Монография, которую держит в руках читатель, возможно, ознаменует поворот, который сделает психологическая наука, возвратившись на путь, предначертанный историей. Оставаясь в полном смысле научным психологом, используя методы научной психологии, ученый делает предметом рассмотрения и анализа душу в ее научном понимании как *внутренний мир человека*.

Такая установка исследователя полностью соответствует мечте-идее А. Маслоу, поскольку он убедительно показал, что именно наука должна обратиться к исследованию собственно человеческих феноменов, делающих человека человеком: «...[науке] не нужно ограничиваться ортодоксальным подходом. Ей не нужно отречься от проблем любви, творчества, ценностей, красоты, воображения, нравственности и „радостей земных“, оставляя их „неученым“ — поэтам, пророкам, священникам, драматургам, художникам или дипломатам. Любого из этих людей может посетить чудесное озарение, любой из них может задать вопрос, который следует задать, высказать смелую гипотезу и даже в большинстве случаев оказаться правым. Но сколь бы он ни был убежден в этом, ему вряд ли удастся передать свою уверенность всему человечеству. Он может убедить только тех, кто уже согласен с ним, и еще немногих. Наука — это единственный способ заставить нас проглотить неуютную истину. Только наука может преодолеть субъективные различия в нашем видении и в убеждениях. Только наука может питать прогресс. Однако факт остается фактом: она действительно зашла в своеобразный тупик и (в некоторых своих формах) может представлять угрозу для человечества или, по крайней мере, угрозу самым возвышенным и благородным качествам и устремлениям человечества. Многие восприимчивые люди, особенно люди искусства, опасаются угнетающего воздействия науки, ее стремления разделять, а не соединять вещи,

то есть – разрушать, а не создавать...» (Маслоу, 1997а, с. 18). Книга В. Д. Шадрикова нацелена на то, чтобы создавать, поскольку, на наш взгляд, внутренний мир человека как предмет психологии может явиться той объединяющей платформой, на которой возможно аккумулирование психологических знаний, в чем остро нуждается современная психология.

Путь В. Д. Шадрикова к таким решениям, которые зафиксированы в его новой книге, был достаточно долгим. Вероятно, первые шаги были сделаны в маленькой, но важной книге В. Д. Шадрикова «Духовные способности», которая была опубликована в далеком уже 1997 г. Затем последовала резонансная статья в издании «Психология. Журнал ВШЭ» в 2004 г, известная монография 2006 г. «Внутренний мир человека».

Согласно В. Д. Шадрикову, «внутренний мир человека – это живой мир, и потребностно-эмоционально-информационная субстанция, представляющая внутренний мир – это живая субстанция. *Можно сказать, что эта потребностно-эмоционально-информационная субстанция и есть душа человека. Эта душа живет в единстве с телом и относительно независима от внешнего мира.* Подчеркнем, что душа живет и может сама себя рефлексировать, может в каждый момент времени проживать всю жизнь или отдельные события. С этой точки зрения душа живет вне времени». Заметим, что термин «субстанция» используется автором в том смысле, который придавал ему С. Л. Рубинштейн в своей последней работе (Рубинштейн, 2012, с. 24).

Обратим внимание, что в основу рассмотрения автор положил «мысль» как ведущую категорию мира внутренней жизни человека, которая позволяет показать его генезис этого мира и определить понятие души человека. В. Д. Шадриковым рассматривается структура души и ее проявления в различных психических явлениях, деятельности и общении. Подчеркнем, что работу выгодно отличает возможность органично вписать дух, духовное начало в структуру внутреннего мира человека.

В приложении приводятся конкретные исследования автора, в которых показана возможность эмпирического изучения мысли как основного компонента мира внутренней жизни.

Работа В. Д. Шадрикова имеет, на наш взгляд, большое *методологическое значение*. Как можно полагать, она вызовет дискуссии и обсуждения, что стоит расценивать как несомненное достоинство

книги, ибо далеко не каждому научному труду выпадает счастливая судьба «будить» мысль коллег и вызывать споры.

Можно полагать, работа автора в данном направлении продолжается и будет продолжаться. Поэтому наивно было бы думать, что в одной книге найдутся ответы на все возможные вопросы. К тому же полезно помнить, что не на все вопросы наука может ответить в тот или иной момент времени. Проблема души, несомненно, относится к числу междисциплинарных. Междисциплинарность в психологии неизбежна, принципиально междисциплинарными, по сути, являются попытки понять природу психического (Журавлев, 2007, с. 15–32).

В качестве пожеланий сформулируем следующее. В последующих работах (и переизданиях этой книги – авторы предисловия абсолютно не сомневаются в том, что они будут) хотелось бы увидеть отражение позиции автора монографии по ряду вопросов. Первоочередной задачей психологии, как представляется, является исследование того, как внутренний мир человека – психологическая функциональная система – порождает и обеспечивает функционирование *образа мира*. Хотелось бы, чтобы автор посвятил специальный раздел обсуждению и выяснению того, что психологическая наука может дополнительно конструктивно и эвристично использовать из многовекового опыта изучения души философскими и этнокультурологическими методами. Неизбежным является также вопрос о соотношении исследований души в рамках теологии и научной психологии. Автором монографии представлена убедительная структура внутреннего мира и его уровневое строение, показана роль мысли как основной категории внутреннего мира человека. Однако, учитывая несомненный факт уровневого строения внутреннего мира и, в частности, наличие неосознаваемых уровней, уместно, вспомнив К. Г. Юнга, предположить, что не последняя роль в его функционировании принадлежит также эмоциям и переживаниям.

Хочется пожелать книге доброй встречи с широким кругом читателей – профессиональных психологов, представителей гуманитарных и естественных наук. Многоуважаемому автору В. Д. Шадрикову – дальнейшего проникновения в тайны души и новых публикаций по этой захватывающей теме.

Академик РАН, проф. *А. Л. Журавлев*,
докт. психол. наук, проф. *В. А. Мазилев*
6 июня 2021 г.

Введение

Если мы обратимся к происхождению термина «психология», то в переводе с греческого – это наука (logos – наука, слово) о душе (psyche – душа). Длительное время психология и занималась изучением души человека. Но что такое душа?

В диалогах у Платона душа определяется как «то, что само себя движет, причина жизненного движения существ» (Платон, 1994, с. 615). Душа рассматривается как бессмертная сущность человека, как причина всякого перемещения и движения, как божественный разум, как недоступная ощущениям, умопостигаемая, справедливая, рассудительная, мужественная и мудрая; душе присуще божественное дыхание, она, вечносушая, благая и злая и др., отличается от тела, но соединена с ним

Познанию души Аристотель посвятил отдельный трактат. Признавая познание делом прекрасным и достойным, он писал: «Душается, что познание души много способствует познанию всякой истины, особенно же познанию природы» (Аристотель, с. 369). Одновременно он отмечает, что «добиться о душе чего-нибудь достоверного во всех отношениях, безусловно, труднее всего» (там же). Аристотель в данной работе намечает целую программу изучения души: ее структуры, связь души с телом, отношения души и мышления, сущности души, ее функции.

Важно отметить, что в своем исследовании души Аристотель опирается на предшественников: Демокрита, Левкиппа, Анаксагора, Платона, Фалеса и др. Это свидетельствует о том, что душа в античный период активно изучалась многими крупными мыслителями.

В Библии душа описывается в трех позициях:

- *по происхождению* (генезису): душа есть производное от соединения тела и духа; «и создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душою живою» (Быт. 2: 7);
- *по месту пребывания*: в сердце, в крови; «душа тела в крови» (Левит 17: 11); «ибо душа всякого тела [есть] кровь его, она душа его» (Левит 17: 14);
- *как набор* чувств, сердечных побуждений: душа страдает (Быт. 42: 21), томится и радуется (Пс. 83: 3, 85: 4), любит (Быт. 34:3; П. Песней 3: 1–4), проявляет желания (Втор. 12: 20 и далее; Михей 7: 1), душа мучается (Ис. 53: 11), подвергается терзаниям и унынию (Иов 19: 2; Пс 41: 6), скорбит (Пс. 118: 81), таит злые чувства или выражает их (Притчи 13: 2), душа изливается (в слезах) пред Господом (Иов 30: 16; 1 Царств 1: 15)*.

Длительное время философы и богословы изучали душу человека. Но при обращении к понятию души вспоминаются слова С. Л. Франка: «Будущий историк нашей современной духовной культуры, вероятно, с удивлением отметит как один из характернейших ее признаков отсутствие в ней какого-либо определенного и принципиального учения о сущности человеческой души и о месте человека и его духовной жизни в общей системе целого» (Франк, 1997, с. 6). Прекрасное обозначение «психология» — учение о душе, — пишет далее Франк, — было просто незаконно похищено и использовано как титул для совсем иной научной области; оно похищено так основательно, что, когда теперь размышляем о природе души, о мире внутренней реальности человеческой жизни как таковой, то занимаемся делом, которому суждено остаться безымянным или для которого надо придумывать какое-нибудь новое обозначение (там же, с. 8).

По поводу высказывания С. Л. Франка можно сказать, что *психология сама ушла от души* как предмета исследования. Но настало время вернуться к данному понятию в психологии и сделать душу предметом психологии, предметом научного изучения. В подтверждении возможности такого возвращения приведем оценку динамики интересов в психологии, данную Р.Л. Аткинсон с соавт. в рабо-

* Автор выражает благодарность О. В. Борисовой за помощь в работе с текстом Библии.

те «Введение в психологию»: «В целом можно сказать, что в течение прошедшего столетия точка, находящаяся в центре внимания психологии, совершила полный круг. Отвергнув опыт сознания в качестве предмета психологии как малопригодный для научного анализа и обратившись к изучению внешних наблюдаемых форм поведения, психология снова вернулась к построению теорий, касающихся скрытых аспектов разума, на этот раз обладая более совершенными инструментами научного исследования» (Аткинсон и др., 2003, с. 32).

При этом будем помнить мудрые слова Н. П. Бехтеревой: «Применение современных методов исследования мозга: прямой регистрации импульсной активности нейронов и нейронных популяций, изучение ЭЭГ, позитронно-эмиссионной томографии (ПЭТ), функциональной магнитной резонансной томографии (ФМРТ), устойчивых патологических состояний (УПС), нейрохимических методов позволили приступить к макрокартированию мозга по отношению к отдельным психическим функциям, эмоциональным состояниям, основам сознания и мыслительной деятельности человека».

Дальнейшая работа по расшифровке кодов обеспечения содержания мыслительной деятельности потребует изучения «молекулярно-биологических процессов, мембранных и внутриклеточных явлений, уточнения функционального значения каждого из этих событий и выявления тех, которые для расшифровки кода обеспечения мыслительных процессов являются комплементарными, вносящими новую, дополнительную информацию» (Бехтерева, 2013, с. 101).

Интересно заключение, которое делает Н. П. Бехтерева из анализа результатов исследования мозга, проводимых во всем мире, в том числе и в нашей стране. Оно сводится к следующему: думается, что расшифровка мозгового кода обеспечения мыслительных процессов реальна, дело за временем и дальнейшем развитии техники. Но дальше лежит *идеальное*. Для его изучения «необходимо сохранять разумное отношение к материальному базису явлений, вести целенаправленный и все более глубокий поиск в его расшифровке. И в то же время попытаться для себя, не загоняя все в «железобетонное» ложе материализма, пытаться раскрыть, что же такое идеальное» (там же, с. 97).

Сходную мысль высказывает Т. Н. Ушакова в своей фундаментальной монографии, рассматривая проблему взаимоотношения слова и мысли. «Парадоксально, но до сегодняшнего дня названная проблема ускользает от своего разрешения и продолжает оставаться

ся достаточно загадочной» (Ушакова, 2011, с. 210). Давая объяснение данной ситуации, Т. Н. Ушакова отмечает, что «ее непреодолимость кроется в том, что необходимо проследить связь двух, казалось бы, непересекающихся сфер человеческой психики: сферы нематериальной, включающей сознание, мысли, чувства человека, с одной стороны, и с другой – физические, материальные явления звучащей или записанной речи» (там же).

Известный английский философ Д. Чалмерз выделяет в проблеме «сознание и мозг» две задачи: понять, какие мозговые механизмы лежат в основе определенных когнитивных действий и понимание того, как на основе работы мозга, формируется внутренний субъективный мир человека (Chalmers, 1995).

В настоящей монографии сделана попытка раскрыть научное содержание понятия «душа» через анализ формирования и функционирования мира внутренней жизни человека.

Две группы фактов свидетельствуют о том, что существует реальная внутренняя жизнь человека: это повседневный опыт и экспериментальные данные. Мы часто, характеризуя того или иного человека, говорим: живет в мечтах, живет в прошлом, весь в планах на будущее, ушел в себя, живет внутренней жизнью и т.д. Все, что мы в этом случае подразумеваем, относится к внутренней жизни реального человека. Хотелось бы подчеркнуть, что, говоря о внутренней жизни, мы подразумеваем не отдельные процессы мотивации, представления, воображения, чувства, интеллектуальные качества, а сознание того, что внутри нас есть «нечто», что определяет наше поведение. Скромный и застенчивый человек может глубоко и эмоционально переживать события своей жизни, а деятельный и общительный быть внутренне бедной личностью. Внутренний мир человека и его внутренняя жизнь составляет сущность личности.

Вторая группа факторов, подтверждающих возможность реальной внутренней жизни – экспериментальные данные, связанные с электрическим раздражением глубинных структур мозга. Эксперименты с ЭРМ открыли новую страницу экспериментальной нейрофизиологии и предоставили интересный материал для психологии.

Прежде всего, здесь следует отметить работы канадского нейрохирурга Уайлдера Пенфильда (1975) и австралийского нейрофизиолога Джона Экклза (Eccles, Popper, 1977). Пенфильд, стимулируя электрическими разрядами различные участки головного мозга, составля-

ет карту мозговых функций. Этой работой он занимался на протяжении десятилетий, обследовал более 10000 пациентов. Анализируя работы Пенфильда, Марио Борегар отмечает, что «к концу своей научной карьеры Пенфильд заключил, что высшие психические функции – такие, как сознание, мышление, воображение и воля, – мозгом не порождены: разум – не физическое явление, взаимодействующее с мозгом» (Борегар, 2020).

В настоящее время в научных кругах идут многочисленные дискуссии, смысл которых сводится к вопросу: что такое сознание (или самосознание)? Многие авторы утверждают, что материальные и нематериальные явления имеют право на существование и обсуждение. Но изучать реальность сознания – это начало, за которым следуют вопросы: почему оно реально, почему оно существует, каково его отношение с материальным мозгом, для чего нужно сознание, могло ли оно возникнуть в процессе эволюции, что есть в сознании, чего нет в мозге, и др.?

Интересной в этом плане представляется концепция Джона Экклза «самосознающего разума». Он утверждает, что самосознающий мозг может *эффективно* влиять на явления мозга, что единство сознательного опыта обеспечивается самосознающим разумом, а не нейронным механизмом координирующих зон полушарий мозга, что должна существовать некая частичная независимость самосознающего разума от реакций мозга, с которым он взаимодействует (Eccles, Popper, 1977).

Не остались в стороне и отечественные нейрофизиологи. В качестве примера можно привести гипотезу о мозге как когнитивном органе, выдвинутую К. В. Анохиным, в которой он стремится раскрыть тайну сознания, устранить разрыв между психикой и мозгом (Анохин, 2021).

Особую важность для нас имеют опыты Х. Дельгадо, который показал, что электрические раздражения отдельных структур мозга приводят к актуализации прошлого опыта и – это особенно важно подчеркнуть – воспроизводимый эпизод жизни представлялся не как воспоминания, а как реальное ощущение. Так, например, при электрическом раздражении височной доли мозга участвующие в эксперименте слышали звуки музыки. Иногда это был определенный мотив, который человек узнавал и мог понять, а в некоторых случаях ему казалось, что в комнате включали радио или проигрыватель. Звук воспринимался не как воспоминание, а как реальное

ощущение, когда можно было различать отдельные инструменты оркестра и слова песни. Эти галлюцинации не были застывшими, они разворачивались во времени как реальный процесс. При электрическом раздражении мозга вспоминались не только предметные события, но и эмоции, испытанные при том или ином реальном восприятии. Раздражение отдельных структур влияет на дружелюбие и разговорчивость, порождает агрессивность и тормозит отдельные поведенческие реакции.

Анализируя совокупность фактов, связанных с ЭРМ, Х. Дельгадо делает очень важный вывод: данные, полученные в опытах с ЭРМ, позволяют «предполагать, что нейроны сохраняют полную запись прошлых событий, включая всю сенсорную информацию (зрительную, слуховую, проприоцентивную и т. д.), а также эмоциональное звучание событий» (Дельгадо, 1971, с. 156). Сюда же можно отнести экспериментальные данные, полученные К. Прибрамом и интерпретированные с позиций голографического механизма нейронного процесса.

Таким образом, появляются экспериментальные предпосылки, позволяющие рассматривать естественно-научные основы мира внутренней реальной жизни.

В отечественной психологии длительное время доминировала философская концепция «отражения». Главное внимание уделялось проблеме правильного, адекватного отражения внешнего предметного мира человеком. На этом пути достигнуты большие успехи в области физиологии, нейрофизиологии, нейропсихологии и психологии. Однако вне поля внимания оставался сам внутренний мир человека, внутренняя психическая жизнь. Практически ни в одном учебнике психологии мы не найдем отдельной главы, посвященной этой проблеме. С позиции концепции «отражения», как психического явления, изучение мира внутренней реальной человеческой жизни ограничивалось (и даже подменялось) исследованием сознания человека.

Вместе с тем именно внутренняя жизнь человека всегда составляла предмет психологии, рассматривалась ли она с позиций психологии сознания или психологии бессознательной детерминации. Значительный вклад в изучении внутренней жизни человека внесли психоанализ З. Фрейда, аналитическая психология К. Юнга, индивидуальная психология А. Адлера и другие направления глубинной психологии.

На предшествующем этапе изучения психики, который можно назвать глобально-аналитическим, проходило постепенное разложение целостного психического: знание было отделено от переживания, восприятие и память от мышления, сознательное от бессознательного, способности от познавательных процессов, качества личности от характера, характер от темперамента, психические состояния от психических процессов, биологическое от социального.

Сегодня настало время перейти от аналитического подхода к синтезу накопленных знаний и представлениям о целостной психике, к реализации системного подхода к изучению психики. Настало время изучения внутреннего мира человека и внутренней психической жизни как реальности!

Наконец, важным для рассмотрения нашей проблемы представляются данные по нейроонтогенезу*. Исследования показывают, что «мозг ребенка к моменту рождения более чем другие органы подготовлен, но подготовлен не столько к непосредственному функционированию, сколько к развитию, обучению навыкам функционирования в конкретных условиях окружающей внешней среды. Генетической программой предусмотрено такое строительство мозга во внутриутробном периоде, чтобы его функциональное созревание было отсрочено на период после рождения, когда мозг будет достраиваться, формообразовывать свои функциональные системы в соответствии с конкретными формами своего взаимодействия с внешней средой (Скворцов, 2000, с. 31–32). Это развитие идет по пяти основным направлениям: двигательному, перцептивно-интеллектуальному, речевому и коммуникативному. Важно отметить, что «во избежание ошибки восприятия информация об одном и том же событии доставляется в интерпретирующие центры по нескольким дублирующим информационным каналам, приемные (рецепторные) системы которых имеют разные принципы строения и функционирования. Например, формирование представлений о положении тела в пространстве осуществляется при участии зрительного, вестибулярного и слухового анализатора, различных информационных потоков от рецепторов, заложенных в мышцах, суставах и даже в кровеносных сосудах конечностей, туловища и головы (там же, с. 13).

* Нейроонтогенез – генетически запрограммированные структурные и функциональные превращения в нервной системе от момента зарождения организма до его смерти (Скворцов, 2000).

Приведенные выше факты позволяют высказать следующие положения:

- ребенок рождается на свет в биологическом плане подготовленным к развитию и функционированию в конкретных условиях окружающей среды;
- в результате взаимодействия с окружающей средой, направленного на сохранение жизни, а в последующем и продолжение вида, формируется *содержание психики*, отражающее прошлые события и их эмоциональное звучание, связанное с потребностями индивида;
- особую роль в формировании содержания психики в определенных структурах играет память, которая является базисным механизмом мира внутренней жизни.

Современные исследования в области нейроонтогенеза подтверждают гипотезу Дж. Локка о том, что на момент рождения психика ребенка представляет чистую доску (*tabula rasa*). Каково будет содержание психики, зависит от реальной жизни ребенка (а в дальнейшем и взрослого).

Несущей конструкцией нашего представления о душе человека является положение о том, что мысль выступает основной категорией, характеризующей содержание мира внутренней жизни человека. Поэтому предметной мысли, ее порождению, структуре, выражению мысли в слове, представленности мысли в образе, представлении, воображении, мышлении в работе уделено существенное внимание.

Определив содержание психики через мысль, в монографии рассматривается зарождение внутреннего мира, его структура и функции, отношение понятий мира внутренней жизни и души человека. Отдельная глава посвящается способностям, реализующим установки души.

Монография состоит из основной части и трех приложений. Данная структура обусловлена следующими факторами: основная часть носит методологический характер, и автор старался не перегружать ее эмпирическими данными; в приложении помещены две экспериментальные статьи и доклад на теоретическом семинаре. Они показывают, что методологические и теоретические положения, рассматриваемые автором, базируются на эмпирическом материале. Одновременно через приложения автор старался показать, что экс-

периментально можно изучать и такую тонкую сущность, какой является мысль и душа человека.

Можно с уверенностью сказать, что забытые вместе с психологией сознания мысль и душа человека вновь должны стать одним из важнейших предметов научного изучения в психологии.

* * *

Автор благодарен своим родителям и учителям, друзьям и коллегам по работе, ученикам и читателям, которые во многом определили появление данной книги.

Автор благодарен А. Л. Журавлеву и В. А. Мазилу за рецензирование монографии, Н. Н. Пахомову за интерес, проявленный к рукописи, и креативное предложение.

Особую признательность автор выражает ректору Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» Я. И. Кузьминову за создание условий для плодотворной научной работы.

Автор благодарен О. В. Борисовой и О. В. Шапошниковой за подготовку данной монографии к изданию.

Глава I

Мысль как основная категория мира внутренней жизни

Рассматривая содержание психики, необходимо определить носителя этого содержания, и здесь мы с необходимостью обращаемся к мысли: ее сущности, структуре, процессам порождения и ее функционированию.

Ранее мы отмечали, что для того чтобы существовать, человек должен обеспечивать все условия для сохранения жизни и продолжения рода, а это, в свою очередь, осуществляется благодаря активному отношению с внешним миром. При этом причины активного отношения лежат в самом человеке. В качестве таких причин, прежде всего, выступают *потребности* человека. Механизмом, регулирующим отношения человека с внешним миром, выступает *психика* человека. Проблемами формирования и функционирования психики занимается *психология*. Психика характеризуется *содержанием* и *функционированием*, проявляющимся в форме взаимодействия человека с *внешним миром*. Содержание психики соответствует содержанию *внутреннего* мира человека. В совокупности с механизмами активности это содержание выступает как мир *внутренней жизни* человека.

1.1. Предметная мысль

Механизмом познания окружающего мира выступают психические функции, которые реализуются соответствующими физиологическими функциональными системами. Исходной формой такого познания выступает *функции ощущения* и *восприятия* внешнего мира.

Результатом восприятия являются образы предметов и их частей (качеств) в их единстве, а также действие (деятельность) и признаки процессуальной динамики действий.

Важно подчеркнуть единство образа и его признаков. Это ключевой момент. *Единство образа и его признака выражается в мысли.* Мысль несет в себе *связь* образа и его признака. Образ без признаков – фантом, но и признак без образа – ничтожен. В связи образа и предмета восприятия заключается *предметность* восприятия, его отнесенность к предметам внешнего мира. Мысль реализует предметность восприятия. С другой стороны, и это важно подчеркнуть, мысль является идеальной конструкцией. *Мысль* соотнесена с *предметом и идеальна*. Различные виды связей классифицируются по различным основаниям*. В данном случае связь выступает в своей *порождающей* функции. Связь предмета и его свойства порождает мысль у субъекта познания.

1.2. Структура мысли

Несмотря на длительную философскую традицию изучения мышления и сознания, многочисленные подходы и трактовки данных явлений, успехи в этой области достаточно скромные. Включение в данную сферу исследований биологов, психофизиологов, нейропсихологов приоткрыло завесу материальных основ психической деятельности. Определенный вклад внесли психолингвистика и семантика, кибернетика и информатика, а также художественное творчество и поэзия.

Однако ситуацию с изучением самой мысли как предмета исследования можно определить, перефразируя слова С.Л. Рубинштейна

* Связь – взаимообусловленность существования явлений, разделенных в пространстве и во времени. Связи классифицируются по формам движения материи, по формам детерминации (однозначные, вероятностные и корреляционные), по их силе (жесткие и корпускулярные), по характеру результата, который дает связь (связи порождения, связи преобразования), по направлению действия (прямые и обратные), по типу процессов, который определяет данная связь (связи функционирования, связи развития, связи управления), по содержанию, которое является предметом связи (связь, обеспечивающая перенос вещества, энергии и информации) (БЭС, с. 1071).

о способностях так: все используют понятие «мысль», но никто не говорит, что она есть, какова ее сущность, как она рождается и участвует в процессах мышления.

В чем же причина такого положения дел? Нам представляется, что одна из причин заключается в неразработанности онтологии мысли. Как отмечает М. А. Холодная, «в силу максимальной свернутости психических структур возникает иллюзия их отсутствия как психологического факта и, следовательно, как объекта психологического исследования» (Холодная, 2012, с. 51). Это положение полностью относится и к изучению структуры мысли. В рассуждениях о мышлении мысль берется как некоторая данность, без раскрытия ее психологической сущности.

Последствия такого положения, пишет Холодная, драматичны: «происходит деформация предмета психологического исследования в силу деонтологизации психической реальности» (там же, с. 51). В случаях изучения мысли это приводит к сведению мысли до информации, мысль депсихологизируется. Существенную роль в разрешении онтологической проблемы М. А. Холодная видит в построении исследований на основе *структурно-интегративной методологии*, «основные положения которой позволяют изучать психологические феномены в качестве психологических структур, имеющих специфические закономерности своего устройства и функционирования» (там же, с. 52). Нам представляется, что предложенная методология важна и при психологическом изучении мысли как психического явления.

Рассмотрим этот вопрос подробнее. Определяя мысль как связь образа предмета и его признака, мы, прежде всего, подчеркиваем взаимообусловленность их существования во времени и пространстве, а также порождающую функцию этой связи. Связь образа предмета и его свойства несет в себе также определенную *информацию*. Предмет наделяется определенным содержанием (информацией), *заключающейся в соответствующей мысли*. Вначале эта информация относится к внешним признакам предмета, позволяющим построить образ предмета восприятия, затем, в процессе использования предмета в поведении и деятельности, раскрываются его внутренние свойства, позволяющие использовать предметы в целях поведения. Этот процесс целесообразно обозначить как процесс *интеллектуализации образа* предмета. В ходе этого процесса с образом начинают связываться не только его внешние признаки, но и *функ-*

ционально значимые качества. Образ обогащается функционально-значимым содержанием. Как отмечал С. Л. Рубинштейн, в деятельности, направленной на познание, «поставленная проблема во всем многообразии своих объективных свойств и принципов включается во все новые связи и в силу этого выступает во все новых свойствах и качествах, которые фиксируются в новых понятиях; из проблемы, таким образом, как бы «вычерпывается» все новое содержание, она как бы поворачивается каждый раз своей новой стороной, в ней выявляются все новые свойства» (Рубинштейн, 1958, с. 98).

Каждый поворот предмета и вычерпывание соответствующего содержания есть новая мысль. Именно состав этих мыслей и характеризует *содержание* образа предмета. В этих процессах порождается содержание психики. Несомненно, что содержание психики обогащается и за счет усвоения понятий, но сами понятия усваиваются продуктивно, когда они связаны с чувственными данными.

В каждой мысли схватывается только одна сторона предмета. В совокупности мыслей-признаков формируется функциональное *значение* предмета.

Как писал У. Джемс, «элементарным психическим фактом служит не мысль вообще, не «эта или та мысль», но «моя мысль», вообще «мысль, принадлежащая кому-нибудь...» Худшее, что может сделать психолог, — это начать истолковывать природу личных сознаний, лишив их индивидуальной ценности» (Джемс, 1901, с. 114).

В приведенной цитате содержится два важных для нас положения:

- во-первых, психолог должен заниматься не сознанием вообще, а *личным* сознанием, принадлежащим конкретному человеку;
- во-вторых, нельзя истолковать природу личностных сознаний вне личностных мыслей.

Необходимо отметить, что мысли порождается мыслящим человеком, и поэтому мысль всегда носит субъективный характер.

Этот процесс субъективации мысли идет по трем направлениям:

- в мысли опредмечивается потребность мыслящего субъекта;
- мысль «оборачивается» в нравственные устои субъекта;
- происходит социокультурная субъективация мыслей.

В той мере, в какой человек воспитан в определенной культуре, он будет в ее контексте воспринимать и внешний мир. Например, для нас мак — это цветок и растение, обладающее апотропейными свойст-

вами, а для русского крестьянина — это и действенный оберег от нечистой силы. Для современного человека куница — это животное, обладающее ценным мехом, а в народных представлениях — животное, наделенное женской брачной, эротической и ткаческой символикой. Кукла воспринимается как атрибут детских игр, а в народных верованиях — вещь для обрядово-магических действий, слово «круг» в современном понимании — это в основном математическая фигура, а в бытовом понимании — это наиболее значимый мифологический символ, отражающий представление о циклическом времени, деление на «свое» и «чужое», движение по кругу имеет особый магический смысл. Подробно с различным этнолингвистическим смыслом различных понятий славянской культуры можно ознакомиться по пятитомнику «Славянские древности» (Славянские древности, 2005–2011).

Люди, воспитанные в различных культурах, будут наделять одни и те же предметы различным (не совпадающим) значением, и мысли, возникающие при этом, будут различными. По этому поводу О. Шпенглер писал: «Мы едва ли в силах даже представить себе, сколько великих мыслей чужих культур нашли в нас свою погибель, поскольку мы, исходя из *нашего* мышления и его границ, не смогли их ассимилировать, или, что то же, ощущали их ложными, ненужными, бессмысленными» (Шпенглер, 1993, с. 218). Таким образом, наполнение образа мыслями будет зависеть от социально-культурных факторов.

Другим фактором, который мы уже затрагивали выше, является зависимость мысли от нравственных устоев человека. Можно привести суждение Аристотеля о том, что все добродетели души относятся или к нраву или к мысли. Но необходимо пойти дальше — сама мысль зависит от нравственности человека. Как тонко отмечает А. Бергсон, в предыстории человечества ум и мораль существовали в единстве, как единое целое (Бергсон, 1994). Ум и мораль, содержащиеся в друг друга. И если углубиться в историю, то мы обнаружим мораль, более близкую к уму, и ум, более близкий к морали, чем у современного человека. Ум оформлял моральное требование. Мораль руководила сообществом людей и поведением человека внутри общества (там же). Но и сегодня действие ума опутано и контролируется моралью, а в морали проступают действия рассудка. Мораль направляет восприятие и определяет не только образ восприятия вещи, явлений, событий, но и содержание этих образов и мыслей, свя-

занных с ними. Оформление мыслей и образов под влиянием требований морали мы также отнесем к интеллектуализации образов.

Отметим, что обычно под образом понимают образ вещи, но мы не оговорились, когда отнесли образ к явлениям и событиям. Если понимать под образом связанную с ним систему мыслей, то тогда и явления, и события будут иметь свой образ. Как показал Н. А. Бернштейн, «ни одно движение (может быть, за редчайшим исключением) не обслуживается по всем его координационным деталям одним только ведущим уровнем построения... В начале формирования нового индивидуального двигательного навыка действительно почти все коррекции суррогатно ведутся уровнем-инициатором, но вскоре положение изменяется, каждая из технических сторон и деталей выполняемого сложного движения рано или поздно находит для себя среди нижележащих уровней такой, афферентации которого наиболее адекватны этой детали по качествам обеспечиваемых ими сенсорных коррекций. Таким образом, постепенно в результате последовательных переключений и скачков образуется многоуровневая постройка, возглавляемая ведущим уровнем, адекватным смысловой структуре двигательного акта и реализующим только самые основные, решающие в смысловом отношении коррекции» (Бернштейн, 1997, с. 54). Именно так осмысливается ведущий уровень коррекций и отдельные параметры действия, которые и *отражаются в определенных мыслях*. В целом же движение и действие воспринимаются как образ-движение и действие воспринимаются как образ движения-действия, наполненный отдельными мыслями о параметрах движения. Отражение действия в образе и мыслях становится предметом психологического изучения.

В заключение рассмотрим процесс интеллектуализации мыслей и образов, обусловленный потребностями мыслящего субъекта. Как показали исследования, выполненные в школе К. В. Судакова, актуальная потребность, связанная с жизненно важной константой, формирует мотивационное состояние, определяющее активное отношение к раздражителям внешнего мира, приводит в действие прошлый опыт и тем самым способствует целенаправленной организации поведения (Судаков, 1971). На основе доминирующей мотивации возникает химическая избирательность корковых механизмов и осуществляется отбор раздражителей внешнего мира, способных удовлетворить актуальную потребность. Важно отметить, что мотивационное состояние, связанное с актуальной потребнос-

тью, сопровождается эмоциями. И, как следствие, опредмеченная потребность в виде свойств предметов внешнего мира сопровождается эмоциями. Таким образом, мысль, отражающая связь потребности со свойствами предметов внешнего мира, способных удовлетворить актуальную потребность, сопровождается *переживанием*.

Изложенное выше позволяет высказать суждение *о структуре мысли: она включает три компонента: содержание, потребность и переживание*. Именно в единстве трех выделенных компонентов мысль предстает как *живое* знание. В своей связи с потребностями и переживаниями мысль и отличается от информации, которая характеризуется только содержанием.

Нам представляется, что именно в этой структуре мысли, а следовательно, и образа заключаются ее уникальные свойства, проявляющиеся в том, что человек мыслит мыслями. Мысль представляет собой *потребностно-эмоционально-содержательную субстанцию*. И таковой она входит в содержание внутреннего мира человека. В таком виде она и сохраняется в памяти человека: связанной с предметами внешнего мира и их свойствами, потребностями человека и его переживаниями. Графически этот процесс отражен на рисунке 1.

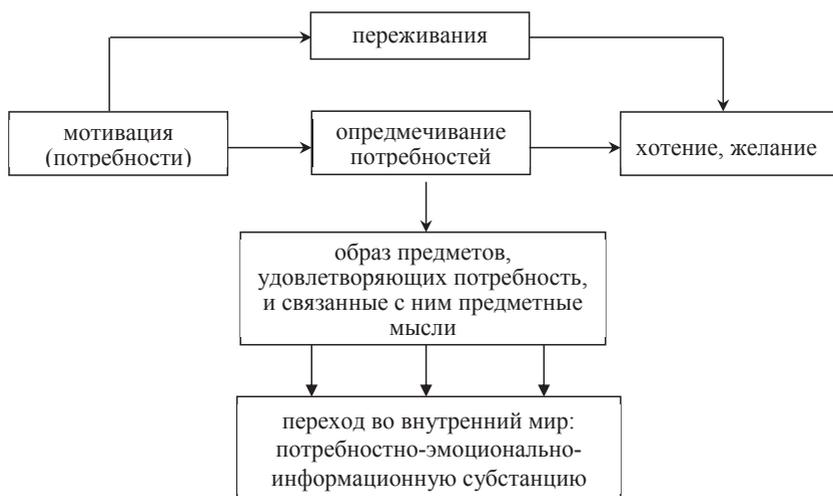

Рис. 1. Формирование мысли и образа

Сформировавшись как субстанция, мысль будет выступать как устойчивое образование, пребывающее во времени, и проявлять свою сущность в отношениях мыслящего субъекта с внешним миром и самим собой. Мысль-субстанция будет составлять содержание ума и занимать свое место в *структуре психики, содержании внутреннего мира человека*.

1.3. Порождение мысли

Рассмотрев вопрос о том, что такое мысль, мы можем поставить другой фундаментальный вопрос: как рождается мысль? В поисках ответа на него мы будем исходить из методологического принципа о роли психики в обеспечении бытия человека.

Традиционно ответ на поставленный вопрос ищут в когнитивной сфере. И это можно объяснить, так как авторы исходят из понятия «информация» и ее места в организации поведения. Мы же, основываясь на нашем понимании мысли как потребностно-эмоционально-содержательной субстанции, выскажем гипотезу о том, что *мысль рождается из желаний и переживаний*.

Желание направляет поиск предмета и/или действий, которые способны удовлетворить актуальную потребность. *Желание* направляет поиск и *оформляется в процессе опредмечивания в мысль*, и мысль начинает выступать в единстве с мотивацией и содержанием, направленным к предмету, способному удовлетворить потребность. Желание может относиться не только к предмету, но и к *действию*, тогда возникает мысль о необходимых действиях (поступках).

Процесс перехода от желания к мысли проходит три стадии:

- 1) мотив (потребность) вначале выступает как хотение, которое может не осознаваться или осознаваться;
- 2) хотение в определенных условиях переходит в желание, которое *опредмечивается и выражается в мысли о предмете желания*;
- 3) мысль-желание реализуется через мысль-действие.

В этом процессе порождения мыслей участвует мышление. Оно работает с содержанием психики, в котором представлены образы и мысли о предметах, способных удовлетворить потребность, необходимых действиях и условиях жизнедеятельности. Мышление реализует функцию принятия решения (выбора): какой предмет и каким спо-

собою может удовлетворить актуальный мотив (привести к разрядке мотивационного состояния).

Рассмотрим это на примере.

Допустим, вы студент. Заканчивается вторая или третья пара. Вы начинаете ощущать чувство голода. Вы осознаете, что хотите есть. Проходя мимо буфета, вы заходите в него, и в зависимости от того, что находится на прилавке и сколько у вас денег, вы принимаете решение взять конкретный продукт (салат, пирожок, что-то из горячего). На этой стадии ваше хотение переходит в конкретное желание, что и реализуется в акте покупки.

По этой схеме реализуется большинство покупок, по этой схеме работает реклама, переводя наш мотив быть привлекательной/ым в хотение купить, а затем в желание приобрести конкретную вещь.

Но посмотрим, как описанная выше схема выглядит со стороны процесса порождения мыслей.

Осознание чувства голода порождает *мысль* о том, что надо что-то съесть. Это, в свою очередь, порождает мысль о том, как это сделать; возможно, у вас есть бутерброд, который вы принесли из дома. Если у вас ничего нет, порождается *мысль*, что надо пойти в буфет, восприятие продуктов в буфете порождает *мысль* о том, что вы хотели бы съесть. Желание конкретной вещи порождает *мысль* о ее стоимости и *мысли* о ваших финансовых возможностях. В результате обдумывания ситуации рождается мысль о том, что вы купите, которая переводится в мысль о том, что надо сделать. Процесс завершается приобретением вещи, которая вами и употребляется в пищу. Процесс может продолжаться, если вы не сочтете, что съели достаточно, или у вас возникает сомнение, то ли вы купили, и т. д.

Важно подчеркнуть, что в этом примере *мысль рождается из желания*. При этом разворачивается процесс мышления, связанный с оценкой факторов, обеспечивающих удовлетворение желания.

В каждой мысли находит отражение мотив (потребность), который привел к порождению данной мысли. При этом каждая мысль будет сопровождаться определенными переживаниями, связанными с мотивом, порождающим мысль.

Описанный процесс порождения мыслей накладывается на процесс биологической мотивации (Судаков, 1971) и через них приобретает свою онтологическую сущность.

В механизме мотивации поведения скрыт процесс порождения предметной мысли. Центральным моментом этого механизма яв-

ляется установление качеств предметов внешнего мира, благодаря которым возможно удовлетворение потребности и обеспечение существования субъекта. При этом свойства предмета связываются с предметом и мотивацией. Связь свойств и предмета, как было показано ранее, выражается мыслью, определенной мотивацией, на основе которой эта мысль и порождается. На этом пути познается внешний мир, который во внутреннем мире оформляется в семантическую* (смысловую) модель.

На психологическом уровне в процесс порождения мыслей по удовлетворению актуальной мотивации включается прошлый опыт: мысли, характеризующие отдельные предметы и их личностный смысл, условия удовлетворения актуальной мотивации и представление последствий этого удовлетворения. Каждый этап порождения мыслей описывается развернутым процессом принятия решений, в котором мышление играет ведущую роль. Содержание психики, связанное с удовлетворением мотива, в процессах мышления приводит к конкретным решениям, находящим отражение в соответствующих мыслях. Совокупность мыслей, связанных с удовлетворением актуальной мотивации, интегрируется в *умственную смысловую модель*, связанную с данным актом жизнедеятельности. Из актуального состояния данная модель может переходить в потенциальное и снова актуализироваться при возникновении сходной ситуации. За счет этих переходов формируются стереотипы поведения. Понять порождение мыслей из потребностей можно только в том случае, если мысль представляется в виде потребностно-эмоционально-содержательной субстанции.

Рассмотрим теперь другой *источник порождения мыслей — из чувства*.

Показательны в этом плане рассуждения А. Бергсона о взаимоотношениях эмоций и мыслей: «Существуют эмоции, порождающие мысль: и изобретение, хотя оно и принадлежит к явлениям интеллектуального порядка, может иметь своей составляющей сферу чувств. В этом случае эмоция по отношению к последующим умственным состояниям выступает как причина, а не как следствие. Эта эмоция может породить новые идеи. Она суперинтеллектуальна» (Бергсон, 1994, с. 44–45).

Источником наиболее сильных и стойких переживаний является *совесть*. Проследим процесс порождения мыслей, обусловленный нравственным самосознанием, совестью человека.

Как отмечает И. А. Ильин, «совестный акт воздвигается (иногда лучше и точнее сказать — разражается) *бессловесно*, как бы вырастая из иррациональной душевно-духовной глубины, собранной и сосредоточенной надлежащим образом <...> где нет обычных человеческих слов, с их *общим* значением, которое постигается то мыслью, то воображением... Но если бы все-таки решиться говорить здесь о словах совести, то нужно было бы подразумевать не привычные для нас, произносимые и звучащие слова повседневности, но те *сокровенные и таинственные, логически едва уловимые, беззвучные содержания*» (Ильин, 1993, с. 192). В данном отрывке с поразительной прозорливостью представляется переживание, соединенное с зарождающейся едва уловимой мыслью. «Здесь еще нет *по-человечески* раскрытой разумности», ибо «*совесть есть состояние нравственной очевидности*» (там же, с. 192). Совесть есть душевное состояние, связанное с глубоким переживанием. И в этом состоянии содержатся *едва уловимые мысли*, беззвучное содержание нашей психики. Естественный акт насыщен эмоциями, а в своем проявлении он представляет собой единство зарождающейся, невысказанной мысли и эмоции (таким образом, мы еще раз приходим к выводу, что мысль есть эмоционально-потребностно-информационная субстанция).

Не выраженная до конца словами совесть заставляет осмысливать и оценивать свои поступки, и с этого момента она становится источником *осознаваемых мыслей*, пробуждает ту сторону мышления, которая и позволяет *осмыслить поступки*, предметное поведение человека. Обращение к совестному акту дает нам возможность приоткрыть завесу порождения человеческой мысли.

По своему характеру любая мысль порождается субъектом жизнедеятельности, следовательно, *каждая мысль несет в себе* не только качества объектов внешнего мира, но и *качества ее создателя*. Поэтому каждая мысль *личностна*. В своем единстве, субстанциональной целостности мысли и составляют часть содержания *личного сознания*. Мысли отдельных людей относительно одного и того же объекта не тождественны (мы не беремся сейчас обсуждать вопрос о значительности этих различий). «Худшее, что может сделать психология, — это начать истолковывать природу личных сознаний, лишив их индивидуальной *ценности*, — писал по этому поводу У. Джемс. При этом под личным сознанием он понимал «связные последовательности мыслей, сознаваемые как таковые» (Джемс, 1901, с. 114).

Раскрывая процесс порождения мыслей, мы показали, что мысль, отражая объективную сущность вещи, включает субъективный компонент как в субстанциональной, так и акциденциальной части. В предельно полной форме Уильям Оккам эту мысль высказал в следующем виде: «единство познавательного акта то же самое, что и его индивидуальность» (Реале, Антисери, 1991). Если учесть, что результатом познавательного акта является мысль, то можно сказать, что мысль всегда индивидуальна. И эта индивидуальность мысли выражается в ее компонентах и структуре, а также в мере представленности отдельных компонентов: информационно-содержательных, мотивационных и эмоциональных. Человек сотворяет мысли, отражая в них свою индивидуальность. В этом акте творения мыслей и заключается *когнитивное творчество*.

Определенный интерес в аспекте порождения мыслей представляют результаты исследований по влиянию музыки на психофизиологическое состояние субъекта восприятия. Исследование было проведено К. В. Макаровой (2006) на группе детей младшего школьного возраста (9–10 лет) в количестве 11 человек. Прослушивание произведения А. Вивальди «Времена года. Зима» проходило в течение 3,5 минут. Эксперименты показали, что прослушивание музыки влияет на активацию коры головного мозга, при этом активация наблюдалась как в правом, так и в левом полушариях. Испытуемые с удовольствием слушали музыку. Можно предположить, что прослушивание музыки сопровождалось ценностно-смысловым переживанием.

В следующей серии экспериментов (118 человек: 52 мальчика и 64 девочки) было проведено изучение влияния музыки на выполнение тестового задания, связанного с пониманием текста. Результаты исследования показывают, что в условиях предварительного прослушивания музыки усиливается образование смысловых связей и повышается качество понимания, статистически значимо увеличивается число правильных ответов (продуктивность мышления). Наблюдалось повышение частоты использования операций: ассоциаций, абстрагирования, схематизации — и понижение частоты использования операций: планирования, классификации. Можно предположить, что музыка через изменение психофизиологического состояния влияет на процесс порождения и актуализации мыслей, показатели работы мышления с мыслями. Это хорошо согласуется с трехкомпонентной структурой мысли: каждая

мысль несет в себе не только информацию, но и переживания и мотивацию.

Особый ракурс процесс порождения мыслей приобретает в контексте веры. Вера обладает своей познавательной ценностью, отличной от интеллекта. В яркой форме об этом писал Святой Апостол Павел: «Духовный судит о всем, а о нем судить никто не может. Ибо кто познал ум Господень, чтобы мог судить его? А мы имеем ум Христов» (1 Кор. 2: 15–16).

Связность мыслей сознания, их целостность отражает связность вещей внешнего мира в их целостности. В этой связности заключается наше понимание внешнего мира, так как отдельные мысли всегда носили в момент их порождения функциональный характер. В нарушении этой целостности заключается проблема непонимания, одна из центральных проблем педагогической психологии.

Ум постоянно осмысливает (рождает новые мысли) ситуации, в которых находится субъект. Способность *порождать* мысли и *устанавливать отношения* внутри потока сознания и будет характеризовать интеллект человека.

Проведенные теоретические поиски, опирающиеся там, где это возможно, на биологические данные, позволяют высказать определенные суждения о том, что такое мысль и как она рождается. Высказанные положения открывают новые горизонты исследования познавательной деятельности человека, его мышления, способностей и сознания. Экспериментальные исследования процессов порождения мыслей, выполненные под руководством и при участии автора, представлены в приложениях 1–2.

1.4. Мысль и слово

А. Н. Соколов отмечает, что у философов активность мысли всегда связана со словом (Соколов, 1968). Аристотель объединяет мысль и слово в единое целое, но при этом не отождествляет их ни друг с другом, ни с предметами мысли. Источником мыслей у Аристотеля является чувственное восприятие вещей. Томас Гоббс (1588–1679) считал, что мыслящая вещь есть нечто материальное, образ рассматривал как «фантазм», создаваемый разумом, слова считал «метками» для запоминания мыслей.

Джон Локк полагал, что наш умственный опыт основывается на ощущениях и восприятиях. Локк включал в мышление ощущение, восприятие, память, воображение, понятие. Локк считал возможным возникновение мыслей без языка. По мнению Лейбница, язык нужен человеку для рассуждения с самим собой, язык (слово) закрепляет мысли, слово служит для сообщения мыслей другим. Гумбольдт придерживался взгляда, согласно которому никакая мысль не может существовать без языка. Мыслить — значит говорить с самим собой. Гегеля рассуждал об отношении мышления и ощущения: «Когда мы схватываем чувственное многообразие, мы еще не мыслим; только связывание (*das Beziehen*) его есть мышление» (Гегель, 1927, с. 96). Важно отметить, что Гегель подчеркивал, что мышление есть связь (связывание). Следует отметить также взгляды на мысль и мышление Фридриха Макса Мюллера (1823–1900). Под мыслью Мюллер понимал акт мышления, а под мышлением — мысленное комбинирование мыслей. В каждой мысли, отмечал он, присутствуют ощущения, представления, понятия и названия. В работе «Наука о языке» он определял, что в основе слова лежит качество или качества, которые человек выделяет в вещи и которые наиболее важны для него. Интересные взгляды на отношение мысли и слова содержатся в работе А. А. Потебни (Потебня, 1926). Отмечая органическое единство мысли и слова, он одновременно находил их различие. Элементарные мысли (чувства), считал Потебня, возможны без слов. Эту последовательность в изложении отношений слова и мысли можно было бы продолжать и далее, но, обобщая уже названные работы, приходится констатировать: они не проливают свет на отношение мысли и слова.

Попробуем дать ответ на поставленный вопрос с позиции нашего понимания *мышления как процесса порождения* мыслей и работы с мыслями при решении задач (практических и теоретических). Ребенок овладевает речью приблизительно к двум годам. Но образ матери у него формируется в первые месяцы. При виде матери он улыбается, протягивает руки, бежит к ней, выражает свое отношение к ней. Он не знает слова «мама», но он знает ее как человека, который удовлетворяет все его потребности. Мать с позиции ребенка выражает (несет собой) качества, которые для него жизненно важны. С матерью связываются мысли, насыщенные глубокими переживаниями. И только позднее ребенок усваивает, что мать называется «мама». Он узнает слово, которое связано со всем комплексом

мыслей о матери. Слово выступает как знак, наполненный определенными мыслями. Но в столь яркой форме эта связь мысли и слова проявляется и в других случаях чувственного познания. Вначале субстанция мыслей о вещи, затем название вещи — словом. В дальнейшем, при восприятии *знакомого* слова у человека воспроизводится из памяти симптомокомплекс мыслей, который в прошлом связывался с этим словом. С раскрытием содержания слова связана проблема понимания как в образовании, так и в жизни. Типичным примером является ситуация сегодняшнего дня. По всем каналам средств массовой информации мы слышим англоязычные слова, относящиеся к определенной области знаний и практики, чаще всего к экономике. Значительная часть населения этих слов-терминов не знает и сообщений не понимает. В обучении для достижения понимания необходимо, чтобы у обучающегося было сформировано понимание слов, используемых педагогом, причем в том же смысле, в котором их использует педагог (или автор учебника).

Проведенный анализ показывает, какова связь, существующая между мыслью, образом и словом. Раскрывается роль психических функций в порождении мыслей, устанавливается активная роль наблюдателя в формировании мыслей, раскрывается структура мысли и образа, показывается, что процесс мышления есть процесс порождения мыслей и использования их при решении задач, стоящих перед субъектом. Сказанное позволяет дать содержательную характеристику ума, которая заключается в *способности* порождать мысли, тем самым открываются новые пути диагностики ума и интеллекта человека.

Анализ развития сенсомоторного мышления показывает, что данный вид мышления является ведущим для *всех* представителей родоплеменной общности. Несомненно, что из общей массы могли выделяться отдельные субъекты с более высоким развитием сенсомоторных способностей. Сделать такой вывод нам позволяют многочисленные исследования в области дифференциальной психологии (Штерн, 1998; и др.).

Если мы обратимся к мышлению первобытного человека, то можно предположить, что значительная часть мыслей не оформляется словесно. Результатом сенсорного научения выступают признаки предметов, не всегда имеющих название. Первоначально эти признаки обнаруживает конкретный человек, они еще не имеют названий, человек, их обнаруживающий, не имеет мотива для того,

чтобы дать им название, а словесный запас этого человека незначительный. *Для того чтобы оформить мысль в слове, необходим значительный труд.* Поэтому слово для обозначения мысли появляется, когда человеку необходимо передать эту мысль другому или для закрепления мысли «для себя». Но оно может и вообще не появиться. В этом случае человек останется на уровне протомышления, решая достаточно сложные бытовые и профессиональные задачи. Приведем два примера из наших исследований: деятельности электросварщика ручной дуговой сварки (РДС) (Шкаликов, 1989) и деятельность сборщика клиновых ремней (Шевчук, 1973).

Основу информационной основы деятельности (ИОД) сварщика составляет различие цветовых оттенков сварочной ванны и звуковые характеристики сварочной дуги, развитая проприоцептивная чувствительность, связанная с высокой точностью, равномерностью и ритмичностью зрительно-моторной координации положений электрода. Практически вся ИОД трудно вербализуется. Поэтому сварщик пользуется динамично меняющейся невербальной системой сенсорных образов. В этой части своей деятельности сварщик использует протомышление, т. е. пользуется мыслями, не оформленными в слове.

С подобной ситуацией мы столкнулись и при изучении деятельности сборщика клиновых ремней. Информационную основу в данном виде деятельности составляют вес и толщина резиной пластины, при этом оба параметра выступают как составные части сложного сигнала, несущего профессионально важную информацию. Сборщик определяет параметры сигнала на основе микровзвешивания за счет движений в вертикальной плоскости, отличающихся объемом, скоростью, амплитудой и частотой. Эксперименты показали, что точность и полноту ИОД можно повысить за счет специальных тренировок. В данном виде деятельности, как и в деятельности сварщика, информационная основа не вербализуется и регуляция осуществляется на уровне протомышления.

С подобными ситуациями мы встречаемся во многих видах деятельности, где представлены оба вида мышления: протомышление и мышление, работающее с мыслями, оформленными словом.

Раскрыть значение слова и его происхождение бывает очень сложно. В качестве примера можно взять происхождение слов «славяне» и «русские». А. С. Мысленников отмечает: «Толкования происхождения и смысла номинации славянской суперэтнической общности отразили не только общие тенденции эволюции этноисторической

мысли эпохи, но и меру осведомленности современных ей авторов этих толкований» (Мысленников, 1999, с. 22). Различные авторы связывали наименование славян с названием некоего «озера Словоёного», с потомками Афетова, правителей Словена и Руса, со словами «слава» и «слово», с синонимичностью понятий «слово» и «человек».

Столь же многочисленны и толкования слова «русские».

Обозначить мысли словом часто бывает очень трудно. Появившись на свет, слово живет своей жизнью, несет различное содержание. Пример рождения слова приводит К. Бальмонт (1980). Рассматривая появление слова «романтик» (и «романтизм»), он пишет: «Самое раннее известное его употребление мы находим в 1654 г.: художник Эвелин называет место у подножия горы романтическим. Из Англии это слово перешло в XVIII в. во Францию и в Германию, еще не став боевым лозунгом. Сначала романтический лишь означало живописный, таинственный, сказочный, похожий на вымысел. Немцы, всегда завладевающие чужими изобретениями, чтобы довести их до законченности и закрепить за ними свое имя, овладели и этим словом — романтический, чтобы создать школу, теорию, целый устав романтизма. Но это создано лишь мало-помалу. Еще в 1798-м году Фридрих Шлегель, один из основателей романтической школы в Германии, понимал это слово так обще, что писал: „Романтично все превосходнейшее, все действительно поэтическое в современной поэзии“. Это такой ключ, которым можно отпирать любую дверь. Но тогда рассуждение теряет под собой почву и делается совершенно зыбким» (там же, с. 556–557).

Из приведенного отрывка мы видим, что слово, появившись на свет, живет далее своей жизнью, наполняясь новыми мыслями, закрепляясь в общественном сознании. И процесс этот может быть достаточно длительным, переходя не только от одного человека к другому, но и мигрируя из одной страны в другую. И в зависимости от содержательного наполнения слово определяет процесс мышления.

На трудности выражения мысли в слове обращал внимание и Ж. Пиаже, рассматривая эту проблему с позиции эгоцентризма. По этому поводу он писал: «Вы ищете решение какой-то задачи. В известный момент все кажется ясным, вы поняли и испытываете чувство *suī generis* умственного удовлетворения. Но как только вы захотите объяснить другим то, что вы только что поняли, возникает целый ряд затруднений... То или иное рассуждение, которое было как бы само собой очевидно, потому что было связано со зрительной

системой или со схемой по аналогии, совершенно не представляется более очевидным, в тот момент, когда чувствуешь, что эти *системы как раз и непередаваемы*» (Пиаже, 1997, с. 49; курсив мой. — В. Ш.). Эту сложность Ж. Пиаже объясняет разницей между индивидуальным пониманием и словесно выраженным объяснением.

Сказанное показывает, что рождение мысли и оформление мысли в слове есть процесс творческий.

Одним из подтверждений сложности и трудоемкости создания новых слов является обращение к энциклопедическим толковым словарям. В русском языке значительное количество слов имеют иностранное происхождение или образованы сочетанием иностранных слов и слов родного языка. Так, словарь иностранных слов и выражений, используемых в русском языке, насчитывает свыше 100000 слов (Новейший словарь иностранных слов и выражений, 2001).

Заключая, можно отметить, что эволюция мысли идет от протомышления к мысли, оформленной в слове, и далее, к трансформации содержания мыслей, связанных с самим словом.

Когда говорят о слове, то часто вспоминают каноническое святое благовествование от Иоанна: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Оно было в начале у Бога. Всё через Него начало быть, что начало быть. В Нем жизнь, и жизнь была свет человеков» (Ин 1: 1–3).

Основная мысль пролога служит к характеристике Иисуса Христа как Божественного лица. Евангелист «назвал Христа „Словом“ не в простом (грамматическом) значении этого термина, понимал „Слово“ не как простое сочетание звуков голоса, а в смысле высшего (логического), как выражение внутреннейшего существа Божия. Подобно тому, как в слове Самого Христа открывалась Его внутренняя сущность, так и в Вечном Слове-Логосе всегда открывалось внутреннее существо Божества» (Толковая библия, 1911–1913, с. 309).

Данное обращение к Евангелическому толкованию «слова» продиктовано тем, что, ссылаясь на авторитет Библии, люди пробуют утверждать первичность слова над мыслью. Но не следует теологический смысл переносить на лингвистический и психологический.

Отметив теологический смысл понятия «слова» в Евангелии, обратимся к сущностному пониманию отношения мысли и слова в психологии. Изучение сущности мысли дает основание утверждать, что слово рождается мыслью, при этом слово, будучи отлично от мысли, остается всегда единым с мыслью по содержанию, но толь-

ко в том смысле, который вложил в слово носитель мысли (напомним, что слово всегда первоначально рождает конкретный человек).

Трудно проследить как рождались слова в первобытной культуре. Но определенную полезную роль в этом могут иметь зафиксированные в исторической культуре процессы рождения письма (письменной речи).

Воспользуемся описанием О. Егера процесса становления письма в Древнем Египте: «С жизнью и бытом египетского народа — нас знакомят изображения и надписи катакомб (гробниц, сеченных в горах) Бени-Хасана и Верхнем Египте (27° сев. шир.). Здесь представлены сев и жатва, земледелие, скотоводство, ремесло в его различных проявлениях, от башмачника до оружейника, от горшечника до стеклящика, охота и рыбная ловля, война, пляски, игры» (Егер, 1997, с. 18).

«Высшие классы обладали искусством, которое давало им громадные преимущества: им было доступно письмо, вначале, вероятно, весьма затруднительное и чрезвычайно скудное по выразительности. От вещевого письма, изображавшего солнце в виде кружка, а месяц в виде серпа и т. д., впоследствии легко перешли — может быть, в среде замкнутого кружка жрецов, занимавшихся новым искусством, — к символическому письму, которое изображало понятие жажда в виде прыгающего тельца, с проведенными под ним тремя волнообразными чертами, справедливость в виде весов ходьбу — в виде двух сопоставленных ног и т. д. От этих двух способов письма, вероятно, очень рано перешли к третьему, звуковому способу — к обозначению определенных звуков известными знаками или изображениями известных предметов. А это было уже громадным успехом: такие письма давали возможность в точной форме пересылать на дальние расстояния волю повелителя и, закрепляя слова и понятия, передавать потомству воспоминания о минувшем. Это искусство должно было необычайно возвысить могущество и сознание собственного достоинства правящих. Из времен 12-й династии дошла запись, в которой перечисляются различные роды занятий ремеслами: кузнец, каменотес, цирюльник, матрос, каменщик, ткач, башмачник упоминаются с некоторым презрительным юмором. В противоположность им восхваляется свободное призвание писца или ученого, которое представляется более важным, чем все ремесла. Это искусство возвысило даже национальное сознание всего народа, доставив ему возможность иметь свою историю. Громадная масса сохранивших-

ся памятников, покрытых этими столь мудреными иероглифическими письменами, доказывает, какое высокое значение египтяне придавали истории. С другой стороны, ясно, что эти письмена, хотя и были могущественным орудием для передачи мысли, в значительной степени связывали пишущего. Глядя на них, убеждаешься, что на воспроизведение затрачивалось столько труда и умственного напряжения, что внутреннее содержание изображенного письменами было стеснено до крайности. Подобные письмена неизбежно должны были навязывать мышлению этих людей известного рода формализм, медлительность и условность и таким образом окончательно придали египетской жизни характер строгой правильности и стеснительной ограниченности, которые и без того уже лежали в основе условий местной жизни» (там же, с. 19–20).

В этой достаточно длинной цитате хотелось бы подчеркнуть, прежде всего, важность письма в становлении цивилизации Древнего Египта, протяженность во времени возникновения письменной культуры, этапность этого процесса и влияние письменной культуры на формирование мышления египтян и становление форм общественной жизни. Последний аспект представляется наиболее важным в контексте рассматриваемой нами проблемы – эволюции предметной мысли.

В приведенной цитате показано, что *выражение мысли в знаке представляло большую трудность*. И потребовалось огромное усилие избранной части общества, прежде чем появилась возможность передавать с помощью знака слова и понятия. Важно также отметить, что передача мысли в письменной форме в значительной мере связывали пишущего, формировали определенный стиль мышления.

Хорошей иллюстрацией трудностей выражения мыслей и чувств в знаке служит процесс появления нотной записи. Как отмечает Александр Петров в своей статье «Эволюция: Нотная запись», попытки записать музыку предпринимались в различные исторические периоды (Петров, 2012). Первые музыкальные записи относятся к древнегреческому периоду, на основе греческих и финикийских букв. В Средние века греческие буквы были заменены латинскими и установлено направление записи нот снизу вверх. В христианской музыке раннего Средневековья возникла невменная нотация с использованием графических знаков, проставляемых над текстом. Эту запись в X в. усовершенствовал Твадо Д'Ареццо. В дальнейшем усложнение церковной музыки и распространение светской послужили

дальнейшим стимулом к развитию нотной записи. И только в XVI–XVII вв. нотная запись приобрела практически современный вид.

Вышеприведенные рассуждения могут послужить обоснованием того, что выражение мысли и чувств в слове первоначально было связано с огромным интеллектуальным напряжением и формировало мышление первобытного человека. Мышление с трудом вырывалось из плена конкретного, шло от протомышления к понятийному мышлению (хотя, конечно, в то время никто не называл его понятийным).

Таким образом, *овладение словом* стало отправной точкой эволюции человека.

Огромное число исследований посвящено тому, как ребенок овладевает языком. При этом основное внимание сосредоточено на самом процессе. Но во всех исследованиях остается без внимания один из центральных вопросов — *откуда берется само слово*. Это центральный вопрос при изучении эволюции мысли и слова.

Попробуем дать ответ на этот вопрос, реконструировать момент появления слова. При этом будем отдавать отчет в том, что слово — это только сигнал, несущий определенную информацию для того, кто это слово породил (огромная заслуга И. П. Павлова состоит в разработке понятия второй сигнальной системы у человека). Воспользуемся методом исторической реконструкции, опираясь на накопленный в науках о человеке материал (часть которого изложена выше), важный для нашей задачи.

Во-первых, будем исходить из нашего понимания мысли как потребностно-эмоционально-содержательной субстанции.

Во-вторых, будем помнить, что мысль в слове всегда оформляет конкретный человек в определенный момент своей жизни.

В-третьих, важным моментом в происхождении слова является то, что человек к этому времени обладает протомышлением и что его мозг способен порождать полноценные протомысли, иными словами, слово порождает мыслящий человек.

В-четвертых, слово есть сигнал, несущий определенную мысль.

В-пятых, человек должен обладать способностью к вокализации, к звукоподражанию птицам, зверям, явлениям природы. Порождению слова должны предшествовать определенные морфологические изменения, входящие в структуру голосового аппарата человека.

В-шестых, появлению слова способствует социальный образ жизни.

В-седьмых, появлению слова должен предшествовать развитый сенсорный механизм, который обеспечивает протомышление необходимыми для жизнедеятельности мыслями, семантически-ми моделями.

Все перечисленные факторы представлены в жизнедеятельности первобытного человека. Но достаточно ли их для порождения слова?

Значительный интерес в плане рассматриваемой нами проблемы представляет учение И. П. Павлова о первой и второй сигнальной системах. *Первая сигнальная система*, как известно, обеспечивает восприятие раздражителей внешней среды и целесообразное реагирование на эти сигналы на основе рефлексов, безусловных и приобретенных. В выработке условных рефлексов заключается сущность научения у животных. На современном этапе развития биологии целесообразное поведение животных описывается физиологической функциональной системой поведения, разработанной П. А. Анохиным, его учениками и исследователями. Есть все основания говорить, что первосигнальная система работает и у первобытного, и у современного человека.

Рассматривая вопрос о сигнальной системе, нам следует прежде всего уточнить, что такое сигнал.

В кибернетике за сигнал принимаются любые изменения в физических объектах, которые сопровождаются обменом энергии и ее переходом из одной формы в другую. Все сигналы имеют в своей основе энергетическую природу. Изменение физического состояния может происходить независимо от человека (например, землетрясение) или по желанию человека (извлечение звука из натянутой струны). Часто можно встретить и такое определение: сигнал — это материальный носитель, фиксирующий информацию для передачи ее от одного источника к другому. В качестве такого сигнала в человеческом общении выступает слово. Если говорить о происхождении второй сигнальной системы, то человек должен обладать способностью порождать физический сигнал, в качестве которого будет выступать *изменяющийся* звуковой поток.

В кибернетике при взаимодействии сигнала с другим физическим объектом в последнем возникают определенные изменения; это явление называется *регистрацией сигнала*. Так, при восприятии звукового потока, порожденного одним человеком, происходит его фиксация другим человеком. Регистрация сигнала другим человеком будет представлять собой получение определенных *данных*. Дан-

ные — это зарегистрированные сигналы. Они несут в себе информацию о событиях, произошедших в материальном мире. Данные не тождественны информации. Данные превращаются в информацию, когда известен метод перевода данных из одной системы в другую. Например, в психологии, используя этот или иной метод, мы фиксируем данные о поведении человека. Но эти данные подлежат интерпретации в зависимости от того, какой теоретической точки зрения придерживается наблюдатель. Участвуя в общении с лицами, говорящими на иностранном языке, мы получаем от них определенные данные, которые несет их язык, но, чтобы получить информацию, необходимо знать этот иностранный язык. В общении людей данные, поступающие от других людей, будут интерпретироваться субъективно.

Данные являются *объективными*, поскольку это результат регистрации объективно существующих сигналов, методы же интерпретации данных являются *субъективными*. Информация, передающаяся сигналом, характеризуется следующими свойствами: объективностью, полнотой, достоверностью, адекватностью, доступностью и актуальностью.

Понятие *объективности* информации является относительным. В общении субъективность представлена как на этапе порождения сигнала, так и на этапе интерпретации данных.

Полнота информации определяется ее *достаточностью* для организации поведения в соответствии с целями, которые поставил субъект.

Достоверность информации связана с субъективностью порождения речи и ее интерпретацией.

Адекватность информации определяется ее соответствием тому, что хотел передать субъект, порождающий речь, и тем, насколько воспринимающий владеет методом интерпретации. Так, воспринимая речь собеседника, говорящего на иностранном языке, можно понять ее неадекватно.

Доступность информации определяется доступностью данных и доступностью методов их интерпретации. Так, например, можно получить данные, которые закодированы, но не суметь их интерпретировать, не зная кода.

Актуальность информации определяется временем ее получения, которое должно соответствовать периоду решения задачи, стоящей перед субъектом.

В общении людей носителем информации является речь: ее порождение, передача и истолкование. Речь способна передать информацию во всей полноте ее свойств, одновременно внося искажения в эти свойства.

Специфика обмена сообщениями в человеческом сообществе связана, прежде всего, со смыслом, который передает сообщение.

Человек передает другому не информацию, а свои мысли, которые, как нам известно, включают в свою структуру три компонента: информацию, мотивацию и эмоции. Это существенно затрудняет восприятие и интерпретацию сообщения. Характеризуясь субъективной неопределенностью, речь сохраняет достаточность для организации поведения. Одновременно неоднозначность слова является одним из условий творческого мышления.

Из определения сигнала (звука) следует, что для его порождения человек должен быть способен порождать звуки и модулировать звуковой поток в соответствии со своими мыслями, которые хотел бы передать. (Еще раз подчеркнем, что мысль предшествует слову, мысль порождается в процессах деятельности, восприятия своих отношений с предметным миром.) Звуковые сигналы способны производить животные и птицы, но они воспринимаются другими особями в их безусловном значении. Для порождения речи голосовой аппарат человека и возможность модуляции звукового потока должны существенно усложниться. Эта перестройка голосового аппарата и должна была произойти в процессе эволюции человека в соответствии с положением о единстве функционального и морфологического развития.

Только соединение возможности произвольного регулирования потока звуков с наличием протомыслей дает возможность перейти к первобытной речи, которая прошла длительный путь эволюции, чтобы предстать в современной форме (но этот процесс выходит за рамки нашей задачи).

С учетом сказанного, мы обратимся к изучению процесса словотворчества у ребенка в возрасте до 2–3 лет. Подчеркнем, что речь идет не о том, как ребенок овладевает речью, а о *словотворчестве*, т. е. способности ребенка самостоятельно порождать слово, обладающее определенным смыслом. Для этого мы попросили группу студентов расспросить своих родных (мам, пап, дедушек, бабушек) о том, помнят ли они слова, которые были характерны для этих студентов в возрасте 2–3 лет, которые не являлись бы аналогами каких-либо

модифицированных слов, их имитацией и трансформацией, а являлись бы самостоятельным словотворчеством. В результате мы получили следующий список слов (таблица 1).

Таблица 1
Пример словотворчества ребенка

гога – сахар	абобо – автобус	сяся – лиса
нима – пельмени	тилибоб – бутерброд	зязя – звезда
дябдек – ведро	капо – паук	осяся – сосиска
товава – трамвай	кхын – клоун	гегубони – балкон
нема – много	лаболека – работа	еп – волк
калькаля – шоколад	сяпам – фонтан	тъятух – трактор
брума – машина	ляу – ложка	
заба – яблоки	габгаськи – фотографии	

В качестве примера для дальнейшего анализа возьмем слово «сахар», которое ребенок выразил звукосочетанием «гога». Это слово несет вполне определенный смысл. Он требует от родителей: «Дай гога», – добиваясь, чтобы ему дали кусочек сахара. При этом его «язык» очень быстро начинают *понимать* родители. Таким образом, рождается слово, выражающее потребности ребенка и обращенное к своему окружению, слово, регулирующее его отношения с окружающими близкими.

Подчеркнем, что порожденное звукосочетание не имеет ничего общего с названием «сахар». Это именно звукосочетание, порожденное самим ребенком для обозначения желаемого предмета.

Примечательно в этом плане отношение слова «дябдек – ведро». Если внимательно прислушаться, то мы услышим в слове дяб-дек –бряканье ручки ведра по его корпусу. Возможно, этот звук и был ассоциирован с предметом, который мы называем «ведро». То же можно сказать и о слове «тъятух – трактор». Работающий трактор издает звуки, близкие к «трах-тах», который можно редуцировать до «тъя-тах», «тъя-тух».

Таким образом, можно предположить, что одним из источников порождения слова является звукоподражание предмету, который издает определенный звук.

Отмеченное порождение слов было представлено у значительной части опрошенных студентов. Эти слова десятилетия помнят мамы и папы. Можно сказать, что они запомнили «язык» своего ребенка на всю жизнь.

Но если ребенок может порождать слова, то почему это не мог сделать первобытный человек, при условии сформулированных выше требований?

Владея развитой протомыслью, при групповом способе жизнедеятельности с необходимостью появлялась потребность передать жизненно важные сведения другим членам группы. Оставалась самая малость — породить определенное звукосочетание для выражения мысли. Можно предположить, что человек был искусен в звукоподражании прежде всего птицам. Это было важно для успешной охоты (и сегодня охотники применяют соответствующие «манки», имитирующие звукосочетания, воспроизводимые птицами и зверями). За счет этого звукоподражания развивался голосовой аппарат человека. *Сочетание развитой протомысли и развивающегося голосового аппарата послужило условием появления слова.* Подтверждением стихийного порождения звукосочетаний, образующих слова, является факт разных языков у народов, развивающихся в одинаковых условиях, но изолированных один от другого.

Считается, что когда число понимаемых слов достигает 20–30, ребенок начинает говорить сам (Баттерворт, 2000). В исторической перспективе время, в течение которого у человека и малой группы, в которую он включен, накопились эти 20–30 слов, могли составить десятилетия и, возможно, столетия. Но главное, что этот процесс порождения слов был запущен. Очевидно, что первые слова относились к предметам и действиям, наиболее существенным для трудовой деятельности, выражения потребностей и эмоций первобытного человека. Можно также предположить, что на начальных этапах формирования языка отсутствовали грамматические структуры. Основанием для такого предположения являются исследования когнитивного развития ребенка (Bloom, 1970).

Таким образом, мы видим, что *в своем историческом развитии мысль прошла длительный и содержательный путь от поведения, основанного на восприятии сигнальных раздражителей, запускающих инстинктивное поведение, к поведению, в основе которого лежит протомысль и протомышление и, наконец, к мысли, оформленной в слове, и собственно человеческому речевому мышлению.* При этом следу-

ет подчеркнуть, что и протомышление, и речевое мышление представлены в поведении современного человека. Ключевым моментом на этом пути является появление слова как выражения предметной мысли человека.

Появление каждого слово в истории человечества означал акт творения. Недаром в Библии отмечается, что каждый акт творения сопровождался названием того, что сотворено. «И сказал Бог: да будет свет. И стал свет... И назвал Бог свет днем, а тьму ночью» (Быт. 1: 3–5). То же самое повторяется при сотворении суши и морей. А сотворив «всех животных полевых и всех птиц небесных», привел их к человеку, «чтобы видеть, как он назовет их» (Быт. 2: 19). То же относится и к сотворению Евы. «И сказал человек: вот, это кость от кости моей и плоть от плоти моей; она будет называться женой: ибо взята от мужа» (Быт. 2: 23). Обозначение сотворенного словом завершает акт творения.

В истории развития человека и человечества каждое открытие завершается словом. В слове заключается вся интеллектуальная история. Все открытия человека зафиксированы в толковых словарях и энциклопедиях. Каждый язык конечен и насчитывает счетное множество слов. Можно сказать, что интеллектуальные возможности конкретного человека определяются тем, какое количество слов он знает и как он владеет языком. Он ограничен активным словарем. Число слов, которыми владеет субъект, характеризует его ум. Но при этом будем помнить, что за словом стоит мысль и что мысль предшествует слову.

1.5. Мысль и информация

Основатель кибернетики Н. Винер определил *информацию как термин для обозначения содержания*, получаемого из внешнего мира, в процессе приспособления к нему нас и наших чувств (Винер, 1983). В данном определении Н. Винер подчеркивает, что информация — это содержание, получаемое *человеком* из внешнего мира. Информация как свойство объектов внешнего мира существует независимо от человека, который получает ее через восприятие. В определении Н. Винера еще отмечена связь информации с познающим субъектом, хотя линия рассуждений о ее обусловленности мотивами и переживаниями, сопряженными с познанием, не развивается. В рабо-

тах по использованию информации в технических устройствах эта связь полностью теряется. Содержание как информационная характеристика объекта становится доминирующим. В этом случае субъект имеет дело с *информационными моделями* внешнего мира. Содержание в этих моделях представлено на уровне *значений*, позволяющих понимать информацию различными пользователями, прежде всего человеком. Для выражения значений чаще всего применяются слова-понятия. Они являются определенным кодом, служащим для передачи информации от одного человека к другому.

Мысль не только содержит информацию, но и несет в себе мотивационную и эмоциональную составляющие. Мысль рождается конкретным человеком, включается в его существование и в силу этого имеет для него определенный *смысл*. У конкретного человека внешний мир представлен в содержании психики, прежде всего, в виде *смысловой модели*, которая отражает содержание в его значимости для конкретного человека. Эти смысловые модели и составляют содержание индивидуальной психики и осознаваемой ее части — сознания. В сознании внешний мир представлен в информационных и смысловых моделях, которые пересекаются, но не тождественны.

Обращение к мысли как исходному конструкту позволяет понять отношение мысли и информации. Своей связью с потребностями и переживаниями живая мысль и отличается от информации, которая характеризуется только содержанием.

Трехкомпонентная структура мысли предполагает трехканальное развертывание мыслительного процесса, работающего параллельно (одновременно) информационному, потребностно-мотивационному и эмоциональному (переживаемому). Можно провести аналогию с параллельными вычислениями в математике, которые рассматриваются как «способ организации компьютерных вычислений, при котором программы разрабатываются как набор взаимодействующих вычислительных процессов, работающих параллельно (одновременно)» (Параллельные вычисления).

В нашем случае мышление будет рассматриваться как *трехканальная работа с мыслью*, как параллельно (одновременно) работающая система, использующая набор взаимодействующих программ, направленных на решение задачи, стоящей перед субъектом мышления. И здесь возникают вопросы:

- что это за программы?
- откуда они берутся, как формируются?

- какова их специфика в отношении каждого из каналов мышления?
- каков механизм их взаимодействия?
- какой информационной базой они пользуются?
- как связаны эти информационные базы, каков механизм этих связей?
- каков механизм аппаратных реализаций реального процесса мышления, рассматриваемого с этих позиций?

Ответ на эти вопросы еще предстоит найти.

* * *

Таким образом, в настоящей главе нами было показано, что мысль может рассматриваться как компонент души — мира внутренней жизни. Мысль как информационно-потребностно-эмоциональная субстанция является идеальной сущностью, несущей информацию о предметном мире. Мысль всегда индивидуальна, и в этом статусе она входит в содержание личностного сознания. Мысль предшествует слову, и вместе с тем мысль едина со словом. Выражение мысли в слове есть творческий акт. Мысль, выраженная в слове, начинает самостоятельную жизнь, так как она становится достоянием других субъектов. Мысль, выраженная в слове, приобретает функцию внутреннего организатора нашего поведения (Выготский, 1991, с. 199). Это становится возможным, так как мысль тесно связана с потребностями и переживаниями. Данный факт чрезвычайно важен, так как он на уровне психологического анализа показывает возможность воздействия идеального на материальные процессы поведения. Об этом, как мы отмечали во введении, идут горячие споры, прежде всего, нейрофизиологов и философов.

Глава II

Мысль как основа психических процессов и их результатов

Обращение к мысли как потребностно-эмоционально-информационной субстанции позволяет преодолеть существующую разделенность основных познавательных (когнитивных) процессов (восприятия, представления, воображения, мышления), открывает перспективу нового подхода к пониманию непрерывности мысли в индивидуальном познавательном процессе и ее сохранения (предметности) при переходе от одного этапа познания к другому, отраженному в различных когнитивных процессах. На этой основе можно сделать первый шаг к пониманию единства мира внутренней жизни человека, показать относительную самостоятельность отдельных познавательных процессов в индивидуальном личностном сознании. Рассмотрим эти процессы подробно.

2.1. Мысль и образ

До настоящего времени мы в основном говорили о предметной мысли как отдельной данности. Перейдем теперь к *характеристике образа* вещи, с которой связана предметная мысль. На уровне психологического анализа образ предмета выступает как совокупность мыслей о свойствах предмета, объединенных в целое и характеризующихся определенным постоянством, обобщенностью и осмысленностью (Шадриков, 2014, с. 33). И если мысль мы определили как потребностно-эмоционально-содержательную субстанцию, то и образ будет выступать как субстанция мыслей, как образ-субстанция. В соответствии со свойствами субстанции, образ-субстанция будет пониматься

как устойчивая совокупность мыслей, как пребывающая во времени сущность и ее проявление, как сущее, причина которого в нем самом (Рубинштейн, 1997). Благодаря этим качествам образ-субстанция и будет проявлять активность в процессах мышления, *сохраняя качества отдельных мыслей*, их предметность.

Представляя устойчивую совокупность мыслей, образ-субстанция будет находиться в постоянном развитии. С одной стороны, являясь производным от вещи, которая в процессе жизнедеятельности может включаться во все новые связи и в силу этого выступать во все новых свойствах и качествах, образ вещи будет наполняться новыми мыслями, с другой стороны, в этих же процессах будет осуществляться субъективизация образа, привнесение в него мыслей субъекта восприятия (Рубинштейн, 1995). В этих процессах будет содержаться значение и смысл образа для субъекта.

Субстанциональная (сущностная) часть образа может дополняться случайными, несущественными мыслями-признаками, которые можно охарактеризовать как акцидентные. Эти мысли не препятствуют тому, что сущность вещи, отраженная в образе, не перестает быть тем, чем она является.

Субъективный образ выступает как *интеграция* субстанциональных и акцидентных мыслей.

2.2. Мысль и представление

Обычно, говоря о представлении, разделяют представления памяти и представления воображения. Остановимся вначале на первом понятии – представлении памяти, под которым понимается воспроизведение в *сознании* ранее пережитых восприятий. Представления памяти – это представления того, что было. Но воспроизведение того, что было, не тождественно тому, что воспринималось.

Как мы уже отмечали, воспринимаемый образ всегда субъективен, он выступает как единица личного сознания и сохраняет свое постоянство достаточно краткое время. Даже пребывая в настоящем времени, образ предмета, обеспечивая адекватность воспринимаемой вещи, постоянно находится в динамике, диктуемой ситуацией, решаемой задачей и личностными ценностями. Вещь постоянна, но образ этой вещи как субъективный образ изменчив. В данном случае мы подчеркиваем субъективную изменчивость образа при его

предметной устойчивости для того, чтобы понять отношения образа-восприятия и образа-представления. Для понимания этого отношения отметим, что образ-представление, как и образ-восприятие, *функционален*. Мы всегда воспроизводим образ для решения какой-либо задачи, руководствуясь определенными потребностями либо переживаниями. Образ-восприятие остался в прошлом. Образ-представление воспроизводится в настоящем для решения задач, стоящих перед субъектом «здесь и сейчас». В силу этого *образ-представление* находится под контролем всей внутренней жизни человека, он *выступает как часть сознания субъекта*. Поэтому в образ-представление могут привноситься новые мысли, которых не было в процессе восприятия, но при этом образ-представление будет обеспечивать *предметность* представления, отнесенность к конкретной вещи внешнего мира.

Образ-представление есть образ-восприятие, преломленный через внутренний мир человека, отнесенный к решаемой задаче и ситуации. Именно в этом заключается продуктивность представлений. Недаром в русских народных сказках говорится: «Утро вечера мудренее».

Образ вещи и представления о вещи имеют разное наполнение мыслями, но при этом они *сохраняют свою предметность*. Благодаря этому разная наполняемость мыслями представлений о вещи у разных субъектов не лишает их возможности общения и *может служить* основой для взаимного *обогащения* мыслями субъективных представлений.

Обращение к образу и представлению через их выражение в индивидуальных мыслях показывает их взаимосвязь и одновременно различие, обусловленные временем, ситуацией и задачами, решаемыми субъектом. В представлении мы выходим за рамки образа-восприятия, добавляя в него элементы (мысли) индивидуального сознания.

Рассматривая познавательные процессы: восприятие, память, воображение, – мы должны постараться ответить на вопрос: что нового привносит тот или иной познавательный процесс? При этом необходимо помнить, что все познавательные процессы первоначально включены в жизнедеятельность человека. И если процессы ощущений и восприятия дают нам сведения об окружающем мире и о нас самих, на основе которых мы и строим свое поведение, то *представления* памяти *снабжают нас сведениями из нашего опыта*, на основе которых происходят построение поведения и субъективная органи-

зация деятельности. Недаром уже в глубокой древности люди придавали большое значение памяти. Замечательно в этом отношении изречение Эсхила, вложенное в уста Прометея: «Послушай, что смертным я сделал: число изобрел, слова слагать научил, память им дал». Матерью всех муз древние греки считали богиню памяти Мнемозину. Современные нейропсихологические исследования показывают, что под влиянием памяти (прошлого опыта) находятся все познавательные процессы и поведение в целом (Н. П. Бехтерева и др.).

2.3. Мысль и воображение

Какова же в процессах жизнедеятельности функция представления-воображения? Воображение включено в деятельность, прежде всего в процессы *целеполагания*.

На физиологическом уровне роль предвидения результата поведения рассмотрена П. К. Анохиным в механизмах «акцептора результата действия», который «предвосхищает» афферентные свойства того результата, который должен быть получен в соответствии с принятым решением и, следовательно, опережает ход событий в отношениях между организмом и внешним миром» (Анохин, 1975, с. 52–53).

Ту же роль в построении движения играет у Н. А. Бернштейна «задающий элемент, вносящий тем или другим путем в систему требуемое значение регулируемого параметра» (Бернштейн, 1997, с. 357).

В работе Д. Миллера, Ю. Галантера, К. Прибрама эту роль предвидения выполняют намерения и планы поведения. Авторы понимают намерения как ожидаемый результат (Миллер и др., 1965). Намерение выражается в плане поведения, который реализуется по схеме Т–О–Т–Е.

Р. Акофф и Ф. Эмери также считают, что в поведении целеустремленных систем ведущая роль отводится целям, в которых отражается множество результатов (Акофф, Эмери, 1974).

Этот ряд исследований можно было бы продолжить, но главный вывод ясен: поведение человека определяется целью, в которой отражены параметры результата. Цель формируется до начала деятельности. В ее формировании существенную роль играют процессы представления прошлого опыта и *воображение*, когда деятельность связана с получением нового продукта, обладающего новыми свойствами и функциональными возможностями.

Новый продукт может задаваться системой технических требований или образом. Примером первого случая могут выступать технические требования к новому самолету: высота полета, грузоподъемность, скорость, экономичность. Пример второго типа — образ нового здания, не похожего на существующие, с определенными эксплуатационными характеристиками. Важно подчеркнуть, что в любом случае «новое» будет включать элементы опыта, имеющиеся в индивидуальном сознании. И даже технические задания будут содержать образную часть. Поэтому мы согласны с мыслью С. Л. Рубинштейна о том, что воображение — это преобразование данного в опыте и порождение на этой основе новых образов. «Воображение в собственном смысле имеется лишь тогда, когда течение образов перестает быть произвольным изменением, как бы искажением образов-представлений, становясь свободным оперированием образами, не связанным установкой на воспроизведение» (Рубинштейн, 1995, с. 296).

Итогом воображения является, как правило, функциональный образ, а раз образ, то мы будем иметь дело с субстанциональным образованием мыслей и механизмом формирования образа-воображения будет выступать механизм работы с мыслями. Воображение работает с опытом субъекта, но, как отмечает С. Л. Рубинштейн, оно может «совершить и такой отлет от действительности, который создает фантастическую картину, ярко отклоняющуюся от действительности. Но и в этом случае оно в какой-то мере отражает эту действительность. И воображение тем плодотворнее и ценнее, чем в большей мере оно, преобразуя действительность, отклоняется от нее, при этом все же учитывает ее существенные стороны и наиболее значимые черты» (там же, с. 297).

Таким образом, мы определили место воображения в структуре продуктивной деятельности, показали связь воображения с восприятием. Через использование образов восприятия *воображение дает нам образ-субстанцию мыслей в оригинальном сочетании.*

Проведенный анализ показывает путь мысли от образа к представлению и воображению. Этот путь мысль проходит в операциях мышления (Шадриков, 2014). Главное, что нам хотелось бы подчеркнуть, это то, что в индивидуальном сознании переход от образа к представлению и далее — к воображению осуществляется в мыслях, представленных в субстанции и акциденции, *без потери предметности*, но при определенной динамике мыслей. Именно благодаря

этому и реализуется предметная связь между образом, представлением и воображением.

2.4. Мысль и мышление

В 1935 году С. Л. Рубинштейн писал: «Психология мышления — одно из самых новых завоеваний психологии: она стала разрабатываться лишь в XX столетии» (Рубинштейн, 1935, с. 205). За прошедшие десятилетия проведены тысячи исследований в этой области, ученые и технические специалисты дерзнули на создание искусственного интеллекта, но сущность мышления до сих пор остается тайной, над разгадкой которой бьются психологи и физиологи, философы и поэты, математики и инженеры. До настоящего времени мы не имеем определения, раскрывающего сущность мышления. Все говорят в основном о том, что мышление определяет успешность решения различных задач, но никто не говорит, что есть мышление.

В словаре Брокгауза и Ефрона мышление в широком смысле определяется как «совокупность умственных процессов, лежащих в основе познания; к мышлению именно относят активную сторону познания: внимание, восприятие, процесс ассоциаций, образование понятий и суждений. В более тесном логическом смысле мышление заключает в себе лишь образование суждений и умозаключений путем анализа и синтеза понятий» (Малый энциклопедический словарь, с. 654).

В данном определении мышление сводится к познавательным процессам, не раскрывая сущности предмета мышления.

В Большом энциклопедическом словаре мышление определяется как «высшая ступень человеческого познания». Оно «позволяет получать знания о таких объектах, свойствах и отношениях реального мира, которые не могут быть непосредственно восприняты на чувственной ступени познания» (Большой энциклопедический словарь, с. 774).

При таком подходе появляется вероятность отрыва мышления от чувственного познания (против чего выступал С. Л. Рубинштейн), сущность мышления заменяется его функцией получения знаний (что тоже ограничивает функции мышления). Осторожно следует относиться и к тому, что мышление есть высшая ступень человеческого познания. Более точным было бы выражение: мышление

прошло несколько стадий в филогенезе своего развития и включает чувственную и понятийную составляющие, при этом понятийная составляющая развивается на основе чувственной.

Не раскрывая сущность мышления на этапе чувственного познания, авторы сосредотачиваются на том, что это «высшая ступень» познания вообще. Повторяя из издания в издание тезис о «высшей ступени» как «мантру», как магическое заклинание (что во многом соответствует уровню изученности мышления), психологи не предпринимают серьезных попыток определить его сущность.

Рассмотрим еще одно определение мышления, даваемое в Российской педагогической энциклопедии. Мышление здесь определяется как «процесс познавательной деятельности человека, характеризующийся обобщенным и опосредованным отражением предметов и явлений действительности в их существенных свойствах, связях и отношениях. Исходный уровень познания – непосредственное чувственное отражение в форме ощущения, восприятия, представления и т. д. По отношению к ним мышление выступает как качественно иная форма отражения, высший уровень познания. Чувственные элементы составляют его содержательную основу, однако в процессе мышления человек выходит за пределы чувственного познания, т. е. способен познавать такие объекты, свойства и отношения, которые не даны непосредственно в ощущении и восприятии. Чувственное познание и отвлеченное, абстрактное мышление обогащают друг друга и по мере развития человека становятся все более содержательными и глубокими» (Российская педагогическая энциклопедия, с. 11).

В этом определении перечислены практически все признаки мышления, согласно отечественной психологии. Что же это за признаки? Здесь мы снова сталкиваемся с «высшим уровнем познания», отмечается связь чувственного познания и мышления, но чувствами мы познаем предметы и явления, а мышление раскрывает свойства и отношения, которые даны в восприятии. Чувственное познание отделяется от мышления, лишается мышления, хотя и в чувственном познании выделяются существенные связи и отношения, используются операции анализа и синтеза. Результаты чувственного познания составляют содержательную основу мышления. Но если убрать эту чувственную основу, что останется в мышлении? Методологическую основу данного подхода к мышлению составляет теория отражения, в которой примат отдается внешним воздействиям,

а не активности и целеустремленности поведения человека (подробнее см.: Шадриков, 2006). И самое главное: в данном определении не раскрыт предмет мышления. Определяя мышление как познавательную деятельность, мы должны выяснить: какова цель этой деятельности, что является объектом деятельности, какими операциями эта деятельность реализуется, как связана с субъектом деятельности?

Нам представляется, что для содержательного определения мышления необходимо вернуться к незаслуженно забытому в современной психологии понятию «мысль». Показательно, что, рассматривая мышление, всемирно признанные физиологи Артур К. Гайтон и Джон Э. Холл обращаются к понятию мысли: «Исходя из нервной активности, можно сформулировать следующее предварительное определение мышления. Мышление – результат одновременной стимуляции определенной „структуры“ многих частей нервной системы. Наиболее важными вероятными участниками этого процесса являются кора большого мозга, таламус, лимбическая система и верхние отделы ретикулярной формации ствола мозга. Это представление называют холистической теорией мышления... Сознание, вероятно, можно объяснить как непрерывный поток осознания нашего окружения или наших последовательных мыслей» (Гайтон, Холл, 2008, с. 807).

Как мы видим, данное определение мышления и сознания дается в вероятностном стиле. Авторы отмечают, что «самое трудное при обсуждении сознания, мышления, памяти и научения то, что мы не знаем нервных механизмов мышления и мало знаем о механизмах памяти» (там же, с. 807). Будем и мы иметь это в виду. Но для утверждения принципа психофизического единства при изучении мышления этого достаточно. Глубокую трактовку принципа психофизического единства предлагает С.Л. Рубинштейн: «При разрешении психофизической проблемы, с одной стороны, необходимо вскрывать органически-функциональную зависимость психики от мозга, от нервной системы, от органического „субстрата“ психофизических функций: психика, сознание, мысль – „функции мозга“; с другой – в соответствии со специфической природой психики как отражения бытия – необходимо учесть зависимость ее от объекта, с которым субъект вступает в действенный и познавательный контакт: сознание – осознанное бытие... Отражая бытие, существующее вне и независимо от субъекта, психика выходит за пределы внутриорганических отношений» (Рубинштейн, 1999, с. 25).

В психологическом исследовании вторая сторона является ведущей (при этом не забывается первая). В мышлении она проявляется как *предметность мышления*. «Исходные особенности мышления как интеллектуальной операции — это объективность или предметная отнесенность его содержания: мысль направлена на предмет. Отношение мысли к независимому от нее предмету, объективность его содержания — самая существенная черта мыслительного процесса» (там же, с. 305). Мысль не только направлена на предмет, она несет существенные характеристики предмета.

Исходя из сказанного, определим мышление как качественно специфический психологический процесс, суть которого заключается в порождении мыслей и в работе с мыслями, используя систему интеллектуальных операций, направленную на разрешение задачи, посредством раскрытия объективных свойств, связей и отношений. Дав такое определение мышлению, мы в дальнейшем будем опираться на представление о мысли, изложенное в параграфе 1.1.

Обобщая изложенный материал, можно изложить его сущность в следующих положениях.

Во-первых, мышление можно определить как психический процесс порождения мыслей и работы с мыслями, обусловленный решаемой задачей.

Во-вторых, мышление есть процесс, реализуемый нервными механизмами мышления, вероятностными участниками которых являются кора большого мозга, таламус, лимбическая система и верхние отделы ретикулярной формации ствола мозга (Гайтон, Холл, 2008, с. 807).

В-третьих, с учетом нашего подхода к определению способностей как свойств функциональной системы, реализующих определенную психическую функцию, мышление можно рассматривать как способность (Шадриков, 2007). И как способность мышление будет иметь индивидуальную меру выраженности, проявляющуюся в успешности и качественном своеобразии порождаемых мыслей и работе с мыслями при решении задач, стоящих перед субъектом.

* * *

Рассмотрев основные познавательные процессы с позиции представленности в них мыслей, мы можем сделать важный вывод: данный подход позволяет проследить непрерывность и изменчивость мыслей у одного и того же субъекта при переходе от восприятия к пред-

ставлению, воображению и мышлению. Традиционно эти познавательные процессы разделены и отнесены не к индивиду, а к выборке, на которой они изучаются. Но, следуя за Джеймсом, мы должны помнить, что психолога интересуют не только общие закономерности восприятия, памяти, воображения, мышления, но и то, как они представлены у конкретного человека. В данном случае нас интересует, как мысль рождается в восприятии и как она продолжает жить в содержании психики индивида.

Проблема это не нова. По отношению к изучению личности она была остро поставлена В. Штерном еще в 1900 г. (Штерн, 1998). Как известно, в начале своего исследования В. Штерн ставит «принципиальный вопрос научно-теоретического характера — имеет ли право индивидуальность вообще, и особенно человеческая индивидуальность быть предметом научного исследования?» (там же, с. 206). На первый взгляд, эта парадоксальная постановка вопроса. Но сторонники такого подхода утверждают, что наука изучает только общезначимые естественно-научные закономерности. Разрешая данный вопрос, Штерна предложил разделить все науки на «номотетические», устанавливающие законы, и «идеографические», занимающиеся изучением индивидуальности. При этом, отмечал Штерн, не следует противопоставлять два эти подхода. Эти два подхода связаны друг с другом, даже более, они с необходимостью дополняют друг друга. В качестве метода исследования индивидуальности он предложил *биографический* метод и метод *психографии*. Биография, в концепции Штерна, отражает идею единства личности, психограмма отражает многообразие признаков, имеющих у личности.

К сожалению, приходится констатировать, что это требование к изучению индивидуального протекания всех познавательных процессов у конкретной личности в психологии не было реализовано. Исследования сосредоточены на изучении общих закономерностей отдельных познавательных процессов. Единый процесс познания объекта конкретным индивидом остался в тени. И только переход к мысли как основе психической деятельности позволяет это сделать.

В работе показана функциональная настроенность отдельных психических процессов:

- *восприятия* на воспроизведение предметного мира в образах, представляющих собой потребностно-эмоционально-информационную субстанции мысли. Образ-субстанция будет опре-

деляться как устойчивая совокупность мыслей, как пребывающая во времени сущность и ее проявления, как сущее, причина которого в нем самом;

- *представления-памяти* для сохранения опыта субъекта, на основе которого происходит субъективная организация деятельности. Образы представления находятся под контролем всей внутренней жизни человека, они выступают как часть сознания человека. В образах памяти продолжается процесс субъективизации образов-восприятия, прежде всего, в функциональном направлении;
- *воображения*, которое дает нам образы-субстанции мыслей в оригинальном сочетании без потери предметности; воображение включено в деятельность, прежде всего, в процессах целеполагания;
- *мышления*, которое порождает мысли и работает с мыслями, используя систему интеллектуальных операций.

Определив функциональную настроенность отдельных психических процессов, мы, с одной стороны, раскрываем механизм формирования содержания внутреннего мира, с другой — процессы, происходящие внутри мира внутренней жизни (иными словами, мы раскрываем процесс онтогенеза души и душевные процессы, определяющие поведение человека). Важно подчеркнуть, что при сохранении предметности мысли она постоянно трансформируется и субъективизируется.

Необходимо отметить одну закономерность, на которую обращал внимание еще Аристотель. В трактате «О душе» он писал, что мыслить — это во власти самого мыслящего, а ощущения — не во власти ощущающего, ибо необходимо, чтобы было налицо ощущаемое.

Водоразделом здесь выступает память, которая, с одной стороны, сохраняет опыт, а с другой — является условием свободного мышления субъекта. На особую роль памяти в организации психической жизни обращала внимание Н. П. Бехтерева (Бехтерева, 1980). Рассматривая роль отдельных психических функций в обеспечении психической деятельности, Н. П. Бехтерева отмечает, что «было бы неправильным ставить память наравне с другими функциями мозга. Память является базисным механизмом, свойством мозга, и факт ее организации также, по-видимому, по системному принципу, не должен как бы низводить ее на уровень других систем. Па-

мять — тот основополагающий механизм, который лежит в основе проявления всех онтогенетически формирующихся видов деятельности и соответственно всех обеспечивающих их мозговых систем» (там же, с. 171—172).

Именно через свободное обращение к содержанию памяти реализуется механизм сознания (самосознания), через память субъект может реализовать свои планы. Можно предположить, что здесь формируется механизм воздействия идеального на материальное.

Глава III

Мир внутренней жизни и душа человека

Подходя к описанию мира внутренней жизни, мы пользуемся терминами: образ, представление, воображение. Но при этом, опираясь на материалы первой и второй глав, будем помнить, что все эти понятия наполняются смыслом, только при их описании через мысль, через потребностно-эмоционально-информационную субстанцию. В своем взаимодействии эти субстанции и оставляют ткань внутренней жизни субъекта, сущность его психической деятельности, определяют содержание психики.

Этот внутренний мир реален, так как он действительно существует независимо от нас, от изучающих и наблюдающих его субъектов. Этот мир формируется, живет и развивается по своим законам, он структурирован, характеризуется определенными внутренними отношениями и взаимосвязями между отдельными частями. И этот мир составляет часть реальной жизни человека.

В настоящей работе мы с необходимостью подошли к выяснению отношений мира внутренней жизни и души человека. Душа определяется в различных источниках по-разному: и как информационная структура; и как энергетическая сущность; и как субстанция, существующая автономно; и как сотворенная Богом, бессмертная, нематериальная сущность человека, носитель разума, чувства и воли. К определению души в настоящее время подключились не только представители философии, теологии, но и математики и физики. Настало время определиться с понятием «душа» в психологии — науке от душе.

3.1. Зарождение внутреннего мира

Внутренний психический мир человека является частью человеческой жизни. Уже эмбрион реагирует на состояние матери и события внешнего мира. Можно сказать, что он живет одной жизнью с матерью. В постнатальный период эта связь с матерью и внешним миром остается, но принимает другие формы: она регулируется психикой ребенка, которая в этом взаимодействии формируется и развивается.

Первой особенностью этого взаимодействия является то, что оно детерминируется внутренним состоянием младенца, его потребностями и связанными с ними переживаниями (см.: Шадриков, 2002).

Ребенок переживает себя, свои состояния и связывает эти состояния с матерью. В этом процессе опредмечиваются его переживания: состояния ребенка, переживания ребенка → удовлетворение за счет объекта вне ребенка. Подчеркнем, что переживания ребенка едины с его органическими ощущениями, они еще не могут осознаваться, но они в своем единстве составляют жизнь ребенка. В процессах удовлетворения потребностей предметы внешнего мира приобретают для ребенка значение, смысл и эмоциональную окраску. В процессе опредмечивания переживаний формируется единство ребенка и внешнего мира, прежде всего его единство с матерью.

Длительное время (1930–2000) в отечественной психологии господствовала точка зрения, согласно которой психические явления рассматривались как отражение действительности. Главным фактором формирования внутреннего мира выступал внешний мир, окружающая человека среда. «Это отражение действительности человеческим мозгом, — читаем мы в учебнике психологии, — в виде различных психических явлений есть субъективный мир человека, представляющий собой отражение, образ объективного мира, существующего вне нас и независимо от нашего сознания» (Психология, 1956, с. 9).

В теории отражения действительность доминировала в порождении психического, в то время как наблюдения показывают, что первичным (источником активности) в порождении психического являются переживания ребенка, которые в его активности опредмечиваются. Человек выступает как субъект активности (поведения и деятельности).

С учетом сказанного продолжим рассмотрение процесса зарождения внутреннего мира.

Человек – часть природы. Свое существование он может обеспечить только за счет природы. И, чтобы этого достичь, он должен располагать соответствующим знанием о природе и обладать определенными навыками. Знания об окружающем мире всегда функциональны, т. е. они получаются ребенком в процессе разрешения жизненно важной задачи. Эти знания служат удовлетворению определенной потребности и поэтому всегда сопровождаются переживанием. Жизненно важные знания всегда связаны с переживанием. В этих переживаниях отражается личностный смысл знаний, получаемых от взаимодействия человека с внешним миром в процессе жизнедеятельности. В формирующемся субъективном образе внешний мир раскрывается как «мир для меня» (вещь в себе становится вещью для меня). Формирование субъективного образа объективного мира включается в процесс жизни человека, обеспечивает эту жизнь, является ее частью. И происходит это без обязательного осознания явлений психики (хотя на определенном этапе они начинают осознаваться).

3.2. Развитие внутреннего мира в деятельности

Любая деятельность побуждается, направляется и регулируется двумя векторами: мотивом → целью и целью → результатом (Шадриков, 1982). Мотив инициирует деятельность, направляет ее и конкретизирует цель; цель определяет результат деятельности.

Принципиальным этапом освоения деятельности является ее принятие человеком. Решение этого вопроса будет определяться тем, насколько представление человека о профессии будет соответствовать его потребностям. Человек, выбирая профессию, проецирует свою мотивационную сферу на структуру факторов, связанных с деятельностью и возможностями удовлетворения своих потребностей в деятельности и через деятельность. Принятие деятельности порождает *желание* выполнять ее определенным образом, порождает определенную *детерминирующую* тенденцию и служит исходным моментом формирования психологической системы деятельности.

В процессе дальнейшего освоения деятельности происходит трансформация мотивационной структуры субъекта деятельности. Во-первых, общие потребности личности находят свой предмет в деятельности и, таким образом, идет формирование структу-

ры профессиональных мотивов и их осознания. В результате этого процесса устанавливается *личностный смысл* деятельности. Во-вторых, система профессиональных мотивов изменяется с возрастанием уровня профессионализации. Это выражается в появлении новых и инволюции ряда старых мотивов, изменениях в абсолютной и относительной значимости мотивов, изменениях их структуры. Различные аспекты деятельности приобретают различный личностный смысл и привлекательность. На разных этапах профессионализации различные мотивы становятся ведущими.

Мотивация организует целостное поведение, оказывает существенное влияние на формирование цели, проявляется в установках на качество и производительность, в ее динамике, напряженности, на весь процесс генезиса психологической системы деятельности. Цель деятельности выступает как идеальный или мысленно представляемый результат, включающий качественные и количественные параметры. На этапе формирования представления о качестве результата выделяются те его параметры, которые определяют это качество. В процессе формирования представления о цели деятельности субъект выделяет прежде всего те параметры, которые имеют предпочтительный личностный смысл. Существенным моментом формирования цели является установление лично приемлемых (предпочтительных) уровней достижений в деятельности (по каждому параметру). Завершающим этапом процесса формирования цели является выработка критериев, по которым происходит принятие решения о достижении цели деятельности (критерии оценки достижения цели). Помимо критериев достижения цели, формируются критерии оценки эффективности деятельности и критерии предпочтительности того или иного результата. Необходимость выработки подобного рода критериев обусловлена наличием поля допустимых результатов и множества возможных способов деятельности. В этом проявляется профессиональная свобода субъекта деятельности.

С учетом сформированных и принятых субъектом целей деятельности складываются представления о программе деятельности и способах выполнения определенных действий, соответствующие критерии оценки правильности действий и решающие правила, по которым происходит обработка информации и принятие решений. Необходимо подчеркнуть, что все перечисленные компоненты деятельности представлены в содержании психики, прежде всего в виде смысловых моделей.

В деятельности внешний мир отражается функционально. В результате формируется оперативный образ, обеспечивающий успешность деятельности. Под *оперативным образом* будем понимать, вслед за Д. А. Ошаниным, «идеальное, специализированное отражение преобразуемого в действии объекта (процесса, явления и т. д.), складывающееся по ходу выполнения конкретного предметного действия и подчиненное задаче действия» (Инженерная психология, 1972, с. 135–136). Исследования, проведенные Д. А. Ошаниным, показали, что складывающийся в процессе деятельности и в целях деятельности образ объекта обладает рядом особенностей. Оперативный образ прагматичен, адекватен задаче действия, специфичен, лаконичен, функционально деформирован (там же, с. 137–138).

Прагматичность оперативного образа заключается в том, что он складывается в процессе решения конкретной задачи и для решения этой конкретной задачи. Его информационное содержание и структура определяются задачей действия.

Обслуживая решение определенной задачи, оперативный образ ей и соответствует наилучшим образом, он адекватен задаче действия. В силу адекватности он эффективен и в этом смысле наиболее надежен, обеспечивает решение задачи в различных условиях.

Прагматичность оперативного образа и связанная с этим эффективность приводят к тому, что в образ включается информация, необходимая для решения только этих задач. В этом заключается специфичность оперативного образа, его «пригнанность» к задачам действия.

Оперативный образ «лаконичен». В него не включен целый ряд особенностей объекта, в том числе и существенных, которые в данном случае и данным исполнителем не могут быть использованы для решения задачи.

С «лаконичностью» оперативного образа тесно связана его функциональная деформация – нарушение беспристрастности и нейтральности отражения объекта в образе через акцентировку в нем характеристик объекта, особенно существенных в условиях конкретного действия и, наоборот, через свернутость или меньшую осознанность малоинформативных для данной ситуации объективных свойств. Таким образом, оперативный образ предметен и субъективен.

Если рассмотреть жизнь человека, то она предстает как непрерывно меняющиеся деятельности и поступки. Следовательно, и субъективный образ объективного мира будет складываться из опера-

тивных образов, характерных для конкретных видов деятельности и поступков. И если составляющие этого образа характеризуются прагматичностью, адекватностью задаче действия, специфичностью, лаконичностью и функциональной деформированностью, то и субъективный образ мира у конкретного субъекта будет характеризоваться этими свойствами. Субъективный образ будет отражать те задачи, которые решал субъект в своей жизни. У каждого свой образ мира, в своих частях точно приспособленный для решения определенных задач жизнедеятельности. В каждой деятельности этот образ поворачивается своей особой гранью, из него вычерпывается именно та информация, которая нужна для данной (конкретной) деятельности. Чем в большее число деятельностей включался человек, тем большей оперативностью обладает его субъективный образ. В оперативности образа заключается его жизненная приспособленность, возможность его эффективного использования в выполнении различных задач.

Рассматривая формирование оперативного образа, мы все время говорим, что он формируется в целях деятельности или *поведения*. В последнем случае ведущей характеристикой оперативного образа становится его насыщение мыслями о других людях, в отношении которых совершается тот или иной поступок. Таким образом, в оперативный образ включается социальная информация и содержание оперативного образа будет характеризовать субъективный образ *личности*.

Экспериментальные исследования различных видов деятельности позволили сделать вывод, что при всем их многообразии любая деятельность описывается одними и теми же функциональными блоками (компонентами). Для различных видов деятельности эти компоненты будут весьма различными по своему конкретному информационному наполнению, но легко сопоставимыми по функциональным характеристикам. В своем единстве они будут образовывать психологическую систему деятельности, которая включает в себя:

- мотивы профессиональной деятельности;
- цели профессиональной деятельности;
- программы деятельности;
- информационную основу деятельности;
- решающие правила и алгоритмы;
- профессионально важные качества (способности) (см.: Шадриков, 1982).

Важно подчеркнуть вслед за С. Л. Рубинштейном, А. Н. Леонтьевым, Б. Ф. Ломовым, что задача психологического изучения деятельности заключается в том, чтобы, «не превращая действия и деятельность в психологическое образование, разработать подлинную психологию действия» (Рубинштейн, 1946, с. 535). Любая деятельность имеет внешнюю и внутреннюю стороны, и они неразрывно связаны между собой. «Разделение деятельностей на внешние и внутренние – это искусственное разделение. Любое внешнее действие опосредуется процессами, протекающими внутри субъекта, а внутренний процесс так или иначе проявляется вовне. Задача психологии заключается не в том, чтобы их сначала разделить, а затем искать, как они связаны, а в том, чтобы, изучая „внешнюю сторону“ деятельности, раскрывать „внутреннюю сторону“, а также понять реальную роль психического в деятельности» (Ломов, 1981, с. 16–17).

Любая деятельность человека в своем внутреннем содержании это и есть одна из сторон внутренней жизни человека.

Изучая психологическую сторону деятельности, мы проникаем во внутреннюю сторону деятельности, имеющую и внешнее выражение.

Рассмотрим в качестве примера следующую ситуацию. Преподаватель объявляет, что на очередном уроке ученики будут писать сочинения по произведениям писателя Х. Что будут делать ученики? Одни решат, что надо заняться дополнительно, другие сочтут, что этого можно не делать, достаточно и того, что они знают. Эти решения продиктованы различной мотивацией и различным представлением об уровне своей подготовленности. Ученик может решить заняться дополнительной подготовкой потому, что он любит этого писателя, желает выразить себя в этом сочинении, хорошо предстать в глазах одноклассницы, в которую он недавно влюбился и хотел бы обратить ее внимание на себя. Оценка по этому сочинению может стать решающей в итоговой оценке за четверть (год). Ученик может быть уверен, что его знаний хватит на положительную оценку, а сегодня и завтра предстоят важные встречи, матч по хоккею, который он бы хотел посмотреть, интересная дискотека и т. д. Наконец, ученика не волнуют его оценки, сфера его интересов лежит за пределами учебы, а тройку ему все равно поставят.

Таким образом, существенным моментом в определении характера поведения будут выступать мотивации, представление о своих

знаниях, правильность этих представлений, мнение о требованиях, которые преподаватель предъявляет к сочинениям.

На основе оценки сложившейся ситуации ученик формирует цель – подготовиться к сочинению в соответствии со своими представлениями о «хорошем» сочинении и со своими критериями оценки уровня своей готовности. Цель может включать в себя: необходимость актуализации учебного материала по данному писателю, который изучался на предыдущих занятиях, обращение к произведениям писателя (программным и выходящим за рамки школьной программы), обращение к уже имеющимся сочинениям по произведениям данного писателя (в частности в сети «Интернет»), обращение к литературной критике, выяснение индивидуальных предпочтений преподавателя, подготовку цитат, заготовку шпаргалок и т. д.

В зависимости от сформированного представления о цели предстоящей деятельности ученик разрабатывает программы того, что надо сделать в имеющийся у него отрезок времени, как и когда. Структура поведения (планов поведения) может иметь самый причудливый характер в зависимости от доминирующей мотивации, оценки своих возможностей, декомпозиции цели (частных задач), способностей, информационных условий (доступность литературы, компьютерной сети, времени и др.), уровня притязаний, представлений о желаемом результате, сложившихся правил принятия решений и критериев оценки своих действий.

Естественно, что за принятием цели и разработкой программы должна последовать сама деятельность по ее реализации, в ходе которой в цель и программу могут вноситься различные изменения вплоть до отказа от принятой цели.

Даже представленный эскизный набросок показывает всю системность разворачивающейся психической деятельности, связанной с отдельным фрагментом текущей жизни ученика. Мы рассмотрели только один предмет и только одно текущее задание, а у ученика их как минимум шесть каждый день. Ему надо выстроить план поведения в системе всего учебного процесса в ограниченное время с учетом индивидуальных требований каждого учителя, своих интересов, смыслов и предпочтений. Но и сама учебная деятельность является только частью его жизнедеятельности. Ученик, как личность, проживает свою жизнь, включающую отношения с родителями, товарищами, учениками, занятия спортом и искусством, различными видами технического творчества, юношеские увлечения,

влюбленность, разочарования, товарищеские обязательства и мн. др. Мы даже не задумываемся о всем многообразии и сложности текущей человеческой жизни. Обращение к деятельности нам помогает ее конкретизировать.

Особого внимания заслуживает совместная деятельность, закономерности которой рассмотрены А.Л. Журавлевым (Журавлев, 2005).

Зададимся также вопросом: что стало со всеми представлениями ученика, с его мотивацией, критериями и правилами, которыми он руководствовался в процессе принятия решений о своем поведении в канун предстоящего сочинения, после того, как сочинение было написано? Они исчезли, ушли в небытие? Исследования показывают, что они сохранились в памяти ученика и могут быть актуализированы для решения других жизненных задач. Они стали частью внутреннего мира ученика. Они вошли в состав внутренней потребностно-эмоционально-информационной субстанции, включающей и образы, и знания, и значения, и смыслы.

3.3. Развитие внутреннего мира в поступках

Ранее мы рассмотрели формирование внутреннего мира человека как субъекта деятельности. Оставаясь по структуре тем же, что и в деятельности, внутренний мир претерпевает существенные изменения, когда мы начинаем его рассматривать как производный от поступка. В поступке на первый план выходят отношения человека с другими людьми. Человек выделяет себя из группы, противопоставляет себя другим ее членам и отождествляет себя с группой. Через поступок человек начинает осознавать групповые формы поведения, иерархию в группе, ценность для себя других членов группы, групповых норм. Через оценки других человек начинает оценивать себя, начинает понимать, что он есть для других, ценность себя для других. В содержание внутреннего мира включаются ценности межличностных отношений, социальные нормы поведения. Осознание социальных норм *переводит их в знание*, а это, в свою очередь, делает допустимым их нарушение. Ставится под сомнение традиция и обычай. Появляется возможность оправдать эгоизм. Познание человеком самого себя через отношения с другими есть одновременно и познание добра и зла, и усвоение морали. В поступках закладывается человечность (Шадриков, 2001).

Одновременно в поступках закладывается возможность возникновения конфликтных ситуаций, которые могут стать источником внутреннего конфликта.

Мы склонны встать на точку зрения А. Бергсона, который показал, что, наделив человека умом, природа внесла дисбаланс в гармонию инстинктов индивидуального и видового сохранения (Бергсон, 1994). Ум всегда эгоистичен, ум даст совет вначале стать эгоистом, и именно в эту сторону пойдет умное существо, если его ничто не остановит. Ум изобретает орудие труда, благодаря уму человек осваивает природу, ум усиливает возможности человека в борьбе за существование, обеспечивает прогресс обществу. Но в то же время ум угрожает нарушить сплоченность общества, и, если общество желает сохраниться, оно должно создать противовес уму, точнее, его индивидуальной ориентации. В качестве такого противовеса природа выбрала общественную мораль, первоначально воплощенную в обычаях и религии. В определенной мере обычай занял место инстинкта, это социальный инстинкт общества.

Совершая поступок, осознавая свои отношения с другими людьми, человек осознает, что он может стать источником добра или зла для других, он осознает, что и он сам может извлечь пользу для себя за счет других. Мораль гармонизирует эти отношения. Через поступок во внутренний мир входит мораль, а вместе с моралью осознание героизма, эгоизма, жертвенности. Соблюдение моральных норм связано с глубокими эмоциональными переживаниями. Через поступок формируется духовность человека. Отдельный человек духовен, когда он в состоянии раскаяться, если использовал другого человека в качестве средства для достижения своей цели. Духовность характеризует новый этап в развитии внутреннего мира человека. Высшим проявлением духовности является совесть человека (Шадриков, 2017).

Особенно следует подчеркнуть роль отдельных событий в жизни человека, жизненных успехов и неудач, вероятностный, строго недетерминированный характер его развития. В процессах формирования внутреннего мира проявляется свобода личности, ее творческий характер. Можно с уверенностью сказать, что человек создает сам себя. В этом процессе огромное значение имеют его мысли: внутренний идеальный фактор развития.

Важнейшим фактором душевной жизни является тайна личности. На минуту задумаемся о себе. Раскрыты ли вы полностью

для окружающих, даже самых близких? И каждый ответит — нет! У каждого есть множество тайн, которые он не хотел бы (или не желает в настоящее время) открывать для других. А если бы все стали говорить друг другу только правду, жизнь стала бы невыносимой. Сокрытое есть тайна.

«Как только человеческому духу удалось выдумать идею греха, — писал Юнг, — возникло психически сокрытое, на аналитическом языке — вытесненное» (Юнг, 1994, с. 14). Однако есть основания считать, что тайное возникло гораздо раньше идеи греха. Первоначально тайное было связано с деятельностью, личными открытиями на охоте, в одомашнивании животных, в изготовлении орудий труда, оружия, гончарном деле и т. д. В более поздний период эти тайны стали носить характер ремесленнических секретов, которые передавались от отца к сыну, фамильных тайн боевых приемов и т. п. Тайна возвышала личность в глазах окружающих, владение тайной давало значительные преимущества. Это была тайна знания, а знание — сила. Тайна знания способствовала индивидуальной дифференциации человека. Эти тайны профессионального мастера присутствуют и в деятельности современного человека, составляя важную часть его самосознания, внутреннего мира.

Тайна — это то, что я знаю, но не хочу, чтобы об этом знали другие. Во всем объеме этой информации особую категорию составляет информация обо мне самом. Это та часть внутреннего мира, которая составляет мою тайну, тайну моего «я». Переживания этой тайны составляет важную часть моей внутренней душевной жизни. Подчеркнем, что эта тайна не наносит вред другим. Эта тайна защищает меня, ибо это во многом и есть «я».

Наконец, выделим в тайне ту часть, которая связана с мотивацией и поступками, противоречащими требованиям морали. Это тайна, обращенная к другим людям, тайна вины и греха, тайна, порождающая «угрызения» совести, тайна, подобная душевному яду, отделяющая человека от общества, разрушающая личность. Человек стремится освободиться от этой тайны, разделить ее с другими, что часто он и делает перед совершенно незнакомыми людьми, например, перед попутчиками в поезде. Разделенная с другими тайна снимает напряжение, испытываемое субъектом, возвращает его в общество, в малую группу.

Тайна личности может осознаваться, но может находиться в бессознательном, вытесненном состоянии. В последнем случае содер-

жание тайны утаивается даже от себя. Как пишет Юнг, «оно отщепляется в виде самостоятельного комплекса от сознания и ведет в области бессознательной души существование особого рода, недоступное сознательному вмешательству и коррекции. Комплекс образует, так сказать, маленькую обособленную психику, которая, как показал опыт, сама по себе развивает своеобразную деятельность фантазии» (там же).

Таким образом, мы видим, что, выступая одним из факторов внутренней психической жизни индивида, его тайна является нормальным явлением и, только будучи вытесненной из сознания, превращается в психологическую причину, изменяющую поведение человека, требующую вмешательства психоаналитика.

Другим важным фактором, влияющим на протекание внутренней жизни, является сдерживание проявления аффектов. «Сдержанный аффект действует так же изолирующе и так же дезорганизующе, как и неосознаваемая тайна» (там же, с. 16). Подобными ситуациями переполнена наша жизнь. Люди сдерживают свои аффекты в общественных местах, на работе, в общественном транспорте и т. д. Как было показано ранее, стресс постоянно сопровождает нас в этой жизни. В силу этого восприятия мира есть одновременно его эмоциональное восприятие. Задержанный аффект, в большинстве случаев негативный, порождает стойкое негативное отношение к ситуации и лицу (лицам), его породившими, и в дальнейшем определяет поведение субъекта.

В процессе развития своего внутреннего мира со стороны эмоций и чувств, утончая их до крайней остроты, субъект не должен потерять контроля над своими чувствами. Получая удовольствие от переживаний, можно попасть под власть этих переживаний, и тогда они будут направлять поведение. Когда чувства становятся господствующими, подавляется воля, начинается распад внутреннего мира. Соотношение переживаний как стороны эмоционального отражения мира, себя и переживаний как мотиватора поведения очень тонкое, и здесь нельзя переходить грани баланса, характеризующего нормальную психику.

Сдержанность достигается путем вытеснения эмоций. Вытесненные эмоции переходят в содержание бессознательного. В бессознательном накаливаются эмоции, требующие выхода.

Как известно из практики, важную роль в упорядочивании психической жизни выполняют процедуры освобождения от тайны

и от подавленных аффектов. Эти процедуры применяются практически во всех религиях, они нашли широкое применение в психоаналитических процедурах и получили название «катарсис» — очищение. Душа требует очищения. И эта работа психики составляет важнейшую часть внутренней жизни субъекта, жизни, не всегда осознаваемой, но периодически всплывающей в сознании. Во всех этих процедурах человек очищает свою совесть, облагораживает сам себя.

Рассматривая содержание внутреннего мира, нельзя не отметить самостоятельность переживаемых мыслей. Будучи порождением реальных отношений, добрые и злые мысли приобретают собственную жизнь и назначение. Раз возникнув, та или иная мысль вливается в общий поток внутренней жизни и определяет поведение субъекта на долгий период, иногда на всю жизнь. Например, у вас возникает мысль о том, что ваш собеседник неискренен. Эта мысль будет определять все ваше поведение с этим человеком. Другим ярким примером является мысль о неверности любимого. Она порождает чувство ревности, от которого часто невозможно избавиться и которое портит жизнь любящих. Та же мысль о неверности друга вызывает подозрение и изменяет все ваше поведение. Недаром говорят, что слово ранит. Мысль, заключенная в слове, порой переворачивает весь внутренний мир. Поэтому человек должен осознанно подходить к собственным мыслям и оценкам, не предаваться недобрым размышлениям, не формировать из себя недоброжелателя. Как и недобрым мыслям, столь же опасно придаваться грусти. Она ослабляет волю и способствует формированию чувства одиночества, покинутости, несправедливости.

Особо опасную роль в деформации внутреннего мира играет чувства ущемленности, несправедливости, овладевающие человеком. Такой человек начинает компенсировать свои неудачи стремлением унижить других, поставить их в зависимое положение. На этой основе могут развиваться садистские черты характера. Боль другого, кто бы это ни был: жена, дети, сослуживцы, просто посторонние люди, — начинает доставлять удовольствие такому человеку. Завистливый человек начинает причинять зло и горе всем, кому мстит, возникает стойкое желание беспредельной мести. Озлобленные неудачники и просто завистливые люди готовы критиковать всех и вся, в быту и на производстве, в научном коллективе и в искусстве. Они омрачают жизнь людей. Еще раз подчеркнем, что огромное значе-

ние в формировании внутреннего мира имеет личный успех. Нереализованные желания разрушают человека изнутри.

Огромную роль в формировании внутреннего мира играет воспитание человека. К сожалению, начиная с XIX в. воспитание стали заменять образованием, которое давало большие преимущества в жизни. На протяжении двух столетий эта тенденция, набирая силу, стала отличительной чертой образования настоящего времени. Огромную отрицательную роль в формировании внутреннего мира человека играют современные средства массовой информации. Газеты, радио, телевидение ежедневно обрушивают на человека массу информации, и важно не то, что она часто недостоверна, опасно, что это, как правило, информация, отнесенная к несущественным вопросам и проблемам незначительным, но раздутым до огромных размеров. Эта информация съедает все свободное время, заполняет мышление малозначительными проблемами, не оставляя времени для размышления над подлинными проблемами, составляющими смысл жизни. Все это опустошает и озлобляет человека, делает его духовно нищим, не видящим пути к чему-то большому и интересному. Пресса формирует идеал человека, довольствующегося животными страстями.

До настоящего времени мы в основном представляли поток жизни индивида как насыщающий и развивающий его внутренний мир. Но в поток жизненных ситуаций включены и так называемые критические жизненные ситуации.

«На уровне индивидуального сознания переживаемый человеком кризис – это прежде всего острая эмоциональная ситуация, мучительное ощущение потребности и необходимости изменений в сочетании с неясностью их характера и способов, наконец, чувства растерянности, бесполезности, бессилия» (Психология, 1998, с. 364).

Преодоление конфликтов и кризисов составляет сущностную часть внутренней жизни человека. Успешное преодоление создает условия для самореализации личности, ее полноценной жизни. В ряде случаев этого не удастся достичь, и тогда открывается возможность к развитию различного рода психопатий.

3.4. Целостность внутреннего мира

Как было показано выше, внутренний мир формируется в поступках и действиях, которые реализуются целостной психологической

функциональной системой. Отдельные компоненты этой системы, отнесенные к мотивации, переживаниям, оперативному образу внешнего предметного мира и самого себя, планам и программам поведения, правилам и критериям оценки в соответствии с целями деятельности и моральными нормами, тесно функционально взаимосвязаны друг с другом. Таким образом, *в структуре отдельного поступка и действия внутренний мир целостен и функционален.*

Вместе с тем каждый отдельный поступок и действие (назовем это актом жизнедеятельности) вплетены в реальную жизнь человека, являются элементами потока жизни. В этом процессе жизнедеятельности развиваются природные качества индивида. Базовые биологические мотивации: пищевая, половая и доминирование формируются в целостную систему потребностей личности, включающую материальные, духовные и социальные потребности, в которых отражается весь мир продуктов потребления, моральные нормы, предания, традиции и обычаи, религиозные устремления, эстетические ценности, потребности в общении, социальном признании, самоактуализации и мн. др. (Шадриков, 2001).

Формируясь в актах жизнедеятельности, все многообразие потребностей вырастает из базовых потребностей и в силу этого представляет собой единую развивающуюся подсистему внутреннего мира. *Принятие* той или иной деятельности определяется системой потребностей личности, структурой ее доминирующих мотиваций (первый системообразующий фактор). Через развивающуюся систему потребностей все акты жизнедеятельности становятся взаимосвязанными. Таким образом, отдельные целостные компоненты, реализующие отдельные акты жизнедеятельности, объединятся в целостный развивающийся внутренний мир человека. При этом особо следует отметить, что потребности, развиваясь из базовых биологических, тесно связывают внутренний мир с телом (единство тела и духа), а моральные нормы, порожденные обществом и принятые человеком как лично значимые, воплотившиеся в совести, связывают его с обществом (единство личности и общества). В результате образуется структура: природа → индивид → личность → общество.

Вторым системообразующим фактором, определяющим целостность внутреннего мира, являются *переживания*. Переживания интимно входят в любой психический процесс и психическое новообразование (образ, программы поведения, оценочные критерии, решающие правила и т. д.). Ощущения, восприятия, представле-

ния, мысли субъекта всегда несут в себе и компонент переживания. Возникая, переживания охватывает весь акт жизнедеятельности, пронизывает всю психическую систему действия. Конкретное переживание становится событием в жизни человека и вся его жизнь представляется как цепь переживаний. Эти переживания становятся как бы точками кристаллизации всего внутреннего мира человека, всей его внутренней жизни.

Как и подсистема потребностей, подсистема эмоций и чувств развивается на основе базовых эмоций, в качестве которых Спиноза выделял: удовольствия, неудовольствия, желания; Вундт: удовольствия—неудовольствия, возбуждение—успокоение, напряжение—разрядка; Грот: удовольствие и страдание; Уотсон: страх, гнев и любовь; Симонов: гнев, страх, удовольствие и его противоположность — отвращение и дискомфорт; Изард: интерес — волнение, радость, удивление, горе — страдание, гнев, отвращение, презрение, страх, стыд и вину. Таким образом, мы может отметить, что почти все психологи, занимавшиеся проблемами эмоции, выделяли категорию базовых эмоций, число которых ограничено. Все дальнейшее многообразие эмоций и чувств развивается на основе базовых. Таким образом, если с общебиологической точки зрения полезность эмоций заключается в их подкрепляющей и закрепляющей функции, то с общепсихологической позиции функция эмоций заключается в формировании внутреннего мира человека, всей внутренней психической жизни субъекта.

В заключении еще раз подчеркнем, что весь внутренний мир человека замкнут на него самого, это внутренний мир конкретного индивида, и он целостен. Нарушение целостности и функциональности внутреннего мира человека ведет к различным аномалиям в поведении, которые определяются как различные психопатологические синдромы.

Когда мы говорим о внутренней жизни человека, мы рассматриваем этот мир в динамике, как поток событий. Внутренняя жизнь человека может протекать полностью в идеальной форме, в виде представлений, фантазий, мечты. В своих фантазиях человек исходит из своих потребностей, в них отражается его жизненный опыт, он совершает «виртуальные» действия и поступки, которые может глубоко переживать. Именно переживания, находящие отражение в телесных реакциях, свидетельствуют о том, что это *реальная* жизнь. Но эта внутренняя жизнь может быть и стороной реального потока

актов жизнедеятельности, выливаться в конкретные действия и поступки. В определенных случаях внешне выраженная сторона поступка может оказаться незавершенной, например, в случае ее произвольной задержки. Внешне выраженная сторона поступка – это лишь вершина айсберга, подводную часть которого составляют явления внутренней жизни: это и борьба мотивов, и принятие решения, и глубокие переживания того и другого, и процессы выработки программ, и информационное обеспечение процессов принятия решения и осуществление действия.

Внутренняя жизнь складывается из *прошлой* жизни. Допустим, вы пришли в кафе, и вам дали меню. Если вы имеете малый опыт посещения кафе, то почти все названия блюд вам будут неизвестны. Их чтение не вызовет желаний и переживаний, разве что пробудит любопытство. Если вы что-то слышали о конкретном блюде с хвалебной оценкой, Вы, по всей вероятности, закажите это блюдо. Но если вы постоянный посетитель данного кафе и практически знакомы со всем ассортиментом блюд, чтение меню будет сопровождаться определенными переживаниями и вы будете заказывать вполне определенные блюда. Наконец, вам уже может не понадобиться меню. У вас выработался определенный вкус и предпочтения, и вы будете делать заказ, не обращаясь к помощи меню. Прошлый опыт определяет ваше настоящее поведение. При этом наблюдается определенная закономерность: вначале идет накопление чувственного опыта в гастрономической сфере, затем формируются индивидуальные предпочтения.

То же мы может наблюдать и в сфере выбора одежды, если вы не стеснены в средствах, с поправкой на моду. Но и здесь человек со временем сформирует свой стиль одежды.

Если мы рассмотрим, как формируется информационная основа любой деятельности, то и здесь обнаружим ту же самую закономерность: вначале идет накопление информационных признаков, на основе которых осуществляется регуляция деятельности, а затем наблюдается их свертывание.

Наконец этот же процесс мы наблюдаем и в формировании способностей, в отношении операционных механизмов; а в деятельности – в отношении структуры способностей ее реализующих (Шадриков, 2019).

Очевидно, это общая закономерность развития и функционирования внутреннего мира. Человек стремится минимизировать психи-

ческие затраты и вырабатывает для этого вполне определенные планы и структуры поведения, алгоритмы поведения. В этих процессах происходит структуризация и индивидуализация внутреннего мира.

Первоначально психика возникла как регулятор отношений индивида и среды. Именно посредством ощущений, восприятий, представлений независимо от их осознания происходит отражение действительности, формируется внутренний мир человека. Для построения адаптивного поведения не требуется осознания внутреннего мира, достаточно, чтобы этот внутренний мир был сформирован ощущениями, восприятиями, мышлением.

Сознание есть вторичная форма существования психического. Это отражение психического в себе. Отражение своих ощущений, переживаний, мыслительной деятельности, отражение своего внутреннего мира. Для сознания характерно предметное значение, смысловое содержание, закрепленное в понятии и оформленное в слове. Процесс осознания явлений психики связан с осознанием их предметности. Сознание привносит во внутренний мир *знания*, зафиксированные в языке. Внутренний мир начинает обогащаться не только за счет личного опыта, но и за счет опыта, накопленного предыдущими поколениями и зафиксированного в языке. Одновременно язык позволяет фиксировать накопленный индивидуальный опыт в общественно значимых понятиях, описывая свой внутренний мир, делая его доступным для других. Говоря о двух сторонах психики — сознании и подсознании, — мы должны постоянно помнить об их единстве. Расщепление психики на отдельные процессы сознания и подсознания ведет к различного рода патологиям.

Ранее мы отмечали функциональный характер отражения внешнего мира в оперативном образе и его представленность во внутреннем мире. Важно отметить и еще одну особенность: внешний мир всегда представлен в субъективном образе частично. Внешний мир всегда остается «вещью в себе», и только частично раскрывается субъекту в поведении и деятельности, становится «вещью для меня». В любом акте познания мы познаем предметы и внешний мир только частично, преимущественно в функциональном значении в меру наших интересов и потребностей. Причем одна и та же вещь в разных деятельности и поступках не только по-разному раскрывается с когнитивно-функциональной стороны, но и отражается разными ощущениями. Предметы внешнего мира в субъективном образе предстают многофункциональными и полиэмоциональными.

ми. И так же, как предметный мир открывается человеку частично, так и внутренний мир на уровне сознания представляется ему самому тоже частично. Внутренний мир человека предстает перед ним как «вещь в себе». Именно поэтому так трудно познать себя, практически невозможно. Всегда останутся «уголки души», которые вдруг открываются человеку неожиданно для него самого, и тихий человек, внешне робкий и неяркий совершает героический поступок, а милый человек оказывается мерзавцем. И не только «чужая душа — потемки», но и своя тоже.

3.5. Единство и независимость внешнего и внутреннего миров

Внешний мир един с внутренним, ибо во внешнем мире опредмечиваются потребности человека. В деятельности и через деятельность предметы внешнего мира приобретают определенное значение и личностный смысл, а формирующийся образ внешнего мира всегда носит черты оперативного образа.

В потоке жизни, состоящем из действий и поступков, идет постоянная смена информационно-смысловых моделей, обеспечивающих конкретные действия и поступки. Актуальные модели переходят в потенциальные, которые в своем единстве составляют внутренний мир. Актуализация потенциальных моделей, составляющих внутреннего мира, происходит по функциональному принципу, сформулированному С. Л. Рубинштейном для процессов припоминания. «Этим функциональным принципом, в частности, объясняется, по-видимому... повседневный и все же, как будто парадоксальный факт: мы часто помним, что мы чего-то не помним; при припоминании забытого, если нам подвернется не то, что мы стараемся вспомнить, мы сейчас же сознаем или чувствуем: нет, это не то. Таким образом, мы знаем, что мы забыли, хотя, казалось бы, что, раз это забыли, мы этого не знаем. В действительности у нас в этих случаях обычно есть некоторое функциональное знание о связях, в которых стоит забытое нами. Припоминая, мы очень часто ищем носителя определенных, более или менее ясно осознанных функций, связей. В процессе припоминания мы из них исходим, и, когда нам как будто вспоминается забытое, мы проверяем, то ли нам вспомнилось, что мы хотели припомнить, по тому, как всплывшее в памяти входит в эти свя-

зи. Отождествляя всплывшее в памяти с искомым или отвергая его как не то, что мы хотели припомнить, мы в значительной мере базируемся на некотором смысловом контексте, из которого исходит припоминание» (Рубинштейн, 1999, с. 294).

В данной пространной цитате нам хотелось бы, во-первых, подчеркнуть, что отдельные блоки информации во внутреннем мире связаны друг с другом функциональными связями и составляют единое целое — внутренний мир. Во-вторых, в конкретные моменты времени мы не только не помним того, что включено в память, но и с трудом это можем актуализировать. Но оттого, что мы не помним чего-то, не следует, что этого не содержит наша память.

Функциональным принципом работы памяти объясняются многие обмолвки. Например, вы длительное время встречались с одним человеком и, может быть, были с ним близки, затем вы расстались, и вам встретился другой человек. В этом случае вы можете часто ловить себя на мысли, что вам хочется назвать его именем первого.

В своем порождении внутренний мир тесно связан с внешним миром, но одновременно внутренний мир самостоятелен, существует независимо от внешнего мира. Это внутренний мир человека, проживающего свою жизнь.

Но проживает свою жизнь человек во внешнем мире. Поэтому нам хотелось бы подчеркнуть еще раз единство внешнего и внутреннего мира. Это единство особенно убедительно доказывается исследованиями явлений депривации. Различные формы депривации: сенсорной, эмоциональной, двигательной, социальной — всегда приводят к нарушению нормального функционирования психики. Обеднение отношений с внешним миром приводит к задержкам психического развития, как в интеллектуальном, так и в эмоциональном аспектах. Широко известны результаты исследований детей в условиях детских учреждений, когда при нормальных биологических факторах развития фиксируются обедненные социальные контакты, недостаток эмоциональных отношений. В этих условиях наблюдается общая задержка развития ребенка.

В условия депривации у человека усиливается потребность в ощущениях и переживаниях, что осознается в форме сенсорного эмоционального голода. Активизируются процессы воображения, нарушается ритм сна и бодрствования, развиваются гипнотические состояния. Снижаются показатели функционирования практически всех познавательных процессов, наблюдаются иллюзии и галлюцинации.

3.6. Внутренний мир и душа человека

Переживания человека пронизывают все идеальные компоненты психической деятельности. Это относится и к образам восприятия, и к информации памяти, и к процессам принятия решений, разрешения жизненных ситуаций и деятельностных задач. Другими словами, все идеальные компоненты психологической системы деятельности связаны с переживаниями. Следовательно, вся информация, составляющая содержание внутреннего мира, будет пронизана переживаниями. Это принципиальное отличие информации внутреннего мира человека от информации, циркулирующей в любой технической системе, в том числе в системах искусственного интеллекта. Внутренний мир человека представляет собой *потребностно-эмоционально-информационную* субстанцию, формирующуюся при жизни человека на основе его индивидуальных свойств и качеств и отражающую все многообразие его бытия.

Важно отметить, что и мысль представлена как потребностно-эмоционально-информационная субстанция. Это единство структуры мысли и структуры внутреннего мира человека не случайно, так как из мыслей и их соединений и формируется содержание мира внутренней жизни.

И если внутренний мир человека может существовать относительно самостоятельно от внешнего мира, то он не может быть отделен от человека. Внутренний мир, как мы уже отмечали, начинает формироваться с восприятия своих потребностей и переживаний, и в дальнейшем своем существовании он неотделим от потребностей и переживаний конкретного человека. Проживание жизни и есть с внутренней стороны поток изменений внутреннего мира, в каждый момент жизни вплетенный в реальные действия и поступки, обеспечивающий эти действия и поступки. В силу сказанного можно заключить, что внутренний мир человека – это живой мир, и потребностно-эмоционально-информационная субстанция, представляющая внутренний мир – это живая субстанция.

Можно сказать, что эта потребностно-эмоционально-информационная субстанция и есть душа человека. Эта душа живет в единстве с телом и относительно независима от внешнего мира. Подчеркнем, что душа живет и может сама себя рефлексировать, может в каждый момент времени проживать всю жизнь или отдельные события. С этой точки зрения душа живет вне времени.

Давая характеристику души через *субстанцию*, мы должны более подробно раскрыть это понятие. Как отмечал С. Л. Рубинштейн, к понятию субстанции мы с необходимостью обращаемся, когда делаем попытку отразить *сущность* вещи. Субстанция понимается как устойчивое в явлении. «Субстанция определяется как сущность, проявляющаяся в явлениях, выступающая в них в форме осложненной несущественными, привходящими обстоятельствами, иногда маскирующими сущность, существенное в явлении» (Рубинштейн, 1997, с. 24). Именно такой субстанцией и является душа. Иными словами, душа составляет сущность человека и проявляется в его поведении. Душа как сущность личности выступает той инстанцией, которая преломляет и преобразует внешние воздействия.

«Душа-субстанция» в качестве сущности человека выступает как устойчивое основание личности в процессе ее взаимодействий с другими личностями и внешним миром в целом. Одновременно эта сущность человека выступает как основание всех его изменений.

Понятие души как субстанции позволяет понять такое сложное явление, как сохранение и тождество личности в процессах ее изменения и развития. «Субстанция выступает как пребывающая сущность и ее проявления, как сущее, причина существования которого в нем самом, существующее как причина самого себя» (там же, с. 26). Внутренние отношения, субстанциональные отношения, отношения во внутреннем мире между его компонентами являются основой, сущностью внешних отношений человека.

Говоря о душе как субстанции, не сводимой к ее проявлениям (отдельным ощущениям, восприятиям, мыслям, чувствам, стремлениям, желаниям, духовным состояниям), мы фактически реализуем принципы системного подхода. Целое не сводится к частям его составляющим, целое обладает новыми системными качествами. Душа как субстанция не существует отдельно от своих проявлений, вне психических явлений. Как отмечает Г. И. Челпанов, «наш психический организм не представляет простого механического соединения отдельных частей, а тоже представляет нечто целое, единое, вроде организма. Этому единству присуще *постоянство* и *относительная неизменность*, а это именно и суть, те свойства, которые характеризуют субстанцию» (Челпанов, 1994, с. 275).

Выступая как единое целое душа-субстанция одновременно выступает как организованное целое, имеющее свою структуру. Имен-

но структурные связи и образуют внутренние условия, через которые преломляются внешние воздействия (Рубинштейн, 1997, с. 27).

Душа-субстанция детерминирует поведение человека и в результате этого поведения может изменяться сама. Отсюда вытекает следствие, что сама душа-субстанция зависит от истории субъекта, жизненного пути личности. Анализируя детерминацию поведения человека со стороны сознательного существования, С.Л. Рубинштейн отмечает, что «психические явления выступают и как обусловленные условием жизни людей, и как обуславливающие их поведение, их деятельность... Внешние условия выступают как условия общественной жизни (общественный строй, политическая организация и т. д.), которые действуют через внутренние моральные установки человека, личности. Детерминация через мотивацию — это детерминация через значимость явлений для человека. Отсюда диалектика детерминации со стороны «влечения» и «долга» (внешней нормы). Отсюда также возможный подход к проблеме «ценностей», их шкале и динамике в зависимости от уровня бытия, жизни личности. Вопрос о «пользе» («утилитаризм»), о «счастье» (удовольствие, наслаждение, радость) и т. д. решается не абстрактно, а в зависимости от того, о человеке какого уровня жизни идет речь» (там же, с. 30).

Интересны рассуждения и логические доводы существования души Абу ибн Сины (Авиценны). В предельно общем виде под душой он понимал силу, которая является основой совершения действий. «Сон и бодрствование, здоровье и болезнь, — пишет Ибн Сина, — это состояние тела, и их начала исходят от него; они принадлежат сначала ему; однако они принадлежат ему потому, что у него есть душа. А что касается преставления, вожеления, гнева и тому подобного, то они принадлежат душе постольку, поскольку она обладает телом, а телу — постольку, поскольку они, прежде всего, принадлежат душе тела... Печаль, беспокойство, скорбь и тому подобное... принадлежит телу со стороны души, поскольку они сначала принадлежат душе» (Ибн Сина, 1980, с. 469).

Голод и вожеление, иными словами, биологические потребности, принадлежат первично телу; страх, гнев, печаль — это претерпевания, проявляющиеся сперва у души. К проявлениям души Ибн Сина относит восприятие, воображение, память, речь, мышление. Можно с уверенностью утверждать, что к проявлениям души Ибн Сина относит все основные категории, изучаемые современной психологией. Он не использует понятие «психология», но по содержанию

рассматриваемых категорий душа, в понимании Ибн Сины, в своих проявлениях охватывает то, что изучает психология. И с этой точки зрения можно говорить, что психология — наука о душе.

Но при этом очень важно отметить, что, по утверждениям Ибн Сины, «душа действует самостоятельно... Душа совершает два [вида] действий: один — по отношению к телу, которым она руководит и управляет; другой — по отношению к себе самой и к своим началам, а это как раз и есть действие разума» (там же, с. 485). Здесь мы считаем важным подчеркнуть глубокую мысль Ибн Сины о том, что душа является источником активности человека, она действует самостоятельно, но живет и тесно связана с телом, а также то, что душа стремится познать себя с помощью разума.

Понятие души используется в двух аспектах: как внутренний, психический мир человека, его переживания, настроения, чувства и т. д. и в теологическом плане как бессмертное, нематериальное начало, существующее независимо от тела, связывающее человека с Богом.

«В русском языке слово „душа“ дает наивысшую частотность употребления в значении внутренний психический (психологический) мир человека. В своем религиозном значении „нематериальное начало“ оно употребляется гораздо реже. Показательным в этом смысле данные „Словаря языка А. С. Пушкина“. Слово „душа“ — чемпион по частотности употребления у Пушкина. При этом абсолютное большинство употреблений этого слова — 510 раз — приходится на значение внутренний психический мир человека. В значении же нематериальное начало в человеке, продолжающее жить после его смерти, оно употреблено всего 44 раза. 510 и 44 — разница впечатляющая. Причем в языке А. С. Пушкина, так что это нельзя отнести за счет советской антирелигиозной пропаганды» (Тер-Минасова, 2000, с. 164–165).

Понятие «душа» вполне достойно того, чтобы его восстановить в правах как научное понятие. И предметом психологии может стать душа человека в ее научном понимании.

* * *

Мы начали свой анализ с понятия мысли и показали, что мысль может рассматриваться как основная категория мира внутренней жизни человека. Изучение мысли, ее сущности, позволило определить ее структуру. В нашем понимании мысль выступает как информационно-потребностно-эмоциональная субстанция. Мысли предмет-

на и идеальна, функционально деформирована и субъективно преобразована. Мысль несет в себе не только информацию о предметах внешнего мира, но и качества ее создателя. Мысль всегда индивидуальна. В таком качестве мысль и составляет первичное содержание мира внутренней жизни.

Как потребностно-эмоционально-информационная субстанция мысль представлена в образах и представлениях, которые также описываются через образы-субстанции и представления-субстанции и в такой форме входят в содержание мира внутренней жизни.

Наконец сам мир внутренней жизни рассматривается как душа-субстанция, отражающая в мыслях и образах внешний мир через историю жизненного пути личности.

Важно подчеркнуть, что предложенный подход к определению предмета психологии реализует положение Л. С. Выготского о необходимости при психологическом анализе явления различать единицы целого и элементы целого. «Под единицей, — писал Выготский, — мы подразумеваем такой продукт анализа, который в отличие от элементов обладает всеми основными свойствами, присущими целому» (Выготский, 1982, с. 15). В качестве единицы анализа предложена мысль, которая обладает основными свойствами, присущими душе.

Глава IV

Структура и функции мира внутренней жизни

Опыты Х. Дельгадо позволяют предположить, что человек запоминает всё, с чем сталкивается в своей жизни, т. е. содержание психики характеризуется *целостностью* (Дельгадо, 1971). Эта целостность представляет собой динамический, оперативный образ внешнего предметного мира, насыщенного переживаниями. Это целостность определяется целостностью внешнего предметного мира в той мере, в какой мы ее понимаем.

В настоящей главе мы останавливаемся кратко только на некоторых принципиальных моментах, определяющих структуру внутреннего мира человека. Объемный материал по данному вопросу содержится во втором томе шеститомного издания «Общая психология. Хрестоматия», одним из составителей которой является автор данной монографии (Общая психология. Хрестоматия, 2020).

4.1. Целостность внутреннего мира и адаптивные возможности (по У. Р. Эшби)

Исследуя явление адаптации в сложных системах, У. Р. Эшби показал, что «обилие связей между частями мозга несет с собой как преимущества, так и невыгоды». Преимущество большого числа связей в системе заключается в увеличении вероятных форм поведения, в возможности регуляции поведения через внутренние связи мозга. Недостатком систем с большим числом связей является увеличение, часто в огромной степени, времени, необходимого для адаптации, в снижении эффекта накопления адаптации по мере роста связей.

«Мы должны раз и навсегда отбросить мысль, приводимую чуть ли не во всех книгах о головном мозге, написанных за последние сто лет, мысль о том, что чем больше связей внутри мозга, тем лучше», — пишет У. Р. Эшби. Адаптивность системы, способность к обучению требует не только взаимосвязи, но и независимости компонентов системы, требует, чтобы степень развития связей между отдельными функционирующими частями лежала в определенных пределах.

Объективные законы адаптации должны были привести к тому, что содержание психики должно было дифференцироваться на относительно независимые части. Содержание психики должно было структурироваться в процессе его формирования. Одним из механизмов такой дифференциации выступает уже сам механизм памяти, разнесенный по регистрам (кратковременная, оперативная, долговременная) и по анализаторам.

4.2. Целостность внутреннего мира — голографическая гипотеза (по К. Прибраму)

Определенные основания для утверждения целостности внутреннего мира дает голографическая гипотеза К. Прибрама (1975). Изучая языки мозга, Прибрам высказал предположение, что существуют голографические механизмы, обеспечивающие «способность к распределению и сохранению большого количества информации» (Прибрам, 1975, с. 161–162). «Любая малая часть голограммы содержит информацию о всем объекте-оригинале (там же, с. 170), что делает возможным работу с целостным образом предмета или события. Запускающим моментом этого процесса выступает мотивация или переживание, связанные с образом или событием. По этому поводу К. Прибрам пишет, что запускающим фактором могут служить не только зрительные стимулы, но и условия подкрепления и «намерения» осуществить тот или иной тип ответа (там же, с. 174). В качестве примера голографической работы восприятия и памяти Прибрам останавливается на способности к мгновенному узнаванию знакомого человека в толпе других людей. При этом Прибрам отмечает, что «после узнавания данного лица быстро воспроизводится значительное количество информации, которой мы о нем располагаем» (там же, с. 178). Здесь уже работа продолжается по функциональному принципу (С.Л. Рубинштейн). Конкретное лицо не только

узнается, но по нему из памяти извлекается вся информация, которая может быть использована в общении. Информация по данному лицу становится достоянием сознания.

4.3. Структура душевной жизни (по З. Фрейду и К. Юнгу)

Рассматривая структуру душевной жизни, З. Фрейд выделил в ней три подструктуры. Оно (Es), самая глубинная подструктура, связанная с мотивацией, прежде всего с сексуальными и агрессивными влечениями. Содержание данной подструктуры не осознается. В своем проявлении данная подструктура руководствуется принципом удовольствия, находится в конфликтных отношениях с Я и сверх-Я. Я (Ich) – подструктура душевной жизни, отвечающая за восприятие внешнего мира и приспособление к нему, Она стремится согласовать между собой стремление Оно (мотивации), реальные возможности и требования морали. Сверх-Я, подчиняется принципу реальности. Содержание данной подструктуры частично осознается. Сверх-Я (Uber-Ich) – высшая инстанция в структуре душевной жизни, она выполняет роль внутреннего цензора, совести; содержание Сверх-Я определяется моральными нормами. Относящиеся к Сверх-Я представления могут быть как осознанно-предсознательными, так и бессознательными. В своем учении Фрейд выделял в структуре психики сознательное и бессознательное, и такое деление считал основной предпосылкой психоанализа. Часть из того, что субъект отражает на уровне сознания в данный момент, может стать бессознательным, а при определенных обстоятельствах вновь стать сознательным. Бессознательное в данном случае является латентным, оно в любой момент может стать сознательным. Латентное бессознательное Фрейд назвал предсознательным. Но в ряде случаев содержание бессознательного не становится сознательным, потому что этому противодействует определенная сила (действие Сверх-Я). Состояние, в котором в этом случае находится бессознательное до его осознания, Фрейд назвал вытеснением, а термин «бессознательное» отнесил только к вытесненному динамическому бессознательному.

Таким образом, писал Фрейд, мы можем обходиться тремя терминами: сознательное, подсознательное и бессознательное, «если только не станем упускать из виду, что в описательном смысле существуют два вида бессознательного, в динамическом же только од-

но. В некоторых случаях, когда изложение преследует особые цели, этим различием можно пренебречь, в других же случаях оно, конечно, совершенно необходимо» (Фрейд, 1989, с. 427).

Важно отметить, что в теоретических воззрениях З. Фрейда выделяется топографическая и структурная модели психики. В топографической модели он выделяет пространство бессознательного, сознательного и вытесненного бессознательного. Для описания этой модели Фрейд выбрал пространственную метафору. «Он приравнял систему бессознательного к большому тамбуру, в котором роятся душевные побуждения. К этому тамбуру примыкает вторая, более узкая часть, разновидность салона, в котором пребывает сознание. На пороге между двумя этими пространствами Фрейд видел сторожа, в обязанности которого входит рассмотрение отдельных побуждений души. Он отбирает и не допускает в салон те из них, которые вызвали неудовольствие» (Хайгл-Эверс и др., 2001, с. 44).

Вторая модель дает нам структуру психики, включающую уже упоминавшиеся Оно, Я и Сверх-Я. При этом важно подчеркнуть, что структурные компоненты подвижны в отношении элементов пространственной модели, границы между Я и Оно менее жестки, чем та, которая разделяет бессознательное и подсознательное/сознательное. Отдельные компоненты Я и даже Сверх-Я могут быть осознанными/подсознательными, так и бессознательными.

Интересны представления о структуре души К. Юнга. Он различает «три ступени души: 1) *сознание*; 2) *личное бессознательное*, состоящее прежде всего из всех тех содержаний, которые стали бессознательными, либо в силу того, что они потеряли свою интенсивность и поэтому оказались забытыми, либо же потому, что от них отстранилось сознание (так называемое вытеснение); кроме того, сюда можно включить те содержания, отчасти перцепции, которые из-за слишком малой интенсивности никогда не достигали сознания и все же каким-то образом проникли в психику; 3) *коллективное бессознательное*, являющееся вотчиной возможных представлений, но не индивидуальной, а общечеловеческой и даже общеживотной и представляющее собой фундамент индивидуальной психики» (Юнг, 1993, с. 125).

В своей теории архетипов Юнг, вводя понятие коллективно-бессознательного (бессознательного, несущего опыт предков, формировавшийся не одно поколение — коллектива) подчеркивает, что «читатель не должен опасаться, что я буду говорить ему об *унасле-*

дованных представлениях (курсив мой. — *В. Ш.*). Я далек от этой мысли. Автономные содержания бессознательного или доминанты бессознательного... — это *не врожденные представления*, а врожденные возможности, даже необходимости, направленные на воссоздание тех представлений, которые с давних пор выражались через доминанты бессознательного (там же, с. 235). Разъясняя свое положение, К. Юнг писал: «Человек рождается с мозгом, который является результатом развития в бесконечно длинном ряду предков. Этот мозг получает свое полное дифференцированное завершение в каждом эмбрионе, и если он начинает выполнять свою функцию, то непременно появляются результаты, которые бесчисленное множество раз до него уже продуцировались в ряду предков... Следовательно, все те факторы, которые были существенны для наших близких и далеких предков в силу их соответствия унаследованной органической системе, будут существенны так же и для нас. Они являются даже необходимостями, которые будут заявлять о себе в виде потребностей» (там же, с. 234–235). И далее: «Поскольку коллективное бессознательное является осадком явлений мира, который в конечном счете выражается в структуре мозга и симпатической нервной системе, то в своей совокупности это означает нечто вроде не имеющего времени, так сказать, вечного образа времени, противостоящего нашей сиюминутной сознательной картине мира.

Коллективное бессознательное, не имеющее временных пределов, несет в себе приспособительные реакции прошлого. Оно состоит «из чего-то вроде мифологических мотивов или образов; поэтому мифы народов являются непосредственным проявлением коллективного бессознательного... Описанные ситуации, будь то физическая опасность или угроза душе, вызывают аффективные фантазии, а поскольку такие ситуации типичны, то в результате этого образуются и одинаковые архетипы» (там же, с. 129), — которые Юнг обозначил как мифологические мотивы. Бессознательное как совокупность архетипов является осадком всего, что пережило человечество вплоть до самых своих истоков, живой системой реакций и диспозиций, которая невидимым, а потому и действенным образом определяет индивидуальную жизнь.

Коллективное бессознательное является огромным духовным наследием, возрождаемым в каждой индивидуальной структуре мозга. Бессознательное содержит источник сил, приводящих душу в движение, а формы или категории, которые все это регулируют, — ар-

хетипы. Все самые модные идеи; религиозные, научные, философские, моральные — сводимы к архетипам.

Работая в сфере психотерапевтической практики, Фрейд и его последователи сосредоточили свои усилия на вытесненном бессознательном, и в этом отношении в области психоанализа накоплен огромный материал, представляющий большой интерес. Однако в реальной жизни психика нормального (не больного) индивида функционирует в пространстве сознательного-бессознательного (предсознательного) без доминирования вытеснения. При этом роль бессознательного в реальной внутренней жизни не снижается, значение бессознательного огромно, бессознательное выступает подструктурой реальной психической жизни и не только в сфере мотивации. Ярким примером этому может служить процесс освоения действия, всесторонне и глубоко проанализированный Н.А. Бернштейном (Бернштейн, 1997).

4.4. Структура внутреннего мира (по Н.А. Бернштейну)

Изучая подвижность кинематических цепей человеческого тела, Н.А. Бернштейн показал, что освоение любого движения связано с ограничением числа степеней свободы этих цепей, количество которых исчисляется десятками. Так, например, подвижность запястья относительно лопатки имеет 7 степеней свободы, а кончика пальца относительно грудной клетки — 16 степеней. Преодоление избыточных степеней свободы движущегося органа, координация движений решается по принципу сенсорных коррекций, осуществляемых совместно самыми различными системами афферентаций и протекающих по основной структурной формуле рефлекторного кольца. Каждая двигательная задача находит себе в зависимости от своего содержания и смысловой структуры тот или иной уровень регуляции. Бернштейн выделил пять уровней построения движений: А — уровень палеокинетических регуляций, он же рубро-спинальный уровень центральной нервной системы; В — уровень синергий, он же таламопаллидарный; С — уровень пространственного поля, он же пирамидно-стриальный; Д — уровень действий (предметных действий, смысловых цепей), он же теменно-премоторный; Е — группа высших кортикальных уровней символических координации (письма, речи и т. п.).

Уровень А – наиболее древний, составляет палеокинетическую систему и регулирует сокращения гладкой мускулатуры внутренних органов, обеспечивает мышечный тонус. Патологические нарушения в работе рубро-спинального уровня проявляется прежде всего в расстройствах по линии тонуса-дистониях, в тяжелых случаях она может давать явления резкой общей гипертонии, катаlepsии, «восковой гибкости». Дрожательный паралич Parkinson есть целая сводка ряда нарушений в описанном уровне. Характерным проявлением дисфункций уровня А являются треморы.

Уровень В – уровень синергии, отвечает за регулировку локомоторной функции, за движение собственного тела, отвечает за координацию движений во времени, объединяет все движения в общем ритме, обеспечивает стереотипность движений. Данный уровень отвечает за движения выразительной мимики, пантомимы и пластики, за эмоциональные движения лица, конечностей и всего тела. На уровне В протекают движения вольной бесснарядной гимнастики – наклоны корпуса, изгибы, откидывания тела, разнообразные пластико-ритмические движения. Очень существенна роль синергии таламо-паллидарного уровня в автоматизации двигательных навыков.

В паталогических случаях выпадение уровня В дает симптомокомплекс паркинсонизма, распадаются самостоятельные и фоновые двигательные отправления, развивается амимика, появляется скованность позы, скупость жестов, отсутствие выразительных движений, бледнеет в связи с этим и субъективная эмоциональная жизнь (отмеченные данные подтверждают теорию Джемса и Ланге о периферическом порождении эмоций). Наблюдается деавтоматизация ходьбы и предметных навыков.

Уровень С – уровень пространственного поля, отвечает за вариативность и пластичность движений. Ведущая афферентация этого уровня есть синтетичность пространственного поля, она синтезирует полусырой материал, получаемый от текущей афферентации и информации, хранящейся в памяти, в нерасчленяемый синтез «пространственного поля». «Пространственное поле уровня С не есть ни ощущение, ни их сумма. Пока оно формируется, в нем участвуют и зрительные ощущения, и глазодвигательные ощущения, связанные с аккомодацией и стереоскопическим зрением, и осязательные ощущения с их местными знаками, и проприоцепторика всего тела, возглавляемая вестибулярными ощущениями тяготения и ускорения и, несомненно, бесчисленные осколки с других рецепторных

систем. В нем возможны многочисленные компенсации и викарные взаимозамены... Когда это поле создается и выработалось, оно уже настолько абстрагируется от первичных рецептов, лежащих в его основе, что уловить в нем их следы становится невозможным самому пристальному самонаблюдению» (Бернштейн, 1997, с. 113).

Пространственное поле гомогенно и аperiодично, т. е. однородно во всех своих частях и не содержит в себе никаких элементов чередования или циклической неповторяемости. Оно обладает свойствами метричности и геометричности, включает в себя оценку протяженностей, размеров и форм; заполнено объектами, имеющими размеры, форму, массу; характеризуется силами, действующими между этими объектами, т. е. характеризуется определенной физикой.

Уровень С отвечает за точность и вариативность движений, за всевозможные локомоции, нелокомоторные движения всего тела в пространстве (гимнастические и акробатические упражнения), перемещение вещей в пространстве, движения прицеливания, подражающие и копирующие движения, сложные смысловые действия с предметом и орудием.

В патологических случаях расстройств функций на уровне С наблюдаются различного рода дистаксии и атаксии, которые в просторечии принято называть «нарушениями координации».

Уровень Д целиком кортикален и составляет почти исключительную принадлежность человеку. Ведущей афферентацией данного уровня является предмет, а ведущим мотивом — смысловая сторона действия с предметом. Смысловая структура двигательного акта определяется содержанием возникшей задачи. Движения в уровне предметного действия представляют собой смысловые акты, т. е. не столько движения, сколько уже смысловые поступки, определяемые смыслом поставленной задачи.

В патологических случаях не выпадают никакие движения из нижележащих уровней, не выпадает и возможность произвольных движений, теряется возможность управления ими. Патологии на уровне Д объединяются под общим названием *апраксий*. При апрактическом нарушении страдает не координация двигательного акта, а его реализация. При наличии полного понимания сути и смысла возникшей двигательной задачи утрачивается тот мостик, который ведет от восприятия задачи к ее двигательному решению. Субъекту покорны руки-ноги, но он ничего не может сделать с их помощью. Субъект теряет способность к приобретению умений и навыков. Правильно

осмысля задачу, практик заблуждается и относительно своего неуспеха в ее решении: как правило, он не доволен собой, отличаясь от душевнобольных, утративших критическую оценку своих действий.

Уровень E – это уровень целостного предметного действия или цепь таких действий, протекающих автоматизированно и бессознательно и проводящих при этом к смысловому результату, возвышающемуся над возможностями самого предметного уровня. Прежде всего к ним следует отнести движение *речи и письма*, а также музыкального исполнения.

Уровень E имеет свои патологические проявления. Прежде всего это различные асемические расстройства: афазии, алексии, асимболия, амузия и т. д., другими словами, утрата смысловой речи, чтения, запаса слов, способности к музыкальному восприятию и т. д. Все эти выпадения объединяются одним общим принципом: потеря в той или иной области смысловых мотивов. Второй класс выпадений на уровне E характеризуется утерей связей между сделанным и тем, что предстоит сделать, распадом соответствия между ситуацией и действием.

В заключение приведем следующий вывод, обобщающий исследование по построению движений, сделанный Н. А. Бернштейном: «Ни одно движение (может быть, за редчайшим исключением) не обслуживается по всем его координационным деталям одним только ведущим уровнем построения... В начале формирования нового индивидуального двигательного навыка действительно почти все коррекции суррогатно ведутся ведущим уровнем-инициатором, но вскоре положение изменяется. Каждая из технических сторон и деталей выполняемого сложного движения рано или поздно находит для себя среди нижележащих уровней такой, афферентации которого наиболее адекватны этой детали по качествам обеспечиваемых ими сенсорных коррекций. Таким образом, постепенно в результате ряда последовательных переключений и скачков образуется многоуровневая постройка, возглавляется ведущим уровнем, адекватным смысловой структуре двигательного акта и реализующим только самые основные, решающие в смысловом отношении коррекции» (там же, с. 54).

Результаты исследований И. А. Бернштейна позволяют сделать важные для нас выводы: во-первых, на примере построения движений видно, что в норме его регуляция осуществляется на нескольких уровнях одновременно; во-вторых, только ведущий уровень регуля-

ции осознается; в-третьих, выпадение отдельных уровней построения движений ведет к различного рода патологиям. Так как действия входят в большинство поведенческих актов, то можно утверждать, что и управление поведением строится на нескольких уровнях одновременно и только ведущий уровень осознается. А так как внутренний мир формируется в действии и поступках, то и о нем можно сказать, что он представлен на различных уровнях, из которых субъектом отражается только ведущий для текущего действия или поведения. Выпадение отдельных уровней внутреннего мира должно приводить к различным аномалиям в поведении и деятельности.

4.5. Структура внутреннего мира (по М. С. Роговину)

Приведенные выше экспериментальные и клинические данные позволяют рассматривать внутренний мир с позиций структурно-уровневого подхода*. С одной стороны его структура отражает функциональную психологическую систему поведения и деятельности и включает компоненты, характеризующие эту систему, с другой стороны, внутренний мир можно охарактеризовать, выделяя в нем определенные уровни. При этом уровневая характеристика может относиться к функциональным физиологическим структурам, реализующим определенные психические функции и связанные с переработкой определенных потоков информации, или к уровням осознания своего внутреннего мира (уровни бессознательного, предсознательного и сознательного). В последнем случае речь будет идти о содержательном наполнении каждого из них и об отношениях между уровнями психики. В предложенном структурно-уровневом подходе описания внутреннего мира «понятия структуры и уровней образуют некую имплицитную „сетку координат“, более или менее явно присутствующую при объяснении того или иного конкретного психологического факта» (Роговин, 1977, с. 8).

4.6. Роль понимания в оформлении содержания психики

Важную роль в формировании целостного содержания мира внутренней жизни играют процессы понимания воспринимаемого внешнего

* Подход мы рассматриваем как способ объяснения.

мира. В процессах понимания достигается установление личностного смысла воспринимаемого, что делает воспринятое частью личного сознания. В процессах понимания открывается полезность тех или иных свойств предметного мира для жизнедеятельности субъекта. В процессах понимания функционально значимые мысли объединяются на основе входящих в них потребностей и переживаний. Таким образом, формируется внутренний мир, объединяемый, тесно связанный с потребностями и эмоциями субъекта. Понимание, отраженное в мыслях, представляет собой живое знание, наделенное личностным смыслом. Понимание в потоке сознания связывает текущие мысли с содержанием психики в целом или с отдельными значимыми фреймами. Через понимание воспринимаемые образы включаются в содержание психики не механически, а через связи с основными компонентами субстанции мыслей: информационными, мотивационными, эмоциональными (Шадриков, 2021).

Особую роль понимание играет в осознании содержания психики. Если учесть, что понимание реализуется тремя моделями (там же): понимание через установление личностного смысла, понимание через раскрытие функциональной значимости и понимание через установление логических связей с прежним опытом, то становится ясным связь понимания с осознанием: *что понимается, то и осознается.*

* * *

Рассмотренное многообразие в подходах к описанию структуры внутреннего мира (души человека) отражает различные точки зрения авторов этих подходов, что, в свою очередь, является следствием отсутствия общепризнанной гипотезы по данной проблеме. По своей структуре и закономерностям функционирования душа действительно очень сложна и мало изучена. Зарождение души связано с актом оплодотворения яйцеклетки, в процессе которого генотип мужчины соединяется с генотипом женщины. Но что стоит за этими словами с точки зрения психологии?

В акте *зарождения* малыша происходит объединение филогенеза вида, воплощенного в матери и отце, объединение процесса исторического развития рода, зафиксированного в определенных биологических структурах. Здесь уместно вспомнить К. Юнга с его теорией архетипов: наследуется биологическая структура, но как только она начинает функционировать, то «непременно появляются результа-

ты, которые бесчисленное множество раз до этого уже провоцировались в ряду предков» (Юнг, 1993, с. 235). Таким образом, пишет Юнг, «человек рождается со сложной духовной предрасположенностью, которая не есть *tabula rasa*. Даже для самой дерзкой фантазии духовной наследственностью очерчены определенные границы, а сквозь вуаль самой необузданной фантастики мерцают доминанты, с древних времен присущие человеческому духу» (там же). Содержание личного сознания человек приобретает индивидуально, в процессе своей жизни.

Таким образом, в акте зарождения малыша соединяются информационные предрасположенности родителей, которые проявляются в процессе индивидуального развития и воплощаются в личном сознании. Закономерности этого процесса еще ждут своего исследователя, и только в результате изучения генезиса души может быть раскрыта ее структура.

4.7. Проявление внутреннего мира

4.7.1. Мир внутренней жизни в воспоминаниях, воображения, мечтах

В различные моменты жизни нам необходимо что-то вспомнить. Задача эта оказывается непростой, мы практически не можем управлять процессом воспоминания прошлого опыта, но реально это делаем. Воспоминания — это один из первичных процессов мира внутренней жизни. Вспоминаются всегда *мысли и переживания*, которые мы испытывали в определенные моменты своей реальной жизни. В процессах воспоминания нам предстоит их извлечь из памяти. Осуществляется это через включение их в текущую реальную жизнь, которая отражается субъектом через текущие мысли, переживания и мотивацию. Можно предположить, что созвучие мотивации и переживаний и является механизмом воспроизведения необходимых нам мыслей. Одновременно можно предположить, что постоянное обращение к прошлому опыту в повседневной жизни в процессах воспоминания составляет одну из сторон мира внутренней жизни, в которой происходит структурирование содержания психики и формирование механизмов, позволяющих воспользоваться субъекту своим опытом. Воспоминания оформляют опыт человека, по-

этому чем интенсивнее реальная жизнь, тем чаще человек обращается к своему прошлому и, как следствие, повышает структурность своего опыта и формирует механизмы его воспроизведения в нужный момент текущей жизни. Рекомендация: чаще обращаетесь к воспоминаниям из своей жизни, но не заикливайтесь на них.

Рассматривая функцию воображения (раздел 2.3), мы отметили, что она заключается в *целеполагании*, итогом которого является формирование функционального образа. Воображение дает нам образ-субстанцию мыслей в оригинальном сочетании. Воображение предстает как творческий акт, реализуемый мышлением, которое работает с мыслями.

В процессах воображения в яркой форме проявляется внутренняя интеллектуальная жизнь человека. В воображении, в мире собственных мыслей, субъект имеет возможность отклониться от действительности. Но вместе с тем с учетом того, что мысль всегда предметна, воображение связано с действительностью. Но главное, что следует подчеркнуть, процессы воображения могут целиком проходить во внутреннем мире человека. Механизмом воображения выступает мышление, работающее с мыслями. Процессам воображения, отмечает В. Г. Кудрявцева, отводится главная роль в порождении и структурировании образа мира (БПС, 2003, с. 82).

Особую форму воображения образует мечта. «Она обращена к сфере более или менее отдаленного будущего и не предполагает немедленного достижения реального результата, а также его полного совпадения с образом желаемого. Вместе с тем мечта может стать сильным мотивирующим фактором творческого поиска» (там же).

Важно подчеркнуть, что, как и в воображении, в мечтах человек работает с мыслями, и в мечтах он еще более, чем в воображении, отходит от действительности. Но в мечтах проявляется сущность глубины мотивации человека.

Таким образом, мы видим, что наша жизнь со стороны ее внутреннего мира, проявляется в воспоминаниях, воображении и мечтах. Они могут быть включены в общение, поведение и деятельность, но могут выступать и как самостоятельные фрагменты мира внутренней жизни. Важно отметить, что в этих формах наша внутренняя жизнь не только протекает, но и развивается. В этих же процессах формируется и развивается структура внутреннего мира, содержание психики, возможности осознания и использования в деятельности нашего опыта.

4.7.2. Проявление внутреннего мира в общении

В диалоге субъекты общения передают свои мысли друг другу. При этом каждый из них:

- должен высказать свои мысли;
- убедиться, что эти мысли поняты собеседником в том же смысле, что он имел в виду;
- убедиться, что собеседник принял эти мысли или не принял.

Диалог разворачивается в форме идеальной «игры» мыслями. Каждый из собеседников в диалоге реализует свои цели. Условием успешного диалога является отсутствие склонности к идеологизированному мышлению хотя бы у одного из участников диалога (Ясперс, 1994).

Здесь мы сталкиваемся с проблемой множественности истин. Одна из задач, которая стоит перед образованием, заключается в том, чтобы воспитание формировало личность с неидеологизированным мышлением, т. е. личность, конструктивно мыслящую, допускающую множественность истин и считающую множественность истин естественным явлением, личность, которая уважает позицию другого, которая занимается критикой с целью выяснения истины по типу поиска истины Сократом. Именно в этом, по всей вероятности, и заключается главная задача, смена педагогической парадигмы – воспитать неидеологизированное мышление, терпимое, нравственное, стремящееся к раскрытию истины. Идеологизированное мышление не стремится к познанию истины, оно стремится к упрощению, к лозунгам, которые все объясняют, выступая в роли универсальных теорий. Субъект с идеологизированным мышлением живет по принципу «кто не с нами – тот против нас».

Множественность истин особенно ярко проявляется в гуманитарных областях и мировоззренческих дисциплинах. Непременным условием неидеологизированного мышления является свобода субъекта общения. Однако это не означает свободу от моральных и этических норм, свободу незнания, а подразумевает свободу проявления индивидуальности в оценках и суждениях, свободу, сочетающуюся с ответственностью.

В общении в полной мере проявляется идеальная сторона нашей психической жизни, субстанциональная сущность психики, когда душа живет в единстве с телом и относительно независима от внеш-

него мира, сама себя рефлексивует, проявляется как сущность субъекта, причина поведения которого, в нем самом, в содержании его психики. Именно эта сущность является предметом психологии.

Содержание психики в единстве с телом определяет наше стремление, поступки, поведение, наши достижения и неудачи. В душе как субстанции мыслей сокрыты наши способности.

Разобрав психику на части — отдельные познавательные процессы, потребности и чувства, свойства личности, волевые действия и навыки, мы ушли от живого человека, от понимания, что все это является свойствами того единого, что мы называем индивидуальность. Возможно, это было необходимо на определенном этапе развития психологии.

Но мы уже показали (глава II), что разделение познавательных процессов на ощущение, восприятие, память, воображение и др. уводит нас от понимания единства мысли, которая представлена в этих процессах, уводит от понимания сущности индивидуального сознания со всеми вытекающими последствиями. И точно так же мы оторвали способности от познавательных процессов, от психических функций, реализующих процесс познания и от функциональных физиологических систем, реализующих отдельные психические функции, свойством которых являются природные способности.

Таким образом, мы видим, что психика, представленная в идеальной форме как субстанция мыслей, проявляется в общении и деятельности, прежде всего через способности — когнитивные, мотивационные и эмоциональные.

4.7.3. Проявление внутреннего мира в деятельности

Чтобы ответить на вопрос о том, как проявляется внутренний мир в деятельности человека, надо вначале ответить на вопрос «Что изучает психология в индивидуальной деятельности?». Отвечая на этот вопрос, Б. Ф. Ломов писал: «Что же все таки исследуется психологией в индивидуальной деятельности? Не предмет, не средства, не условия, не продукт. Тогда что же? Говоря очень кратко, объектом ее анализа является индивид как *субъект деятельности*. Предмет, средства, условия и продукт деятельности интересуют ее лишь постольку, поскольку позволяют понять характеристики субъекта деятельности. Но субъект деятельности (в том числе и индивидуальный) изучается не только психологией. А что же интересуется психологию?..

Выполняя ту или иную деятельность, индивид должен воспринимать, запоминать, думать, быть внимательным; в деятельности у него возникают те или иные эмоции, формируются и проявляются волевые качества, установки, отношения и т. д. Такая деятельность, при выполнении которой человек не воспринимает, не мыслит, не переживает, — такая деятельность просто не может существовать. Если у индивида нет побуждающих к деятельности мотивов, если он не имеет цели, если он не воспринимает тех предметов (или их моделей), с которыми и при помощи которых он действует, если он не помнит, что и как надо делать, то деятельность не состоится, хотя бы и были налицо и предмет, и средства, и все необходимые условия. Короче говоря, в деятельности формируется, разворачивается, проявляется так или иначе вся система процессов, состояний и свойств, которые и принято обозначать как психические» (Ломов, 1984, с. 204).

Близкие к этому мысли высказывает К. А. Абульханова, рассматривая личность как субъекта деятельности (Абульханова-Славская, 1991).

И если обратиться к функциональной психологической системе деятельности (Шадриков, 2013), то прежде всего идеальные компоненты деятельности, воплощенные в мыслях и образах, будут представлены в цели деятельности. Далее, в мыслях и образах будут представлены такие компоненты деятельности, как информационная основа деятельности, процессы принятия решений, программа деятельности и контроль исполнения.

Таким образом, если говорить о представленности деятельности во внутреннем мире, то можно с уверенностью утверждать, что любая деятельность на уровне психологического анализа выступает как идеальная система, состоящая из мыслей, образов, представлений и операций мышления, работающих с мыслями. Особое место в деятельности занимают способности человека.

Если деятельность, в целом описывается функциональной психологической системой (Шадриков, 2013) (рисунок 2), то в процессе конкретизации отдельных блоков системы мы обнаруживаем, что для того, чтобы совершить конкретное действие, необходимо:

- воспринять ситуацию, в которой должно совершаться действие;
- извлечь из памяти информацию, относящуюся к действию: знания, планы и структуры поведения;

- вообразить, допустим, как это действие могло бы исполняться и др.;
- оценить весь комплекс информации, полученной субъектом деятельности;
- принять решение о совершении деятельности с учетом мотивации и нормативного образа деятельности, нормативных требований;
- сформировать программу выполнения действия;
- совершить необходимые исполнительные действия (интеллектуальные, сенсомоторные);
- сверить результат с представлением о цели;
- принять решение о завершении деятельности или корректировке программы (в последнем случае все повторяется).

За каждым из перечисленных психических действий стоят конкретные способности:

- восприятия,
- воображения,
- памяти,
- мышления,
- сенсомоторные способности.

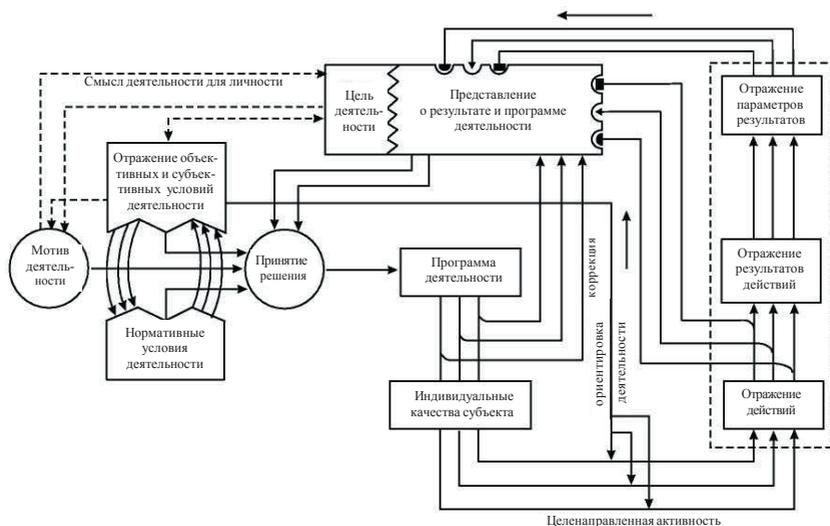

Рис. 2. Общая архитектура психологической системы деятельности

Обобщенная функциональная система деятельности на уровне способностей представлена на рисунке 3. Заметим, что способности не выступают «рядоположенно», они работают в режиме взаимодействия.

Способности выступают в качестве механизма реализации деятельности. Они вовлекаются в деятельность в соответствии с требованиями деятельности, при этом в деятельности они развиваются прежде всего за счет придания им черт оперативности. Общие способности достраиваются программами их использования в целях конкретной деятельности с учетом условий, в которых деятельность реализуется, и целей, которые необходимо достичь. Рассмотрим место способностей в структуре внутреннего мира.

Наши исследования (см. приложение 3) позволили обосновать следующее определение способностей. Способности есть свойства функциональных физиологических систем, реализующих отдельные психические функции, достроенные операционными механизмами (интеллектуальными операциями и способами их использования) и поставленные под контроль личностных качеств. Способности проявляются в успешности и качественном своеобразии освоения и реализации деятельности и имеют индивидуальную меру выраженности.

Свойства вещи, как известно, определяют вещь. В нашем случае свойства функциональных физиологических систем определяют психические функции. В частности, функциональная система зрения определяет функцию восприятия, свойством функциональной физиологической системы является способность порождать образ.

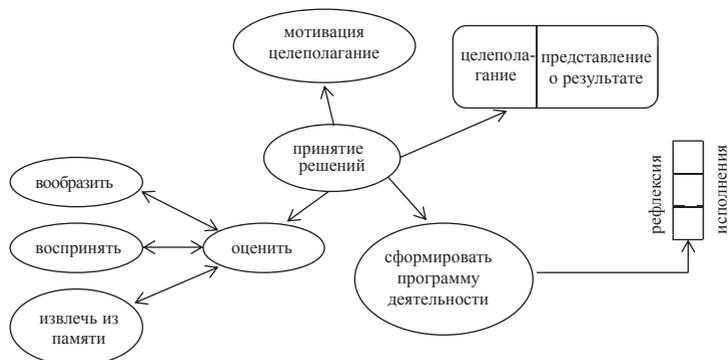

Рис. 3. Функциональная система деятельности на уровне способностей

Но образ состоит из мыслей, характеризующих образ. Таким образом, материальная функциональная система обладает свойством порождать идеальную сущность. И это идеальная сущность регулирует деятельность. Как идеальные сущности, как свойства функциональных систем (способности) входят в содержание души (в содержание психики). Из представленного подхода к пониманию способностей вытекает ряд следствий (4.7.4—4.7.8).

4.7.4. Способности врожденные и благоприобретенные

Предложенное понимание способностей позволяет, прежде всего, ответить на принципиальный вопрос: являются ли способности обусловленными природными факторами или они благоприобретенные в процессе жизнедеятельности человека? Согласно предложенной теории способности предопределены природой в той мере, в которой она определяет функциональные физиологические системы, свойством которых являются способности, и они являются благоприобретенными, когда мы их рассматриваем с позиции интеллектуальных операций и мотивационных качеств субъекта деятельности и личности. В процессе жизнедеятельности обе составляющие способностей выступают в единстве, развиваясь гетерохронно и неравномерно. Можно сказать, что способности имеют двойную детерминацию: природную и личностно-деятельностную. Это один из важнейших выводов из предложенной теории, который следует учитывать в педагогическом процессе, он раскрывает теоретическую основу процесса развития способностей, открывает перспективный взгляд на проблему одаренности и ее развития.

4.7.5. Способности и познавательные процессы

Определив способности как свойства функциональных систем, мы получили возможность связать способности с познавательными процессами, так как психические процессы относятся к тем же самым физиологическим системам и характеризуют процесс их функционирования. Как мы уже отмечали, ссылаясь на Л. М. Веккера, конечные характеристики психических процессов (процессов функционирования физиологических систем, реализующих отдельные психические функции) описываются в терминах свойств и отношений внешних объектов. Это описание позволяет перейти к харак-

теристике продуктивности психических функций, к способностям субъекта деятельности. Таким образом, способности и познавательные процессы выступают как две стороны одного и того же объекта — функциональных физиологических систем, реализующих конкретные психические функции.

Обозначенный подход ликвидирует теоретический разрыв между способностями и психическими процессами, который представлен практически во всех учебниках психологии, как отечественных, так и зарубежных. Он позволяет дать классификацию способностей на основе традиционного разделения познавательных процессов и обогатить характеристики способностей свойствами и качествами результатов познавательных процессов. Данная задача была реализована автором совместно с Н. П. Ансимовой (Шадриков, Ансимова, 1983). Ее результаты частично представлены ниже (подробнее см.: Шадриков, 1996).

Ощущение. В качестве показателя продуктивности ощущения можно использовать скорость отражения действующего раздражителя (в стандартных условиях). Как показатели качества выступают следующие характеристики: адекватность, правильность отражения отдельных свойств предметов и явлений (точностный показатель ощущения); его пространственная локализация, понимаемая как расположение раздражителя в пространстве; интенсивность как субъективная величина ощущения; дифференцированность — показатель различительной чувствительности. Устойчивость уровня чувствительности, т. е. длительность сохранения требуемых точностных и скоростных особенностей ощущения, является характеристикой его надежности.

Восприятие. В качестве показателя продуктивности восприятия используется количество объектов, отраженных (воспринятых) в единицу времени (объем восприятия), и минимальное время, необходимое для восприятия данного количества объектов (скорость восприятия). Точность восприятия — соответствие образа особенностям воспринимаемого объекта — будем рассматривать как качественный показатель этого психического процесса. Полнота, характеризующая один из аспектов точности — степень соответствия, не включена в число самостоятельных свойств продуктивности, а может использоваться как дополнительный показатель качества. Показателями надежности восприятия могут служить длительность восприятия с требуемой степенью точности и скорости, а также ве-

роятность адекватного восприятия объекта в заданных условиях и в течение заданного времени.

Память. Продуктивность памяти можно охарактеризовать количеством запомненного и воспроизведенного в единицу времени материала (объем памяти) и скоростью запоминания и воспроизведения данного количества объектов. Показателем качества памяти может служить точность, т. е. соответствие актуализированного образа запомненному объекту. В качестве показателей надежности этого процесса могут выступать прочность памяти как длительность сохранения материала с последующим его воспроизведением и вероятность быстрого и точного запоминания и воспроизведения.

Представление. В качестве показателей продуктивности представления выступают количество образов объектов, представленных в заданный интервал времени, и скорость возникновения заданного количества образов. Качественным показателем представления может служить точность как соответствие образа особенностям представляемого предмета. Показатели полноты, детальности и яркости, характеризующие отдельные аспекты представления, входят в число дополнительных. В качестве показателей надежности будем использовать длительность формирования образов с требуемой степенью точности и скорости, а также вероятность возникновения заданного числа образов в заданный интервал времени.

Воображение. Показателями продуктивности воображения могут служить число выполненных преобразований образов (число решенных образных задач) и скорость выполнения этих преобразований. Качество воображения будем характеризовать адекватностью выполненных преобразований заданным условиям. Как дополнительный показатель качества может использоваться яркость образов, возникающих в результате преобразований. Показателями надежности могут выступать длительность выполнения заданных преобразований образов (решения образных задач) и вероятность выполнения точных преобразований образов в заданный интервал времени в заданных условиях.

Мышление. В качестве показателей продуктивности мышления могут выступать количество решенных в единицу времени задач и скорость решения заданного числа задач. Темп мыслительной деятельности, касающийся одного из аспектов скорости решения задач, используем как дополнительный показатель. Качество мышления будем характеризовать правильностью решения поставленных за-

дач. Показателями надежности могут служить длительность правильного решения задач и вероятность правильного решения заданного числа задач в заданный интервал времени.

Внимание. Показателями продуктивности внимания будем считать скорость переключения внимания (минимальное время, необходимое для переключения внимания с одного объекта на другой или с одной деятельности на другую) и широту распределения внимания (количество объектов или видов деятельности, одновременно находящихся в зоне внимания). Как показатели качества выступают ошибки распределения и переключения внимания и интенсивность, т. е. степень сосредоточения внимания на объекте. В качестве показателя надежности внимания будем использовать длительность концентрации внимания, понимаемую как вероятность безошибочного сосредоточения внимания в заданный интервал времени, и устойчивость внимания — длительность сосредоточения внимания на объекте.

Следует заметить, что, кроме рассмотренных выше, в число характеристик продуктивности воображения и мышления включен еще ряд показателей, определяющих качественную специфику, творческий характер данных психических процессов. В связи с этим они будут рассматриваться как специфические качественные показатели продуктивности мышления и воображения. К ним относятся новизна, оригинальность, тип и широта оперирования образами — для характеристики воображения; гибкость, экономичность, последовательность и критичность — для характеристики мышления. Перечень свойств продуктивности психических процессов, описанных выше, представлен в таблице 2.

4.7.6. Способности и переживания

Определив способности как свойства физиологических функциональных систем, реализующих психические функции, мы получаем критерий отнесения отдельных психических сущностей к способностям. Опираясь на данный критерий, мы можем поставить вопрос «Исчерпывают ли познавательные способности все виды способностей?». Очевидно, категории способностей мы можем отнести те психические явления, которые будут отвечать предложенному критерию. Есть ли такие явления? По крайней мере, существуют еще два вида способностей: это способности желать и хотеть и способности

Таблица 2
Свойства продуктивности психических процессов

Параметр продуктивности	Вид психического процесса						
	Ощущение	Восприятие	Память	Представление	Воображение	Мышление	Внимание
Производительность	Скорость отражения раздражителя	Количество воспринятых объектов (объем восприятия), минимальное время восприятия заданного числа объектов (скорость)	Количество запомненно-го и воспроизведенного материала (объем памяти), скорость запоминания и воспроизведения	Количество представленных объектов, скорость возникновения заданного количества образов	Число выполненных преобразований (число решенных задач), скорость выполнения преобразований образов	Количество решенных задач, скорость решения задач	Скорость включения, широта распределения
Качество	Адекватность отражения отдельных свойств объектов, странственная локализация, дифференцированность, интенсивность	Точность	Точность	Точность	Адекватность выполненных преобразований	Правильность	Ошибки распределения, ошибки включения, интенсивность

Вид психического процесса							
Параметр продуктивности	Ощущение	Восприятие	Память	Представление	Воображение	Мышление	Внимание
Надежность	Устойчивость уровня чувствительности	Длительность восприятия с требуемой скоростью и точностью, вероятность адекватного и быстрого восприятия объекта	Прочность, вероятность быстрого и точного запоминания и воспроизведения	Длительность формирования образов с требуемой степенью скоростью и точности, вероятность возникновения данного числообразов	Длительность решения образных задач (выполнения преобразований образов), вероятность выполнения точных преобразований в заданный интервал времени	Длительность правильного решения задач, вероятность быстрого и правильного решения задач	Длительность концентрации, устойчивость
Специфические качественные характеристики					Новизна, оригинальность	Гибкость, экономичность, последовательность	

переживать. Для каждого из указанных видов существуют определенные функциональные системы, реализующие данные психические функции (Судариков, 1980).

Таким образом, мы видим, что познавательные способности есть только один из классов способностей. Расширение понятия «способности» на мотивацию и эмоции дает возможность более полно увидеть систему психических явлений и определить значение категории способностей в системе других психологических категорий. Это дает также возможность перенести на мотивацию и эмоции методы, наработанные при изучении познавательных способностей.

Общая схема взаимодействия психических функций, способностей и личностных качеств представлена на рисунке 4. Функциональные физиологические системы являются генетически обусловленным базисом психической деятельности. Свойствами этих систем являются соответствующие способности: познавательные, мотивационные, эмоциональные. Устойчивое проявление соответствующих мотиваций, эмоциональных реакций становится личностными ка-

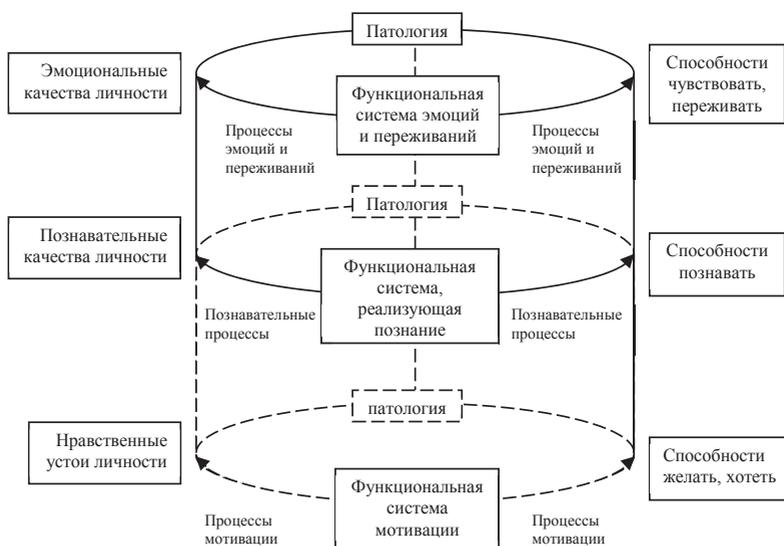

Рис. 4. Общая схема взаимодействий психических функций, способностей и личностных качеств

чествами. По этому поводу Рубинштейн писал, что «психические свойства — не изначальная данность; они формируются и развиваются в деятельности личности» (Рубинштейн, 1999, с. 513).

4.7.7. *Способности в структуре психики*

Понимание способностей как свойств функциональных систем, реализующих отдельные психические функции, позволяет указать место способностей в структуре психики. Как правило, при определении психики рассматриваются три ее аспекта: свойства высокоорганизованной материи мозга отражать объективный мир, субъективный образ объективного мира и переживания. Сравнивая определения психики и способностей, мы видим, что именно способности реализуют функцию отражения и преобразования действительности в практической и идеальной формах. Способности — одно из базовых качеств психики наряду содерзательной стороной, включающей знания об объективном мире переживания. Способности конкретизируют общее свойство мозга отражать объективный мир, относя его к отдельным психическим функциям. Одновременно способности характеризуют индивидуальную меру выраженности этого свойства, отнесенного к конкретной психической функции. Таким образом, способности находят свое место в структуре психики, конкретизируя общее понятие психики как свойства мозга отражать объективный мир, дифференцируя это свойство на конкретные психические функции, внося в него меру индивидуальной выраженности, придавая ему деятельностный характер, ибо мера индивидуальной выраженности способности проявляется в успешности и качественном своеобразии освоения и реализации отдельных психических функций. Способности имеют сложную структуру, отражающую системную организацию мозга, межфункциональные связи и деятельностный характер психических функций.

4.7.8. *Способности, умения и навыки, качества личности*

Обычно, когда речь заходит об умениях и навыках, на первый план выступает проблема соотношения *сознательности и автоматизма* в поведении человека — их полярности, взаимосвязи и взаимопереходов друг в друга. Качественная сторона проблемы отношений и взаимосвязей, а также структуры самих способностей, навыков и качеств

личности остается в тени. Наш подход к понятию «способности», когда последние рассматриваются на трех уровнях — природные способности, способности субъекта деятельности и способности личности (духовные способности) — позволяет выделить и качественные стороны взаимосвязи способностей, навыков и качеств личности. При этом будем помнить, что психические функции рассматриваются с позиций родовых форм деятельности и структуры способностей описываются психологической функциональной системой деятельности. При таком подходе способности действительно не сводятся к навыкам и умениям, как отмечал Теплов. Способности выступают в роли *внутренних средств* умений и навыков. При этом в процессе перерастания умения в навык происходит развитие способностей, реализующих функциональную систему умений.

С учетом представлений о духовных способностях как интегративном новообразовании, включающем ум и мораль, где действие ума опутано и контролируется моралью, личностные качества начинают входить в состав способности, а способности проникают в состав личностных качеств, обеспечивая их деятельный аспект. Качества же личности выступают как устойчивые мотивации и эмоциональные реакции. Таким образом, ум тесно связывается с мотивацией, нравственными устоями и с переживаниями личности. Обеспечивая успех в деятельности, способности закрепляют устойчивую мотивацию, породившую данную деятельность, и тем самым закрепляют устойчивые формы поведения, которые превращаются в черты характера.

На основе способностей развиваются интеллектуальные качества человека (дальновидный, здравомыслящий, изобретательный, любопытный, мудрый, одаренный, рассудительный и т. д.). Таким образом, качества личности и способности обуславливают друг друга и развиваются в едином процессе *системогенеза индивидуальности*.

* * *

Проведенный анализ позволяет включить способности в мир внутренней жизни, с одной стороны, они выступают в качестве механизма реализации деятельности, а, с другой стороны, рассматриваются как *свойства* функциональных систем, реализующих отдельные психические функции, тем самым они представляются как идеальные сущности, тесно связанные с материальным субстратом, индивидом, включенным в деятельность и общение.

Заключение

Заканчивая работу, мы обращаемся к эпиграфу и можем утверждать, что душа как величайшее существует. При этом душу мы понимаем как потребностно-эмоционально-информационную субстанцию. Душа живет в единстве с телом и относительно независима от внешнего мира. Душа-субстанция выступает как пребывающая сущность и ее проявления, как сущее, причина существования которого в нем самом, существующее как причина самого себя. Душа-субстанция выступает как устойчивое основание личности и одновременно как основание всех его изменений. Душа как субстанция не сводима к ее проявлениям (отдельным ощущениям, восприятиям, мыслям, чувствам, желаниям), она выступает как единое целое, обладающее системными качествами. Одновременно душа как субстанция не существует отдельно от своих проявлений, вне психических явлений. Выступая как единое целое, душа-субстанция одновременно проявляется как организованное целое, имеющее свою структуру.

Душа-субстанция детерминирует поведение человека и как следствие этого поведения может изменяться сама. Можно утверждать, что сама душа зависит от истории жизненного пути субъекта. Душа как идеальная сущность может оказывать влияние и управлять течением материальных процессов.

Проведенные исследования показывают, что в качестве основного элемента души выступает мысль человека. Структура мысли, как и структура души, включает три компонента: содержание, потребности и переживания. Мысль рождается субъектом жизнедеятельности из желаний и переживаний. Ум субъекта постоянно осмысливает ситуации, в которых он находится, через призму задач,

которые он решает. В этом процессе осмысления рождаются новые мысли. Способность порождать мысли – устанавливать отношения внутри потока сознания – будет определять интеллект человека.

Рассмотрение отношений мысли и слова показывает, что мысль предшествует слову, и выражение мысли в слове представляет собой творческий процесс, требующий больших усилий. В истории развития человека и человечества каждое открытие завершается словом. В слове заключается вся интеллектуальная история. Мысль, выраженная в слове, начинает самостоятельную жизнь, так как она становится достоянием других субъектов. Мысль, выраженная в слове, по выражению Л. С. Выготского, приобретает функцию внутреннего организатора нашего поведения. Обращение к мысли как исходному конструкту мира внутренней жизни позволяет понять отношение мысли и информации: мысль не только содержит определенную информацию, но и несет в себе мотивационную и эмоциональную составляющую. Мысль – это живая сущность, имеющая для человека определенный смысл. Внешний мир представлен в содержании психики в виде отдельных мыслей и смысловых моделей. Эти компоненты и составляют содержание индивидуальной психики и осознаваемой ее части – сознания. В сознании внешний мир представлен в информационных и смысловых моделях, которые пересекаются, но не тождественны.

Обращение к мысли как потребностно-эмоционально-информационной субстанции позволяет преодолеть существующую раздельность основных познавательных процессов, открывает перспективу нового понимания непрерывности мысли в индивидуальном познавательном процессе и ее сохранение и трансформацию при переходе от одного этапа познания к другому. Через мысль мы можем определить содержание образа, представления и воображения. Обращение к образу и представлению через их выражение в индивидуальных мыслях показывает их взаимосвязь и одновременно различия, обусловленные временем, ситуацией и задачами, решаемыми субъектом. Через мысль образы и представления также характеризуются как потребностно-эмоционально-информационные субстанции, и в такой форме они входят в содержание мира внутренней жизни.

Изоморфное отображение мыслей, образов, представлений и души как субстанциональных потребностно-эмоционально-информационных сущностей подтверждает правильность выбора мысли

как основной единицы анализа целого — души человека. Здесь следует вспомнить положение Л. С. Выготского о необходимости в психологическом анализе различать единицы целого и элементы целого. «Под единицей, — писал Выготский, — мы подразумеваем такой продукт анализа, который в отличие от элементов обладает всеми основными свойствами, присущими целому» (Выготский, 1982, с. 15). Мысль в качестве единицы анализа как раз и обладает основными свойствами, присущими душе.

Анализ отдельных психических функций показал особую роль памяти в организации мира внутренней жизни. В процессах ощущения, восприятия, представления человека формирует субъективное и функциональное представление о внешнем мире и о самом себе, и это представление сохраняется в памяти. Приметы внешнего мира в субъективном образе предстают многофункциональными и полиэмоциональными. В дальнейшем наше мышление работает с содержанием психики, воспроизводимым в сознании индивида. Можно предположить, что именно наличие этого регистра — «памяти» — и является условием появления сознания человека как субъекта своей активности.

Проведенное исследование показывает всю сложность проблемы структуры внутреннего мира (души человека). С одной стороны, в структуре души проявляются архетипы родителей индивида, с другой — жизненный путь человека как субъекта жизнедеятельности. В содержании личного сознания представлены информационные предрасположенности фенотипа (генетическая предрасположенность восприятия внешнего мира) и онтогенетическая составляющая личного опыта.

Особое место в структуре психики занимает проблема сознания.

С одной стороны, более или менее ясно разделение содержания психики на осознаваемое и неосознаваемое. Правда, не ясны реальные механизмы связи между сознанием и подсознанием. С другой стороны, определенную ясность в проблему осознания вносят работы по предметности восприятия (Л. М. Веккера и др.). Именно предметность психических процессов определяет осознанность и восприятие внешнего предметного мира. С третьей стороны, значительный вклад в осознание воспринимаемого вносят процессы *понимания* того, что воспринимается. И здесь мы находимся только в начале пути изучения сознания, несмотря на длительную историю его познания и понимания.

В заключение отметим, что психика, представленная в идеальной форме как субстанция мыслей, проявляется в общении и деятельности прежде всего через способности – когнитивные, мотивационные, эмоциональные. Сами способности при этом рассматриваются как свойства физиологических функциональных систем, реализующих конкретные психические функции. Способности в этом случае выступают как идеальные сущности, порождаемые материальными функциональными системами.

Представленные выводы мы рассматриваем как начало большой работы по научной разработке предмета психологии.

Conclusion

Finishing the work, we turn to the epigraph and can assert that the soul, as the greatest, exists. At the same time, we understand the soul as a need-emotional-informational substance. This soul lives in unity with the body and is relatively independent of the outside world.

The soul-substance appears as an abiding essence and its manifestations, as the heart of the matter, is the reason for its existence in itself, existing as the cause of itself. The soul-substance acts as a stable foundation of the personality and, at the same time, it acts as the basis of all his changes. The soul, as a substance, is not reduced to its manifestations (separate sensations, perceptions, thoughts, feelings, desires). It acts as a single whole having the systemic qualities. At the same time, the soul as a substance does not exist separately from its manifestations, outside of the psychic phenomena. Acting as a single whole, the soul-substance simultaneously manifests itself as an organized whole, which has its own structure.

The soul-substance determines the human behavior and, as a result of this behavior, can change itself. It can be said that that the soul itself depends on the history of the subject's life path. The soul, as an ideal incorporeity, can influence and control the flow of material processes.

The researches carried out show that the human thought acts as the main element of the soul. The structure of the thought, like the structure of the soul, includes three components: the content, the needs and the emotional experiences. The thought is born by the subject of the life activity from the desires and the emotional experiences. The subject's mind constantly comprehends the situations in which he is, through the prism of the tasks that he solves. In this process of the comprehension, new thoughts are born. The ability to generate the thoughts – to establish relationships

within the stream of consciousness – will determine a person’s intelligence.

Examination of the relationship between the thought and the word shows that the thought precedes the word, and the expression of the thought in the word is a creative process that requires great efforts. In the history of the development of the man and the mankind, each discovery ends with the word. The whole intellectual history is contained in the word. The thought expressed in the word begins an independent life, since it becomes the property of other subjects. The thought expressed in the word, according to L. S. Vygotsky, acquires the function of an internal organizer of our behavior. Turning to the thought as the initial construct of the inner life world, allows us to understand the relationship between the thought and the information: the thought not only contains certain information, but it also carries a motivational and emotional component. The thought is a living essence that has certain meaning for a person. The external world is presented in the content of the psyche in the form of separate thoughts and semantic models. These components make up the content of the individual psyche and its conscious part – the consciousness. In the consciousness, the external world is presented in the information and semantic models that intersect, but they are not identical.

The resort to the thought as the need-emotional-informational substance allows us to overcome the existing separation of the main cognitive processes, opens up the prospect of new understanding of the continuity of thought in the individual cognitive process and its preservation and transformation during the transition from one stage of cognition to another. We can present the content of the image, the representation and the imagination through the thought. The resort to the image and the representation through their expression in the individual thoughts shows their interconnection and at the same time the differences associated with time, a situation and tasks solved by the subject. The thought, the images and the representations are also characterized as the need-emotional-informational substances, and in this form they enter the content of the inner life world.

The isomorphic presentation of the thoughts, the images, the representations and the soul, as the substantial need-emotional-informational essences, confirms the correctness of the choice of the thought as the main unit of analysis of the integration (whole) – the human soul. Here we should recall the position of L. S. Vygotsky about the necessity to distinguish between the units of the whole and the elements of the whole in the psychological analysis. “By a unit, – wrote Vygotsky, – we mean a product of the ana-

lysis that, unlike the elements, possesses all the basic properties inherent in the whole” (Vygotsky, 1982, p. 15). The thought, as the unit of the analysis, just has the basic properties inherent in the soul.

The analysis of the individual mental functions showed the special role of memory in organizing the inner life world. In the processes of the sensation, the perception, the representation, a person forms a subjective and functional representation of the external world and of himself, and this representation is retained in memory. Signs of the external world in the subjective image appear to be multifunctional and poly-emotional. In the future, our thinking works with the content of the psyche, reproduced in the consciousness of the individual. It can be assumed that it is the presence of this register – “memory” that is the condition for the appearance of the human consciousness as a subject of his activity.

The research carried out shows the complexity of the problem of the structure of the inner world (the human soul). On the one hand, the archetypes of the individual’s parents are manifested in the structure of the soul, on the other, the life path of the person as a subject of the life-sustaining activity. The informational predispositions of the phenotype (the genetic predisposition to the perception of the external world) and the ontogenetic component of the personal experience are presented in the content of the personal consciousness.

The problem of the consciousness occupies a special place in the structure of the psychic setup.

On the one hand, the division of the psyche content into the conscious and the unconscious is more or less clear. It is true that the real mechanisms of the communication between the consciousness and the sub-consciousness are not clear. On the other hand, the works on the objectness of the perception bring some certain clarity to the problem of the consciousness (L. M. Vekker et al). It is the objectness of mental processes that determines the consciousness and the perception of the external objective world. On the third hand, the processes of understanding what is perceived make a significant contribution to the consciousness of the perceived one. And here we are only at the beginning of the path of studying the consciousness, despite the long history of its knowledge and understanding.

In conclusion we note that the psyche, presented in an ideal form as the substance of the thoughts, manifests itself in the communication and activity, primarily through the abilities – the cognitive, motivational, emotional ones. Along with this in this case the abilities themselves are considered as the properties of the physiological functional systems that implement the spe-

cific mental functions. The abilities in this case act as ideal essences generated by the material functional systems.

We consider the findings from the research presented in the conclusion as the beginning of large work on the scientific development of the subject of psychology.

Translated by Oleg Ilin
Senior teacher
of Moscow State Pedagogical University

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Индивидуальные различия в мыслетворчестве

Еще Аристотель писал, что «мысль» занимает центральное место в представлении о сущности человека. Все добродетели души, утверждал Аристотель, «относятся или к нраву, или к мысли». На протяжении последующих двух тысячелетий лучшие умы человечества постоянно обращались к вопросу о сущности мысли. Достаточно полный анализ по этому вопросу содержится в работе В. П. Зинченко «Опыт думания о думании» (Василюк и др., 2012). Но постепенно эта проблематика ушла из психологии. И даже мышление стало рассматриваться в отрыве от мысли.

Накопленные за последние полвека экспериментальные и эмпирические данные позволяют поставить вопрос о необходимости изучения человеческой мысли в различных аспектах, начиная с ее определения и структуры. В подтверждение сказанному приведем оценку динамики интересов в психологии, данную Р.Л. Аткинсон с соавт.: «В целом можно сказать, что в течение прошедшего столетия точка, находящаяся в центре внимания, совершила полный круг. Отвергнув опыт сознания в качестве предмета психологии как мало-пригодный для научного анализа и обратившись к изучению внешних наблюдаемых форм поведения, психология снова вернулась к построению теорий, касающихся скрытых аспектов разума, на этот раз обладая более совершенными инструментами научного исследования» (Аткинсон и др., 2003, с. 32). Можно с уверенностью сказать, что эта же судьба относится и к мысли как предмету исследования.

* Шадриков В. Д., Мушин А. Б. Индивидуальные различия в мыслетворчестве // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2015. Т. 12. № 1. С. 145–157.

Забытая вместе с психологией сознания мысль вновь должна стать одним из важнейших предметов изучения в психологии.

Теоретические предпосылки исследования

В дальнейшей работе мы будем придерживаться следующей авторской трактовки мысли и образа (Шадриков, 2013а, б). Под предметной мыслью будем понимать связь вещи и ее признака (свойства), устанавливаемую субъектом. Мысль рождает мыслящий человек, поэтому она всегда носит субъективный характер. Этот процесс субъективации идет по трем направлениям:

- в мысли опредмечивается потребность мыслящего субъекта;
- мысль «оборачивается» в нравственные устои субъекта;
- происходит социокультурная и ситуативная субъективация мысли.

В силу сказанного структура мысли включает три компонента: содержание, потребности (мотивы) и переживания. В единстве этих трех компонентов мысль выступает как живое знание, как потребностно-эмоционально-содержательная субстанция.

Что же представляет собой образ с этих позиций? В категориальном аппарате психологии образ предстает как результат восприятия вещи. *В ощущениях и восприятии образ вещи выступает в единстве с признаками (качествами) вещи.* Это ключевой момент. Образ без признаков превращается в фантом. *Единство образа и его признаков выражается в мыслях.* Восприятие вещи – это одновременно и порождение мыслей, позволяющее выделить вещь среди других вещей и наделить ее определенным функциональным содержанием.

Таким образом, содержанием образов, возникающих в результате восприятия предметов внешнего мира, в основе которого лежит *взаимодействие* субъекта с объектом (по А. Н. Леонтьеву), являются мысли – свойства этих предметов. Образ предстает как системное образование предметных мыслей.

На уровне психологического анализа образ предмета есть совокупность мыслей-свойств, объединенных в единое целое (предметность и целостность), которое характеризуется определенным постоянством, обобщенностью и осмысленностью. И если мысль мы опреде-

лили как потребностно-эмоционально-содержательную субстанцию, то образ целесообразно рассматривать как образ-субстанцию. А это значит, что образ-субстанция будет выступать как устойчивая совокупность мыслей, как прибывающая во времени сущность и ее проявления, как сущее, причина которого в нем самом, т. е. образ, будучи сформирован как субстанция мыслей, будет существовать во времени и проявлять свою сущность в отношениях мыслящего субъекта с внешним миром и с самим собой.

Сформировавшись, образ-субстанция будет составлять содержание ума и определять отношения во внутреннем мире человека. Являясь порождением активности человека, образ будет входить в содержание личного сознания человека, а сам образ будет всегда субъективным образованием (Джемс, 1901). Образы одной и той же вещи у различных лиц не будут тождественны. Личностные образы всегда будут носить черты оперативности (по Д. А. Ошанину) и нести на себе отпечаток мотивационной сферы, переживаний и нравственных устоев субъекта, которому они принадлежат. Субстанциональная часть образа будет окутана облаком мыслей-обертонов, связанных с задачами, в решение которых вовлекается образ, с ситуацией и с субъектом восприятия. Образы-субстанции в единстве с обертонами мыслей и составляют содержание индивидуального сознания. Отдельные мысли из обертонов могут переходить в субстанциональную часть образа при его устойчивости. Ведущую роль в этих изменениях играет включенность образа в решение жизнедеятельностных задач. Включенность в деятельность привносит в процесс интеллектуализации образа организующее начало.

Структура образа, включающая потребности и переживания, становится основой, которая позволяет обеспечить взаимосвязь отдельных образов, их сознание и участие в решении задач. Из изложенного становится понятным высказывание Л. С. Выготского о том, что мысль, существующая во внутренней речи, приобретает новую функцию организатора нашего поведения (Выготский, 1991, с. 199).

Таким образом, в исследовании мы исходили из следующего теоретического положения: образ предмета представляет собой субстанцию мыслей.

Данное теоретическое положение конкретизируется в частной гипотезе: являясь порождением активности субъекта восприятия, процесс мыслетворчества будет характеризоваться индивидуальными различиями как в количественном, так и в качественном отношениях.

В своем исследовании мы ограничились изучением процессов порождения *предметных* мыслей, т. е. мыслей, возникающих у субъекта при восприятии определенного предмета.

Организация эмпирического исследования

Для того чтобы процесс порождения мыслей носил развернутый характер, необходимо, чтобы предмет восприятия не был знаком респондентам и чтобы субъект мог свободно *манипулировать* с предметом, раскрывая его свойства и признаки. При восприятии знакомых предметов процесс восприятия свертывается, испытуемые не столько описывают воспринимаемые свойства, сколько извлекают признаки предмета из прошлого опыта.

После длительных поисков предмета восприятия мы остановились на объекте, представляющем собой сувенирную продукцию одной из нефтяных корпораций, которая по функции является таймером, отмеряющим строго определенный промежуток времени — 27,3 секунды, одну из фаз перегонки нефти. Объект имеет цилиндрическую форму высотой 12 см и диаметром 5 см, внутри цилиндра находится спираль, по которой при переворачивании сверху-вниз стекает черная жидкость, а снизу вверх по спирали поднимается воздух, компенсирующий измененное давление в середине сосуда. Объект восприятия изображен на рисунках 1–2.

Характеристика выборки. В исследовании приняли участие 20 студентов НИУ ВШЭ различных факультетов в возрасте 18–20 лет (со второго по четвертый курс). Каждый испытуемый проходил исследование в индивидуальном порядке после занятий в одинаковых условиях.

Рис. 1–2. Предмет восприятия

Наблюдаемые и регистрируемые реакции испытуемых:

- проявление интереса к каким-либо аспектам задания;
- выделяемые испытуемыми свойства предмета восприятия;
- динамика описания объекта (количество выделенных признаков за каждую минуту эксперимента);
- попытки определения назначения предмета.

Инструкция для испытуемых. Вам будет предъявлен предмет, который с большой вероятностью, вам не знаком. Постарайтесь описать данный предмет по возможности полно и точно, выделив все его признаки (свойства), которые вы можете обнаружить. Выделенные признаки записывайте в протокол по мере обнаружения. В процессе эксперимента вы можете проводить желаемые манипуляции с предметом. На выполнение задания отводится 15 минут. Если вы закончите работу раньше, то сообщите об этом экспериментатору (лицу, проводящему эксперимент). Если предмет окажется вам знакомым (вы встречались с ним раньше), сообщите об этом экспериментатору. Благодарим за участие в исследовании.

Результаты исследования

Для того чтобы оценить в динамике различия в продуцировании мыслей, была создана таблица 1. В этой таблице отражено количество выделяемых признаков каждым испытуемым в ходе эксперимента. На основе этой таблицы был построен график, отражающий процесс выделения признаков (рисунок 3).

С учетом того, что нас интересует не только количество называемых признаков, но и их качество, была составлена таблица 2.

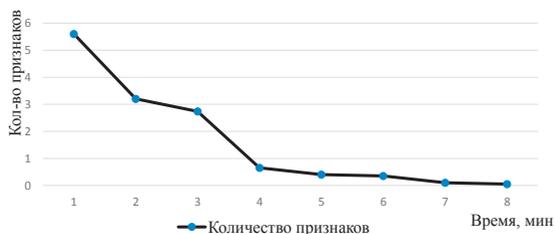

Рис. 3. Среднее количество выделяемых признаков по времени

Таблица 1
Динамика выделяемых признаков

N=20	t (мин) / количество выделенных признаков								S выделенных мыслей-признаков
	1 мин	2 мин	3 мин	4 мин	5 мин	6 мин	7 мин	8 мин	
1	5	3	3	2	2	2	0	0	17
2	6	3	2	1	0	0	0	0	12
3	7	3	1	2	1	0	0	0	14
4	5	2	3	0	0	0	0	0	10
5	8	3	2	0	0	2	2	1	18
6	4	4	3	1	0	1	0	0	13
7	7	3	0	0	2	2	0	0	14
8	5	5	4	1	0	0	0	0	15
9	10	2	0	1	0	0	0	0	13
10	5	0	3	4	3	0	0	0	15
11	6	4	1	0	0	0	0	0	11
12	2	8	4	0	0	0	0	0	14
13	6	5	6	0	0	0	0	0	17
14	9	7	3	0	0	0	0	0	19
15	5	1	0	0	0	0	0	0	6
16	6	6	5	0	0	0	0	0	17
17	1	6	5	0	0	0	0	0	12
18	4	2	1	0	0	0	0	0	7
19	4	1	1	0	0	0	0	0	6
20	7	1	0	1	0	0	0	0	9
M	5,60	3,20	2,73	0,65	0,40	0,35	0,10	0,05	12,95
D	4,57	4,68	3,38	1,08	0,78	0,56	0,20	0,05	14,98

Таблица 2

Качественная характеристика выделенных мыслей-признаков

N = 20	t (мин) / выделенные мысли-признаки								Мысли-признаки
	1	2	3	4	5	6	7	8	
1	А, Б, Ё, Ж, М	Э, Ы, Я	Ю, Ч, Т	С, Ш	Р, Ъ	Г, Щ	0	0	А, Б, Ё, Ж, М, Э, Ы, Ю, Ч, Т, С, Ш, Р, Ъ, Г, Щ
2	А, В, Ю, Х, С, Т	Э, Ы, О	Ю, Ъ	Е	0	0	0	0	А, В, Ю, Х, С, Т, Э, Ы, О, Ю, Ъ
3	А, Б, Ю, Х, Т, Ш, Ъ	С, О, Ш	Э	Ы, Ц	Г	0	0	0	А, Б, Ю, Х, Т, Ш, Ъ, С, О, Ш, Э, Ы, Ц, Г
4	Р, А, Б, С, Ъ	Ц, О	Ю, Ч, Ш	0	0	0	0	0	Р, А, Б, С, Ъ, Ц, О, Ю, Ч, Ш
5	Л, В, Ю, Х, Ш, Т, Ш, Ъ	А, Ъ, Э	Я, Ю	0	0	Ч, О	Ф, Р	З	Л, В, Ю, Х, Ш, Т, Ш, Ъ, А, Ъ, Э, Я, Ю, Ч, О, Ф, Р, З
6	А, Б, Т, Ю	Р, Ц, Э, Ъ	Ь, Ш, Ш	Ы	0	З	0	0	А, Б, Т, Ю, Р, Ц, Э, Ъ, Ъ, Ш, Ш, Ы, З
7	А, Б, Л, М, Н, О, Ч	Ц, Ш, Р	0	0	Ю, Я	Д	0	0	А, Б, Л, М, Н, О, Ч, Ц, Ш, Р, Ю, Я, Д
8	Ы, Ъ, А, Х, В	Л, Ш, Щ, О, Т	Ъ, С, Э, Ч	Q	0	0	0	0	Ы, Ъ, А, Х, В, Л, Ш, Щ, О, Т, Ъ, С, Э, Ч, Q
9	А, В, Л, М, Н, О, Ч, Ц, Ш, Щ	У, Т	0	О	0	0	0	0	А, В, Л, М, Н, О, Ч, Ц, Ш, Щ, У, Т
10	А, В, М, О, Х	0	Р, Л, Ц	Ш, Щ, Э, Ю	Ч, Т, Д	0	0	0	А, В, М, О, Х, Р, Л, Ц, Ш, Щ, Э, Ю, Ч, Т, Д
11	А, В, Л, М, Ш, Щ	С, Л, Р, Ч	О	0	0	0	0	0	А, В, Л, М, Ш, Щ, С, Л, Р, Ч, О
12	П, Я	А, В, Л, М, Н, О, Ч, Ц,	Ш, Щ, С, Ы	0	0	0	0	0	П, Я, А, В, Л, М, Н, О, Ч, Ц, Ш, Щ, С, Ы

Продолжение таблицы 2

N = 20	t (мин) / выделенные мысли-признаки								Мысли-признаки
	1	2	3	4	5	6	7	8	
13	Р, А, Б, С, Ъ, Ь	Ш, Щ, Л, Т, Ы	Ю, Я, Ч, Ц, Z, О	0	0	0	0	0	Р, А, Б, С, Ъ, Ь, Ш, Щ, Л, Т, Ы, Ю, Я, Ч, Ц, Z, О
14	А, Ъ, Ь, М, Н, О, Ц, Ч, Ю	Л, Р, С, Т, Ы, Ш, Щ	Z, Э, У	0	0	0	0	0	А, Ъ, Ь, М, Н, О, Ц, Ч, Ю, Л, Р, С, Т, Ы, Ш, Щ, Z, Э, У
15	А, В, Б, Ъ, Я	К	0	0	0	0	0	0	А, В, Б, Ъ, Я, К
16	А, Б, Ъ, Ш, Ш, Ы	Л, Р, П, С, Х, Т	Э, Ю, Я, Z, Q, Д	0	0	0	0	0	А, Б, Ъ, Ш, Ш, Ы, Л, Р, П, С, Х, Т, Э, Ю, Я, Z, Q, Д
17	Ф	Я, В, Ю, Х, С, Т	А, Щ, Ц, Ч, Ъ	0	0	0	0	0	Ф, Я, В, Ю, Х, С, Т, А, Щ, Ц, Ч, Ъ
18	А, Б, Т, Ш	Ъ, Щ	Q	0	0	0	0	0	А, Б, Т, Ш, Ъ, Щ, Q
19	А, Б, Т, Ш	Ы	О	0	0	0	0	0	А, Б, Т, Ш, Ы, О
20	А, Б, Ю, Х, С, Т, Ш	И	0	3	0	0	0	0	А, Б, Ю, Х, С, Т, Ш, И, З

Примечание: Буквами обозначены следующие выделенные мысли-признаки: А – Салатово-серый; Б – Небольшой; В – Средних размеров; Г – Похож на капсулу силы; Д – Похож на игрушку Ньютона; Е – Похож на тесаракт; Ё – Черствый; Ж – Неопрятный; З – Технологичный; И – Похож на уровень; К – Раздражительно звучит; Л – Посередине прозрачный; М – Внутри есть буравчик в жидкости; Н – Стенки кислотного (салатового, зеленого) цвета; О – Внизу и вверху два отверстия; П – Скалочный; Р – Наполнен жидкостью; С – Комнатной температуры; Т – Легкий; У – Интересный с вилу; Ф – Непонятный; Х – Тихий; Ц – Внутри есть черная жидкость; Ч – Булькает; Ш – Цилиндрический; Щ – Легко катается; Ъ – Твердый; Ы – Старый; Ь – Сделан из пластика и бумаги; Э – Внутри есть спираль с разрывом; Ю – Устойчивый; Я – Красивый; Q – Похож на инопластичный прибор; Z – Похож на лампу с жидкостью.

Анализ и интерпретация полученных данных

График (рисунок 1), отражающий продуцирование мыслей во времени, показывает, что число названных мыслей-признаков со временем убывает от 5,6 признаков до 0,05, дисперсия называемых признаков сокращается с 4,57 до 0,05. При этом только один испытуемый (№ 5) продолжал высказывать новые мысли-признаки вплоть до 8 минуты.

Уместно поставить вопрос: существует ли связь между продуктивностью порождения мыслей в первые минуты и итоговой продуктивностью. Для этого мы высчитали соответствующие коэффициенты корреляции (таблица 3).

Таблица 3

Корреляции между числом называемых признаков в отдельные отрезки времени и итоговым результатом

t (мин)	1	2	3	4	5	6	7	8
r Спирмена	0,35	0,55**	0,55**	0,20	0,27	0,37	0,307	0,307

Примечание. ** – корреляция значима на уровне $p < 0,01$.

Как видно из таблицы 3, итоговый результат статистически значимо связан с количеством признаков, выделенных на второй и третьей минутах. Можно сделать вывод о том, что количество мыслей-признаков, выделенное на второй и третьей минутах, является ключевым в определении итогового результата.

Перейдем теперь к анализу результатов, представленных в таблице 2. Из полученных данных видно, что испытуемые различаются по *качеству* называемых мыслей-признаков, отнесенных к одному временному интервалу. Для удобства дальнейшего анализа дадим частотную характеристику каждому названному признаку (таблица 4).

Как видно из таблицы 4, в первую очередь испытуемые выделяют мысли-признаки А, Ш, О, Т, Ю. Эти признаки связаны с формой и размером объекта. Затем испытуемые начинают выделять мысли-признаки, связанные с менее обыденными категориями – температура, устойчивость, гладкость и т. д. (С, Ч, Ъ, Р, У, Ы). Наименьшей частотой обладают признаки, которые начинаются со слов «похож на...». Постэкспериментальное интервью показало, что объяснение

Таблица 4
Частотные характеристики признаков

Мысль-признак	t (мин) / частота появления, (%)								Общая частота называния мысли-признака
	1	2	3	4	5	6	7	8	
Е	0	0	0	5	0	0	0	0	5
Е	5	0	0	0	0	0	0	0	5
Ж	5	0	0	0	0	0	0	0	5
З	0	0	0	5	0	0	0	0	5
И	0	5	0	0	0	0	0	0	5
К	0	5	0	0	0	0	0	0	5
Г	0	0	0	0	5	5	0	0	10
П	5	5	0	0	0	0	0	0	10
У	0	5	5	0	0	0	0	0	10
Ф	5	0	0	0	0	0	5	0	10
Д	0	0	5	0	5	5	0	0	15
Q	0	10	5	0	0	0	0	0	15
Н	15	5	0	0	0	0	0	0	20
Z	15	0	0	0	5	0	0	5	25
Л	0	30	5	0	0	0	0	0	35
М	30	5	0	0	0	0	0	0	35
Ь	20	5	5	0	5	0	0	0	35
Х	30	10	0	0	0	0	0	0	40
Я	10	10	15	0	5	0	0	0	40
В	35	10	0	0	0	0	0	0	45
Э	0	20	20	5	0	0	0	0	45
Б	50	0	0	0	0	0	0	0	50
Р	10	25	5	0	5	0	5	0	50
Ц	10	20	15	5	0	0	0	0	50
Ы	10	25	5	10	0	0	0	0	50
С	20	25	10	5	0	0	0	0	60
Ч	15	10	25	0	5	5	0	0	60
Ъ	35	10	15	0	0	0	0	0	60
Щ	20	20	15	5	0	5	0	0	65
О	20	25	20	5	0	5	0	0	75
Т	35	30	5	0	5	0	0	0	75
Ю	30	5	30	5	5	0	0	0	75
Ш	40	25	15	10	0	0	0	0	90
А	90	10	0	0	0	0	0	0	100

появления таких признаков связано с мыслями испытуемого о функциональном предназначении объекта.

Стоит отметить, что всех испытуемых, которые задумывались о функциональном предназначении, по характеру продуцирования мыслей можно разделить на две группы. Испытуемые первой группы после предположения о функциональном назначении предмета записывали догадку или догадки, и на этом продуцирование мыслей-признаков прекращалось. В постэкспериментальном интервью такой испытуемый говорил: «Я вначале выделял цвет и размер, форму и прочее, что сразу видно. Потом обратил внимание на то, что внутри находится. Начал описывать, и тут до меня дошло, что мне эта штука очень лампу напоминает, такую с маслом, плавающим вверх-вниз».

Вторая группа испытуемых после предположения о функциональном предназначении предмета выделяла признаки, косвенно связывающие объект восприятия с «функциональным» назначением. Так, например, у испытуемых было обнаружено сочетание мыслей-признаков «Z, Э, У» и «Z, О».

Желание определить функциональное предназначение предметов появлялось у испытуемых не раньше третьей минуты эксперимента.

Важно сказать несколько слов о том, как влияет догадка о функциональном назначении предмета на итоговое количество выделенных признаков. Мы сравнили статистически количество мыслей испытуемых, высказавших догадку о функции предмета и не высказавших такой догадки (таблица 5).

Статистическая обработка показывает, что существуют значимые различия между двумя группами испытуемых и что те испытуемые, которые сделали догадку о функциональном предназначении, выделили в итоге больше мыслей-признаков, чем не сделавшие догадку.

Таблица 5

Сравнение количества выделенных мыслей-признаков при наличии (группа 1) и отсутствии (группа 0) предположения о функции предмета

	Догадка о функции	N	Средний ранг	Сумма рангов
Количество мыслей-признаков	0,00	8	6,31	50,50
	1,00	12	13,29	159,50
	Всего	20		

Выводы

- Наблюдаются существенные количественные различия в мыслетворчестве между отдельными испытуемыми.
- Предметные мысли, связанные с одним и тем же предметом, у разных испытуемых различаются не только количественно, но и качественно. Можно констатировать, что в процессе восприятия каждый испытуемый продуцирует свой симптомокомплекс предметных мыслей. В нашем случае только 13 мыслей-признаков представлены с 50-процентной частотой в характеристике предмета.
- Есть основание предположить, что наблюдаемые индивидуальные различия в продуцировании мыслей-признаков характеризуют интеллект субъекта.

Приложение 2

Продуктивность порождения мысли у лиц с разным уровнем интеллектуального развития

В настоящее время в психологии проблеме мыслительной деятельности человека, его мысли как единицы анализа этой деятельности уделено недостаточно внимания. Современные исследования независимо от области психологического знания по-прежнему в качестве объекта анализа избирают процесс мышления, виды мышления и его формы, мыслительные операции и мыслительные действия, нейрофизиологические механизмы мыслительной деятельности. Несомненно, что вклад нового знания в уже установленные законы и закономерности мышления человека как одной из форм его психической деятельности является значимым и открывает перспективы для объяснения ментальных возможностей человека, проявляющихся в различных областях его жизнедеятельности. Однако остаются открытыми вопросы о том, как мыслит человек и от чего зависит продуктивность его мыслительной деятельности.

В своих работах, посвященных проблемам ментального развития и связанного с ним вопроса о мыслительной деятельности человека, мы утверждаем, что человек мыслит мыслями (Шадриков, 2013, 2014а, б, в, 2015, 2016). Мышление определяется нами как процесс порождения мыслей и «работа» с мыслями. Его протекание связано с осознанием мыслительного процесса в операциях выбора умственных действий, соотнесенных с условием задачи, а также с процессами проверки и контроля ее решения. При этом мышление выступает как мыслительная функция мыслящего субъекта, разре-

* Шадриков В. Д., Кургинян С. С. Продуктивность порождения мысли у лиц с разным уровнем интеллектуального развития // Вопросы психологии. 2016. № 6. С. 114–130.

шающего значимую для него задачу (проблему). Субъект, организуя свою мыслительную деятельность, осознает ход решения задачи, руководствуясь представлением о результате. Однако, поскольку задача разрешается посредством мышления как процесса, он осознает ход мыслей, связанных с ее решением. С этих позиций мышление как деятельность реализуется функциональной психологической системой деятельности.

На уровне психологического изучения мысль как единица анализа мыслительной деятельности человека имеет субстанциональную природу, носит функциональный характер, связана с мотивацией его поведения и сопровождается переживанием того, что мыслится (предметы, явления и события окружающей действительности). Реализуя основную функцию психики – обеспечение деятельности и поведения человека, мысль служит средством выделения отдельных предметов из окружающей среды и их признаков и установления функционального значения этих предметов для воспринимающего их субъекта. Данная функция осуществляется в процессах ощущения и восприятия, а результатом ее реализации являются образы предметов, явлений, событий и их признаки. Отсюда единство образа и его признака выражается в мысли. Зависимость *образа* от потребностей и переживаний мыслящего субъекта становится основой, делающей возможным его (образа) вовлечение во внутреннюю жизнь человека в целом и в психологические процессы в частности. Примером может служить известное положение Л. С. Выготского о том, что мысль, существующая во внутренней речи, приобретает функцию внутреннего организатора нашего поведения (Выготский, 1991). Из сказанного можно заключить, что мысль – это имплицитная сущность того, что мыслится, обнаруживающаяся в связях образа и его признака.

Как следствие субстанциональной природы мысли в процессе мышления субъект проявляет способность, с одной стороны, удерживать образы в их устойчивых характеристиках (признаках), а с другой – устанавливать новые связи и отношения между отдельными мыслями, отнесенными к разным образам при определенной функциональной направленности мыслительного процесса. Содержанием образов, возникающих в результате взаимодействия субъекта с объектом, являются свойства мыслей о воспринимаемых предметах. На уровне психологического анализа образ предмета выступает как совокупность признаков, составляющих содержание мыслей о нем. Посредством мысли субъект выделяет признаки, присущие

конкретному предмету, которые затем становятся содержанием его (субъекта) мысли. Будучи порождением мыслительной деятельности человека, образ составляет содержание его личного сознания и приобретает качества субъективного образования, а именно: определяется принадлежностью к конкретному субъекту, связан с его личностными и индивидуальными проявлениями (действиями, поступками), отражает его переживания и др. В этом отношении мысли отдельных людей относительно одного и того же воспринимаемого объекта не могут быть тождественными.

Мысль мыслящего субъекта выражается в форме суждения и умозаключения. В первом случае мы можем говорить о связи между образом воспринимаемого предмета и его признаками, во втором — о процессе, в ходе которого данная связь устанавливается. Отсюда следует, что мышление есть процесс порождения мыслей (суждений) и вместе с тем мышление протекает в мыслях (умозаключениях). Мышление с качественной стороны характеризуется продуктивностью порождения мыслей, которая, в свою очередь, выступает как мыслительная способность субъекта. Эту способность мы рассматриваем как ум, как способность порождать мысли и работать с мыслями. Мышление, ум и способность порождения мысли выступают в единстве, а именно: мышление как процесс порождения мысли, ум — как итоговая характеристика этого процесса. Способность порождать мысли и устанавливать отношения между образами воспринимаемых предметов (явлений, событий) и их признаками, согласно нашим представлениям, будет характеризовать интеллект человека.

Опираясь на высказанные концептуальные положения, мы разработали план экспериментального исследования, целью которого являлось изучение продуктивности порождения мысли у лиц с разным уровнем интеллектуального развития.

Методика исследования

Испытуемые. В исследовании, которое проводилось на базе НИУ ВШЭ, приняли участие 79 человек в возрасте от 16 до 20 лет ($M=18,59$; $SD=0,63$), из них женщин — 68 ($M=18,62$; $SD=0,83$), мужчин — 11 ($M=18,45$; $SD=0,53$). Это были студенты I курса ($n=45$, от 16 до 20 лет, $M=18,32$; $SD=0,85$) и II курса ($n=34$, от 18 до 20 лет, $M=18,97$; $SD=0,52$), обучающиеся по образовательной программе академического бака-

лавриата «Психология». За участие в исследовании испытуемые получали зачетные единицы в рамках часов по научно-исследовательскому семинару.

Процедура. Исследование проходило в три этапа. На первом нами была разработана экспериментальная процедура изучения процесса продуцирования мысли, направленная на анализ предметных мыслей испытуемых. По результатам апробации в серии пилотных исследований процедура была трансформирована в экспериментальную методику «Работа с мыслями». Второй этап предполагал проведение основного исследования с использованием разработанной методики. Он также включал оценку эффекта экспериментального воздействия в ходе выполнения испытуемыми задания. Оценивалось состояние испытуемых, связанное с их психической активностью, а именно: степень активации психических процессов до включения в экспериментальную работу и после ее завершения. На третьем этапе проводились обработка экспериментальных данных и их анализ с использованием стандартного статистического пакета IBM SPSS Statistics 22.

Методы исследования. Для оценки уровня интеллектуального развития испытуемых мы обратились к интеллектуальному тесту Р. Кеттелла («Культурно-независимый тест интеллекта»), предназначенного для измерения уровня общего интеллекта. Посредством теста проводилось групповое обследование с целью разделить испытуемых на группы с разным уровнем интеллектуального развития. Мы использовали вариант теста GFT 2 (Денисов, Дорофеев, 2003), предназначенный для диагностики «нормальной» выборки до 60 лет. Тест состоит из двух частей, каждая из которых содержит по четыре субтеста, включающих определенное количество заданий с возрастанием по сложности; на их выполнение отводится от 3 до 4 мин.

Анализ предметных мыслей испытуемых проводился с помощью методики «Работа с мыслями», в ходе выполнения которой у них актуализируются психические процессы, связанные с проявлением способностей мыслительной деятельности. Процедура экспериментального исследования предполагала предъявление им знакомого предмета. В качестве такого был избран компакт-диск, известный как оптический носитель информации в виде пластикового плоского круга с отверстием в центре, предназначенный для записи и считывания информации с помощью специального устройства (рисунок 1).

Рис. 1. Стимульный материал для процедуры исследования по методике «Работа с мыслями»

В инструкции по выполнению задания испытуемых просили описать данный предмет по возможности наиболее полно и точно, выделив все его признаки, которые они могли обнаружить. Обязательным условием было использование односложных описаний в виде слов разных частей речи (например: плоский, круг, блестит, мерцающий и др.). Допускались любые манипуляции с компакт-диском: например, пробовать его на прочность, вертеть, царапать, подбрасывать и т. д. Задание выполнялось в течение 20 мин под непосредственным руководством экспериментатора, который следил за временем работы. Ответы испытуемых фиксировались в ответном бланке, в котором указывалась последовательность отображаемых признаков (свойств) предмета и промежутки времени работы с ним (от первой до 20-й мин). Перед началом выполнения задания испытуемым давалось «пробное задание» на отвлеченном предмете (например, простой карандаш). После того как экспериментатор убеждался в том, что инструкция понята испытуемыми правильно, можно было приступать к выполнению теста.

В ходе экспериментального исследования процесса продуцирования мысли по методике «Работа с мыслями» регистрировались следующие показатели:

- 1) время (в мин) продуцирования признаков предмета в промежутке от момента начала работы с предметом до момента ее завершения;

- 2) количество опредмеченных признаков предмета, составляющих содержание мыслей испытуемых (атрибутивные, функциональные и субъективные признаки);
- 3) состояние испытуемого непосредственно перед началом исследования и после его завершения, т. е. степень активации психических процессов от момента начала работы с предметом до момента ее завершения.

Обработка экспериментальных данных предполагала качественный и количественный анализ. Первоначально ответные бланки испытуемых подвергались качественной обработке посредством семантического анализа описаний* экспериментального материала (признаков предмета). Анализ проводился с опорой на дескрипторы содержания мысли, которые указывают на такие ее свойства, как атрибутивность, функциональность и субъективность. *Атрибутивность* мысли проявляется при выделении существенных, неотъемлемых признаков предмета, в отличие от случайных, преходящих его состояний (дескрипторы: «существенный», «внутренне присущий»). *Функциональность* мысли обнаруживается при обращении к признакам, характеризующим назначение предмета в процессе его использования или взаимодействия с ним (дескрипторы: «назначение предмета», «свойства или состояния предмета, посредством которых становится возможным выполнять его основные функции»). И, наконец, *субъективность* мысли раскрывается при обозначении признаков, определяющих степень полезности, личной значимости предмета для самого испытуемого (дескрипторы: «личный смысл», «индивидуальный опыт взаимодействия с предметом»). Таким образом, на уровне качественного анализа выделенные признаки предмета дифференцируются по трем группам признаков: атрибутивные, функциональные и субъективные. В ходе количественного анализа вначале осуществлялся подсчет опредмеченных призна-

* При анализе мы использовали толковый словарь русского языка (Ожегов, 2012; Ушаков, 2013). Слово или описание в данном случае являлось операциональной единицей, посредством которой опредмечивались признаки воспринимаемого предмета. Мы исходим из концептуального понимания единства слова и мысли человека, в котором слово выступает в качестве знака, наполненного определенными мыслями о воспринимаемом предмете. В этом отношении мысль, выраженная словом, может выступать индивидуальным понятием (см. подробно: Шадриков, 2014, с. 69–74; Ожегов, 2012; Ушаков, 2013).

ков предмета за минуту выполненного задания по каждому испытуемому и в целом по выборке. Далее признаки дифференцировались по выделенным группам признаков. Отдельно высчитывалась сумма атрибутивных, функциональных и субъективных признаков. Подсчет включал выделение количества дифференцированных признаков за каждую минуту (от первой до 20-й) и определение их суммы в течение 20 мин.

Для оценки эффекта экспериментального воздействия методики «Работа с мыслями» на состояние испытуемых нами использовалась методика «Рельеф психического состояния личности» А. О. Прохорова. Опросник методики представляет собой перечень признаков структуры психического состояния и содержит 40 основных характеристик психического состояния, объединенных в четыре блока (структуры): психические процессы, физиологические реакции, переживания, поведение (Прохоров, 1998). Испытуемые заполняли опросник до начала выполнения задания и после его завершения, что позволяло дать оценку возможности актуализации психических процессов, связанных с проявлением способностей мыслительной деятельности.

Результаты

В ходе дифференциальной диагностики испытуемых по уровню интеллектуального развития общая выборка ($N=79$) исследования разделилась на две группы. В первую вошли испытуемые, у которых был диагностирован уровень интеллектуального развития в пределах средней статистической возрастной нормы* ($n=31$), во вторую — испытуемые, уровень интеллектуального развития которых характеризуется как высокий ($n=48$).

Согласно данным, полученным в процессе экспериментального изучения предметных мыслей испытуемых, было установлено, что в целом по выборке наблюдается монотонно убывающая зависимость количества опредмеченных признаков предмета от времени, затраченного на их воспроизведение. На рисунке 2 обозначена линейная зависимость, описываемая степенной функцией вида

* Значения показателя IQ для лиц от 15 до 18 лет и старше 18 лет приведены из методического руководства для диагностики культурно-независимого интеллекта (Денисов, Дорофеев, 2003).

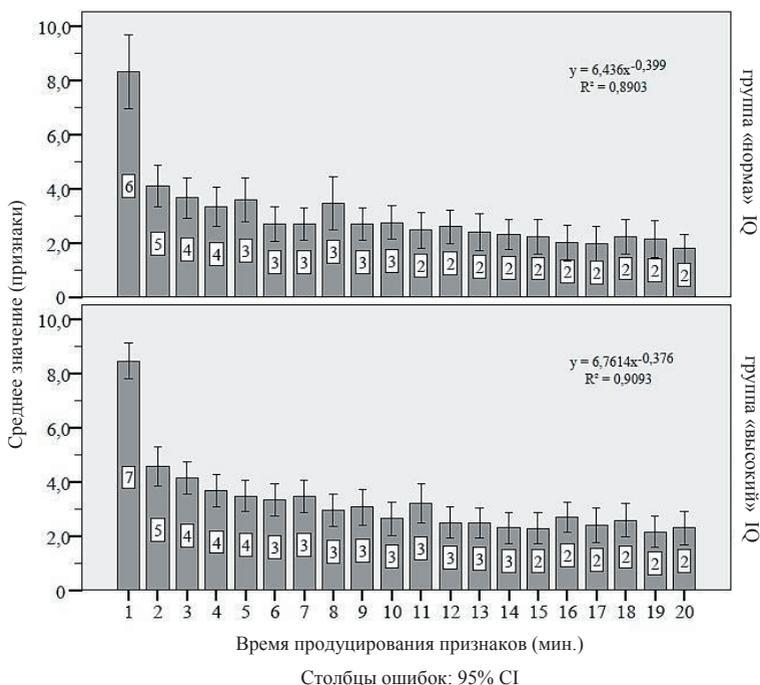

Рис. 2. Распределение средних значений опредеченных признаков предмета в группах испытуемых с различным уровнем интеллектуального развития в зависимости от времени, затраченного на их воспроизведение.

В столбцах указаны цифровые значения количества возможных продуцируемых признаков в определенное время, вычисленные на основе степенной функции для каждой группы испытуемых

$y = x^a$, где $a < 0$; в столбцах указаны цифровые значения количества возможных продуцируемых признаков в определенное время, вычисленные для каждой группы испытуемых. Анализ данных значений отдельно по каждой группе позволяет сделать вывод о продуктивности мыслительной способности испытуемых. Здесь следует отметить, что продуктивность достигается посредством большего числа воспроизведенных признаков в зависимости от времени, затраченного на их продуцирование в отношении предъявляемого экспериментального материала.

Исходя из изображенных на рисунке 2 графиков распределений, можно констатировать, что временной диапазон продуцирования

признаков предмета и количество признаков, воспроизведенных в единицу времени, находятся в зависимости от уровня интеллектуального развития. Чем выше у испытуемых показатель IQ, тем дольше у них сохраняется способность к продуцированию мыслей. Так, для группы I (с уровнем интеллектуального развития в пределах средней статистической возрастной нормы) данная способность последовательно разворачивается в диапазоне от первой до четвертой минуты, затем она понижается и сохраняется в одних и тех же значениях от 5-й до 10-й мин и далее, от 11-й до 20-й мин, наблюдается та же тенденция. В группе II (испытуемые с высоким показателем IQ) временной диапазон имеет отличную продолжительность, характеризующуюся, как видно, увеличением времени: от 1-й до 5-й мин, затем от 6-й до 14-й и далее от 15-й по 20-ю мин.

В ходе качественного анализа экспериментального материала были выделены три группы признаков*, составляющие содержание мыслей испытуемых, отдельно в каждой группе выборки исследования (таблица 1). Оценка внутригрупповых различий по критерию Фридмана позволила сделать вывод о том, что выделенные признаки по уровню выраженности статистически достоверно различаются как в группе испытуемых с показателем IQ в пределах нормы

Таблица 1

Описательные статистики результатов качественной обработки
опредмеченных признаков предмета

Признаки	Группа (N): 1 – «норма» IQ (N=31) 2 – «высокий» IQ (N=48)	Минимум	Максимум	Среднее	Ст. отклонение	У критерия Манна–Уитни
Атрибутивные	1	11,00	49,00	30,94	10,92	$p>0,05$
	2	11,00	97,00	36,10	14,81	
Функциональные	1	0,00	23,00	8,13	5,80	$p>0,05$
	2	0,00	29,00	8,58	6,68	
Субъективные	1	0,00	55,00	20,13	14,50	$p>0,05$
	2	0,00	74,00	9,96	17,66	

* К атрибутивным признакам были отнесены, например, такие описания предмета, как «плоский», «информация», «двусторонний», к функциональным признакам – «хранение», «считывать», «воспроизводить», субъективным признакам – «унылый», «фотографии», «юла».

($\chi^2 = 36,80$ при $p < 0,001$), так и в группе испытуемых с высоким показателем IQ ($\chi^2 = 64,85$ при $p < 0,001$).

Как видно из таблицы 1, несмотря на наблюдаемую разность в средних групповых значениях атрибутивных и субъективных признаков, статистически достоверных межгрупповых различий в уровне их выраженности обнаружено не было ($p > 0,05$). Однако здесь нельзя не заметить различия качественного характера, которые позволяют констатировать, что для испытуемых с высоким показателем IQ по сравнению с группой испытуемых с показателем IQ в пределах средней статистической возрастной нормы характерно при описании предмета воспроизводить существенные, неотъемлемые признаки предмета (атрибутивные) и признаки, отражающие степень его полезности, личностной значимости для них самих (субъективные). Эти качественные различия, на наш взгляд, также обуславливают продуктивность их мыслительной способности в ходе продуцирования мыслей в отношении предъявляемого предмета.

Статистическая обработка полученных экспериментальных данных проводилась с использованием дисперсионного анализа с повторными измерениями (Repeated Measures ANOVA). Обращение к модели с повторными измерениями было связано с решением поставленных в исследовании вопросов:

1. Существует ли значимое различие в продуктивности воспроизведения признаков в диапазоне от 1-й до 20-й минуты в зависимости от уровня интеллектуального развития и какова степень этого различия?
2. Существует ли значимое различие в продуктивности воспроизведения признаков предмета, составляющих содержание мысли, в зависимости уровня интеллектуального развития и какова степень этого различия?
3. Зависит ли влияние уровня интеллектуального развития на процесс продуцирования мысли от уровней (градаций) одной из этих переменных (время продуцирования признаков и продуктивность воспроизведения признаков, составляющих содержание мысли)?

В качестве независимой переменной выступал уровень интеллектуального развития; время продуцирования признаков и продуктивность воспроизведения признаков, составляющих содержание мысли, были определены зависимыми переменными. Таким обра-

зом, модель измерения включала один межгрупповой фактор с двумя градациями («IQ группа»: 1 – группа «IQ норма»; 2 – группа «Высокий IQ») и два внутригрупповых фактора: продуктивность воспроизведения с тремя градациями («Признаки»: 1 – атрибутивные, 2 – функциональные, 3 – субъективные) и «Время» (20 минут равно 20 условий (усл.) воспроизведения признаков: 1 усл., 2 усл., 3 усл., ... 20 усл.). Первичные экспериментальные данные предварительно были подвергнуты нормализующей трансформации, поскольку распределение значений признаков в диапазоне от 1-й до 20-й мин отличалось от нормального закона распределения. Показатель асимметрии в единицу времени (мин) выходил за границы стандартной ошибки (таблица 2). Наблюдалась левосторонняя асимметрия ($A_s > 0$). Трансформирующее преобразование было проведено с помощью функции извлечения квадратного корня, что позволило существенным образом снизить эту асимметрию. Принимая во внимание, что минимальное число воспроизведенных признаков в минуту составляло 0, в ходе преобразования добавлялось константа значением в единицу.

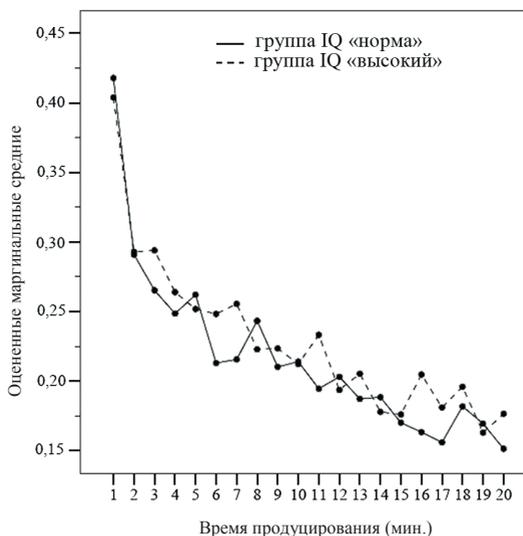

Рис. 3. Распределение средних значений продуктивности воспроизведения признаков в зависимости от уровня интеллектуального развития испытуемых

Таблица 2
 Описательные статистики результатов воспроизведения испытуемыми (N = 79)
 признаков предъявляемого предмета

Время, мин.	Мини- мум	Макси- мум	Сред- нее	Ст. от- клоне- ние	Дис- персия	Асим- метрия	Ст. ошибка асим- метрии	Экс- цесс	Ст. ошиб- ка экс- цесса
1	2	21	8,39	2,92	8,52	0,80	0,27	3,29	0,53
2	0	11	4,38	2,32	5,37	0,49	0,27	0,34	0,53
3	0	9	3,95	2,05	4,20	0,32	0,27	-0,34	0,53
4	0	10	3,54	2,04	4,17	0,91	0,27	0,84	0,53
5	0	10	3,52	2,01	4,02	0,59	0,27	0,47	0,53
6	0	8	3,08	1,94	3,76	0,58	0,27	-0,45	0,53
7	0	11	3,15	1,94	3,75	1,05	0,27	2,55	0,53
8	0	12	3,14	2,33	5,43	1,17	0,27	1,77	0,53
9	0	8	2,91	2,07	4,29	0,73	0,27	-0,02	0,53

Время, мин.	Мини- мум	Макси- мум	Сред- нее	Ст. от- клоне- ние	Дис- персия	Асим- метрия	Ст. ошибка асим- метрии	Экс- цесс	Ст. ошиб- ка экс- цесса
10	0	9	2,68	1,97	3,89	0,99	0,27	0,55	0,53
11	0	15	2,91	2,28	5,18	2,11	0,27	8,93	0,53
12	0	7	2,53	1,87	3,48	0,67	0,27	-0,53	0,53
13	0	8	2,44	1,85	3,43	1,07	0,27	1,06	0,53
14	0	7	2,29	1,82	3,31	0,76	0,27	-0,22	0,53
15	0	7	2,25	1,89	3,58	0,83	0,27	-0,39	0,53
16	0	8	2,43	1,89	3,58	0,80	0,27	-0,04	0,53
17	0	8	2,23	2,00	4,00	1,08	0,27	0,61	0,53
18	0	8	2,44	1,98	3,92	1,08	0,27	0,69	0,53
19	0	7	2,14	1,91	3,66	1,00	0,27	0,27	0,53
20	0	10	2,09	1,88	3,52	1,69	0,27	4,12	0,53

Для статистической проверки выдвинутых предположений в модели измерения ANOVA с повторными измерениями были использованы контрасты в отношении переменной «Время» (контраст: «Повторяемый» — сравнивает среднее каждого уровня фактора, за исключением последнего, со средним последующих уровней) и переменной «Признаки» (контраст: «Хелмерт»/«Helmert» — сравнивает среднее каждого уровня, кроме последнего, со средним следующего уровня).

Оценка эффекта межгруппового фактора «IQ группа» не показала значимого различия в продуктивности воспроизведения испытуемыми признаков в течение всего диапазона времени от 1-й до 20-й минуты ($F=0,373$, $p=0,543$). Однако при анализе внутригрупповых контрастов взаимодействия переменных «Время» (продуцирования признаков) и «IQ группа» статистически достоверное различие было обнаружено в отдельные единицы временного диапазона, а именно: на 7–8-й минуте ($F=4,503$, $p=0,037$). При этом величина воздействия фактора* «IQ группа» составила 5,50 дисперсии переменной «Время» в данном промежутке времени. Так же выявлено статистически значимое различие на 11–12-й минуте ($F=3,068$, $p=0,084$, $h^2=0,038$). На рисунке 3 видно, что у испытуемых с показателем IQ в пределах среднестатистической возрастной нормы в отмеченные промежутки времени продуктивность воспроизведения признаков увеличивается на фоне уменьшения значений продуктивности испытуемых с высоким показателем IQ.

Одномерные критерии ANOVA с повторными измерениями показали статистически достоверный эффект внутригрупповых факторов «Признаки» ($F=93,391$, $p<0,001$, $\eta^2=0,548$) и «Время» ($F=28,210$, $p<0,001$, $\eta^2=0,268$), а также значимый эффект их взаимодействия ($F=13,902$, $p<0,001$, $\eta^2=0,153$). Можно констатировать, что продуктивность воспроизведения признаков предмета, составляющих содержание мыслей испытуемых, зависит от времени, затраченного на их продуцирование. В свою очередь, время продуцирования признаков вызывает значимый эффект на продуктивность их воспроизведения, которая в зависимости от части временного диапазона проявляется по-разному. Для анализа влияния последнего мы

* Оценка величины эффекта, частная эта в квадрате (η^2), т. е. вклад независимой переменной или взаимодействие переменных в разброс значений зависимой переменной (доля от полной ее дисперсии, принимаемой за 1).

обратились к критериям внутригрупповых контрастов. Было установлено, что продуктивность воспроизведения признаков предмета у испытуемых обеих групп проявлялась в начале временного диапазона от первой до 3-й мин ($p < 0,05$), в середине, от 9-й до 10-й мин ($p < 0,05$) и в конце от 15-й до 16-й мин ($p = 0,63$).

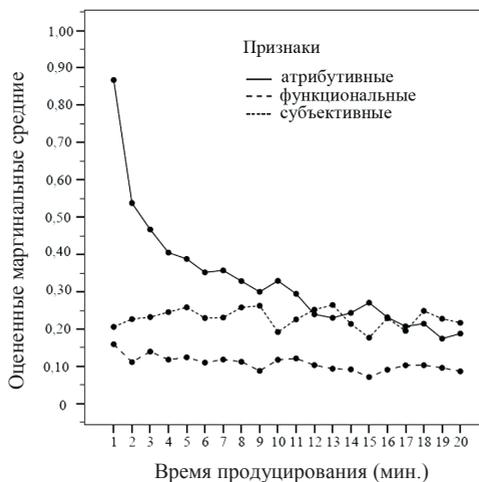

Рис. 4. Различие в продуктивности воспроизведения признаков, составляющих содержание мыслей испытуемых, в зависимости от времени их продуцирования

На рисунке 4 представлено распределение продуцируемых испытуемыми (обеих групп) признаков, составляющих содержание их мыслей. При сравнении на графике линий, обозначающих атрибутивные и субъективные признаки, можно наблюдать, что временные промежутки 1–3 и 11–12 мин обозначены понижением значений атрибутивных признаков при увеличении значений субъективных признаков. Во временном промежутке 9–10 мин обозначена обратная тенденция. Значения субъективных признаков понижаются на фоне увеличения значений атрибутивных и функциональных признаков. Для оценки индивидуальных различий в продуктивности воспроизведения испытуемыми признаков в отмеченные временные промежутки обратимся к анализу зависимости переменных «Время» и «Признаки» от влияния уровня интеллектуального развития на процесс продуцирования мысли. Их взаимодействие в отдельные промежутки

времени свидетельствует о различиях в группах испытуемых с разным уровнем интеллектуального развития в динамике изменения продуктивности воспроизведения признаков, составляющих содержание их (испытуемых) мыслей, в отношении предъявляемого экспериментального материала. Эффект данного взаимодействия был установлен на уровне статистической тенденции в отдельные единицы времени всего временного диапазона: на 9–10-й мин ($F=3,321$, $p<0,072$, $\eta^2=0,041$) и 14–16-й мин ($F=3,142$, $p<0,080$, $\eta^2=0,039$). Так, для группы испытуемых с показателем IQ в пределах среднестатистической возрастной нормы данные промежутки времени обозначены влиянием показателя IQ на время продуцирования и продуктивность воспроизведения признаков. Как видно на рисунке 5, в первом временном промежутке испытуемые при описании предмета обращались к его существенным, неотъемлемым признакам, во втором временном промежутке – к признакам, характеризующим его назначение в процессе использования (14–15-я мин), а также признакам, отражающим степень полезности, личностной значимости предмета для них самих (15–16-я мин). В группе испытуемых с высоким показателем IQ в обозначенные промежутки времени продуктивность воспроизведения признаков имела свои качественные отличия. Для данной группы испытуемых (рисунок 5) временной промежуток 9–10 мин отмечен увеличением значений функциональных признаков при уменьшении атрибутивных и субъективных призна-

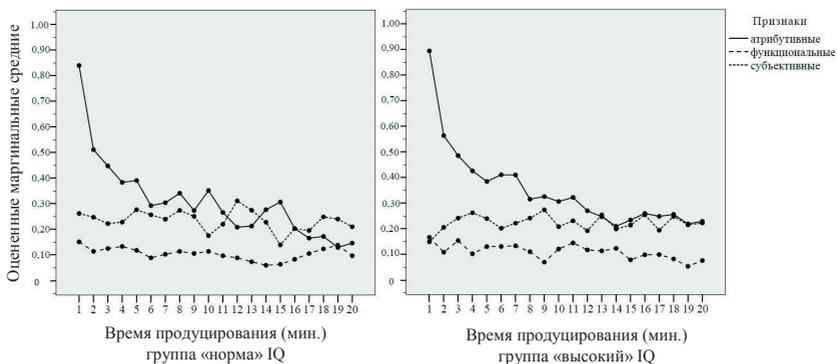

Рис. 5. Оцениваемые маргинальные средние для измерения параметров «Признаки» и «Время продуцирования» в группах испытуемых с разным уровнем интеллектуального развития

ков, в то время как в промежутках 14–15 и 15–16 мин наблюдается увеличение атрибутивных и субъективных признаков при уменьшении функциональных.

Особый интерес при анализе индивидуальных различий продуцирования испытуемыми мыслей в отношении предъявляемого экспериментального материала для нас заключался в оценке возможностей разработанной нами методики «Работа с мыслями». Нас интересовали возможности методики в актуализации психических процессов и состояний испытуемых, связанных с проявлением у них способностей мыслительной деятельности. С этой целью нами был проанализирован рельеф психического состояния испытуемых до «включения» в экспериментальную работу и после ее завершения, графическое изображение которого представлено на рисунках 6–7 отдельно по каждой группе испытуемых. В целом можно отметить, что у испытуемых обеих групп наблюдается равновесное психическое состояние. Об этом свидетельствуют симметрично распределенные показатели состояния испытуемых до и после участия в исследовании.

Обратная тенденция наблюдается в группе испытуемых с высоким показателем IQ. Ранговые значения характеристик их психического состояния на уровне «переживания» и «поведения» отмечены положительными сдвигами во всех наблюдениях.

Оценка сдвигов в анализируемых характеристиках психического состояния испытуемых осуществлялась с использованием непараметрического критерия *T* Вилкоксона. Из таблицы 3 видно, что у испытуемых из группы с показателем IQ в пределах средней статистической возрастной нормы статистически достоверные различия обнаружены в уровне выраженности по большинству характеристик психических процессов, в то время как в группе испытуемых с высоким показателем IQ таковые отмечены лишь в двух характеристиках (эмоциональные и волевые процессы). При этом следует отметить, что, согласно ранговым статистикам, для первых характерен отрицательный сдвиг, для вторых – положительный сдвиг. В отношении остальных параметров психического состояния – «Переживание» и «Поведение» – испытуемые обеих групп различаются по составу характеристик, описывающих данные параметры, и направлению сдвига в них. Так, для группы испытуемых с показателем IQ в пределах средней статистической возрастной нормы направление сдвига отмечено превалированием отрицательных ранговых значений в анализируемых характеристиках их состояния.

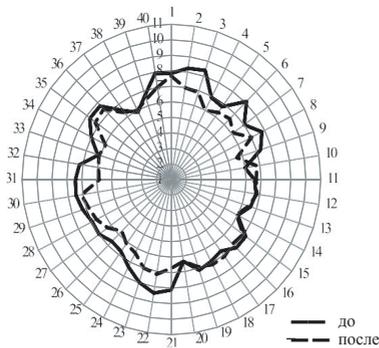

Рис. 6. Рельеф психического состояния до начала выполнения задания и после его завершения у испытуемых с показателем IQ в пределах нормы ($n = 31$)

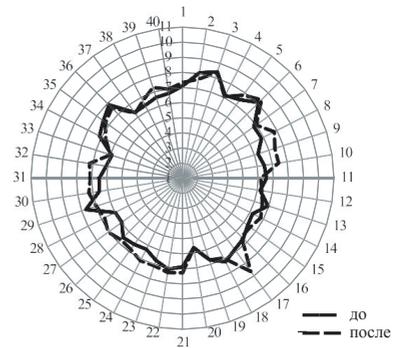

Рис. 7. Рельеф психического состояния до начала выполнения задания и после его завершения у испытуемых с высоким показателем IQ ($n = 48$)

Здесь и далее «рельеф» представляет собой перечень признаков структуры психического состояния и содержит 40 основных характеристик психического состояния, выделенных в четыре блока (структуры): **психические процессы** – (1) ощущение (чувствительность к внешним обстоятельствам), (2) четкость, осознанность восприятия, (3) особенности представлений, (4) память, (5) мышление, (6) воображение, (7) речь, (8) эмоциональные процессы, (9) волевые процессы, (10) внимание; **физиологические реакции** – (11) температурные ощущения, (12) состояние мышечного тонуса, (13) координация движений, (14) двигательная активность, (15) сердечно-сосудистая система, (16) проявления со стороны органов дыхания, (17) состояние потоотделения, (18) ощущения со стороны желудочно-кишечного тракта, (19) состояние слизистой оболочки полости рта, (20) окраска кожных покровов; **переживания** – радость/печаль: (21) тоскливость/веселость, (22) грусть/оптимистичность, (23) печаль/задорность (страстность, запальчивость), активность/пассивность переживаний: (24) пассивность/активность, (25) сонливость/бодрость, (26) вялость/бойкость (живость, проворность, оживленность), интенциональность (направленность) переживаний: (27) опускает (погружает)/поднимает (возвышает), (28) напряжение/раскрепощение, (29) тяжесть (трудность)/легкость, (30) скованность/раскованность (свобода); **поведение** – (31) пассивность/ активность, (32) непоследовательность (хаотичность)/последовательность (целеустремленность), (33) импульсивность/размеренность (равномерность), (34) необдуманность/продуманность, (35) неуправляемость (бесконтрольность)/управляемость (контроль), (36) неадекватность (несоответствие)/ адекватность, (37) ослабленность/напряженность, (38) неустойчивость (сомнение)/устойчивость (стабильность, равновесие), (39) неуверенность (сомнение)/уверенность, (40) закрытость (замкнутость)/открытость

Таблица 3

Различия в психическом состоянии в группах испытуемых с различным показателем IQ в ходе выполнения методики «Работа с мыслями»

Параметры и характеристики психического состояния	Группа «норма IQ» (n = 31)						Группа «высокий IQ» (n = 48)					
	До		После		T/Вилкоксона		До		После		T/Вилкоксона	
	M	SD	M	SD	Z	p	M	SD	M	SD	Z	p
Четкость, осознанность восприятия*	8,26	2,16	7,00	2,52	-2,04	0,042	—	—	—	—	—	—
Особенности представлений*	8,39	1,98	6,90	2,40	-3,08	0,002	—	—	—	—	—	—
Воображение*	8,13	2,50	6,55	3,04	-2,24	0,025	—	—	—	—	—	—
Эмоциональные процессы*	—	—	—	—	—	—	6,83	2,96	7,77	2,12	-2,38	0,017
Волевые процессы*	7,29	2,66	5,61	2,74	-2,51	0,012	6,21	3,30	7,38	2,30	-2,38	0,017
Тоскливость—веселость**	8,06	2,03	6,68	2,65	-2,40	0,016	—	—	—	—	—	—
Грустность—оптимистичность**	8,35	2,17	7,13	2,59	-2,18	0,030	—	—	—	—	—	—
Печаль—задорность (страстность, запальчивость)**	7,90	2,36	6,94	2,06	-2,01	0,045	—	—	—	—	—	—
Пассивность—активность переживаний**	—	—	—	—	—	—	6,27	2,77	7,13	2,49	-1,96	0,050
Опускает (погружает)—поднимает (возвышает)**	—	—	—	—	—	—	5,96	2,51	7,06	2,09	-2,85	0,004
Непоследовательность (хаотичность)—последовательность (целенаправленность)***	7,19	2,32	5,90	2,49	-2,83	0,005	6,10	2,60	7,21	2,19	-3,36	0,001
Необдуманность—продуманность***	6,97	2,39	5,90	2,12	-2,31	0,021	—	—	—	—	—	—
Неуверенность (сомнение)—уверенность***	—	—	—	—	—	—	6,63	2,70	7,31	2,27	-2,13	0,033

Примечание: * — характеристики психического состояния, относящиеся к параметру «психические процессы», ** — характеристики психического состояния, относящиеся к параметру «переживания», *** — характеристики психического состояния, относящиеся к параметру «поведение».

Исходя из полученных результатов, можно сделать содержательный вывод о том, что чем выше уровень интеллектуального развития, тем более развиты процессы внутренней регуляции в актуализирующейся системе природно обусловленных способностей субъекта мыслительной деятельности.

Обсуждение результатов

Результаты проведенного исследования явились свидетельством высказанного нами предположения о том, что способность порождать мысли и устанавливать отношения между образами воспринимаемых предметов и их признаками будет характеризовать интеллект человека. Полученные данные на материале исследования студентов-психологов свидетельствуют о том, что чем выше у них уровень интеллектуального развития, тем продуктивнее и эффективнее осуществляется развертывание ими мыслительной деятельности. По мере увеличения времени на восприятие предъявляемого предмета продуктивность порождения мыслей возрастала. Наблюдаемый результат может являться свидетельством развитой системы природнообусловленных (индивидуальных) способностей мыслительной деятельности (Веккер, 1998; Савельев, 2009). В нашем исследовании у студентов мы изучали «флюидные способности» (Cattell, 1963), относящиеся к первичному уровню функциональной системы мыслительной деятельности, с опорой на которые они могли демонстрировать продуктивность этой деятельности. На уровне качественного анализа мыслительной деятельности испытуемых, а именно выделения ими признаков предмета, составляющих содержание их мыслей, мы пришли к выводу, что для лиц с высоким уровнем интеллектуального развития характерно обозначать существенные, неотъемлемые признаки предмета в отличие от случайных, преходящих его состояний.

Отсюда атрибутивность как свойство, характеризующее их мысль, мыслительную способность, в ходе ее продуцирования определяет качественную сторону этого процесса. В динамике восприятия ими предмета наблюдается превалирование атрибутивных признаков в начале и середине процесса, однако далее, ближе к концу, «включаются» признаки, которые отражают степень полезности, значимости предмета для самого испытуемого. Последние в содержание мысли испытуемых привносят субъективность. Здесь мож-

но отметить, что продуцирование мысли при высоком уровне интеллектуального развития протекает с опорой на атрибутивные и субъективные признаки воспринимаемого предмета. Субъект вначале размышляет преимущественно о существенных, неотъемлемых признаках. Это его действие сохраняется до конца восприятия предмета, однако к завершению данного процесса он прибегает к индивидуальному опыту взаимодействия с предметом. Например, в одном из наблюдений субъективные свойства мысли, наблюдаемые у испытуемого в ходе восприятия им экспериментального материала (оптический диск), опредмечивались такими признаками, как «кондовый», «британский», «неудачный», «тоскливый». Таким образом, мы видим, что размышления данного субъекта в отношении воспринимаемого предмета содержат в себе личностный смысл и определяются имеющимся у него индивидуальным опытом взаимодействия с ним.

По мере уменьшения интеллектуального потенциала у субъекта наблюдается расширение диапазона мыслительных действий с опорой на атрибутивные и субъективные признаки воспринимаемого предмета, а к концу этого процесса — на функциональные признаки. Если в самом начале воспроизведения субъект мыслит, главным образом, выделяя атрибутивные признаки предмета, то далее наряду с атрибутивностью его мысли проявляется и субъективность. Последняя выражена неравномерно, т. е. характеризуется периодами резкого убывания и возрастания. По завершению данного процесса субъект обращается к признакам предмета, которые характеризуют его (предмет) назначение в процессе использования или взаимодействия с ним. Подобное, на наш взгляд, объясняется несформированностью отдельных операций мышления. Отсюда можно заключить, что чем выше уровень развития данных операций, тем выше продуктивность продуцирования мысли с опорой на атрибутивные признаки, составляющие ее содержание. Таким образом, чем более выражен интеллектуальный потенциал субъекта в его мыслительной деятельности, тем очевиднее становится содержательная обработка воспринимаемого предмета с опорой преимущественно на существенные, внутренне присущие ему признаки. В случае слабого развития интеллектуальных способностей более заметны действия, направленные на выделение признаков предмета, содержащих в себе его личностную значимость для самого субъекта и характеризующих его предназначение.

Другим значимым результатом исследования процесса продуцирования мысли является установление периода времени, когда в этом процессе проявлялись отдельные признаки воспринимаемого предмета. Исходя из данных экспериментального исследования, можно выделить три таких периода: начало, середина и конец. В зависимости от уровня интеллектуального развития каждый из выделенных периодов имеет свой временной диапазон и характеризуется индивидуальной мерой выраженности признаков предмета, составляющих содержание мысли испытуемого. Экспериментальные данные свидетельствуют о том, что в выделенные промежутки времени обозначены различия в динамике воспроизведения признаков предъявляемого предмета. Различия в ходе содержательной обработки признаков воспринимаемого предмета, как правило, были обозначены в середине и в конце. У лиц с высоким уровнем интеллектуального развития обозначено увеличение значений функциональных признаков при уменьшении атрибутивных и субъективных признаков, в то время как к концу процесса наблюдается увеличение атрибутивных и субъективных признаков при уменьшении функциональных признаков. По мере понижения уровня интеллектуального развития отмеченные периоды характеризуются неравномерной динамикой увеличения субъективных признаков воспринимаемого предмета (середина и конец), а также функциональных признаков (конец), при уменьшении атрибутивных.

Результатом разворачивания мыслительной деятельности и актуализации в ней способностей субъекта является динамика изменений отдельных психических процессов, состояний и свойств его личности, включенных в эту деятельность. Как показывают результаты оценки эффекта экспериментального воздействия с использованием методики «Работа с мыслями» у лиц с высоким показателем интеллекта в их мыслительной деятельности актуализируются эмоциональные и волевые процессы. По мере осознания цели выполняемой деятельности и прилагаемых усилий на ее решение, сопровождающихся повышением активности их (усилий) переживаний, у них при содержательной обработке воспринимаемого материала увеличивается уверенность в правильности своих действий. В случае невыраженного интеллектуального развития (среднестатистическая возрастная норма) на фоне высоких значений оцениваемых показателей более заметно их понижение до значения «обычная, неизменная характеристика данного показателя» (Прохоров, 1997), поэто-

му здесь чем ниже у субъекта уровень интеллектуального развития, тем более у него представлена внутренняя регуляция его деятельности. Отсюда проявление у субъекта достаточно высокого потенциала психической активности вначале мыслительной обработки воспринимаемого материала обеспечивает мобилизацию его усилий и далее оптимизирует его деятельность. Действия приобретают черты последовательности, продуманности, а переживания проникнуты оптимизмом и увлеченностью. Таким образом, переживания субъекта, сопровождающиеся повышением энергетической составляющей (веселость, оптимистичность, «задорность») в ходе развертывания мыслительной деятельности, активизируют интеллектуальные функции, приводящие к оптимальной содержательной обработке воспринимаемого материала.

Заключение

В настоящем исследовании предложен подход к пониманию особенностей мыслительной деятельности человека, основанный на анализе способности порождать мысли. Обратившись к изучению продуктивности порождения мысли у лиц с разным уровнем интеллектуального развития, мы смогли обнаружить, что эта продуктивность:

- во-первых, достигается посредством количества воспроизведенных признаков в зависимости от времени, затраченного на продуцирование мыслей в отношении воспринимаемого предмета;
- во-вторых, характеризуется динамикой индивидуальной меры выраженности признаков воспринимаемого предмета, составляющих содержание мысли, в отдельные периоды времени их продуцирования (начало процесса, его середина и конец);
- в-третьих, проявляется за счет потенциала психической активности личности (психических процессов, состояний и свойств), актуализирующегося в мыслительной деятельности.

Полученные результаты открывают новые перспективы в отношении исследования умственных действий субъекта в его мыслительной деятельности и условий их актуализации в учебных целях, а также открывают возможности для построения малопараметрических моделей дифференциальной диагностики субъектно-личностных характеристик процесса порождения мысли.

Приложение 3

Психологическая теория способностей и одаренности

Несмотря на тысячелетнюю историю интереса к проблемам способностей и одаренности человека, до настоящего времени мы не располагаем теорией (или теориями) способностей. Об этом писали С. Л. Рубинштейн и Б. М. Теплов.

В экспериментальном (эмпирическом) плане способности стали изучаться со второй половины XIX в. Поворотным моментом в исследовании способностей стали работы Кэттелла, который предложил в 1890 г. определять интеллектуальную физиономию индивида при помощи целого ряда опытов, названных им «умственными тестами» (mental test) и статьи Бине и Анри (1896), помещенной в *Annee psychologique*, относительно индивидуальной психологии. Большую роль сыграла публикация Бине и Симона «Метрическая шкала одаренности», заложившая основы тестологии. С этого момента число новых тестов стало расти в геометрической прогрессии.

Подводя итог данному периоду исследований по психологии способностей, известный швейцарский психолог Эд. Клапаред в 1923 г., пробуя дать определение способностей, отмечал сложность этой задачи. В наиболее общей форме, отмечал он, способность можно определить как всякое психологическое или физическое свойство индивида, взятое под углом зрения его практического применения (реализации). Однако при таком определении, отмечал Клапаред, способность оказывается очень широким понятием, затрагивающим все психические явления (Клапаред, 1927). Стараясь уточнить

* Доклад на теоретическом семинаре в НУЛ Психологии способностей Департамента психологии Факультета социальных наук НИУ ВШЭ (25 февраля 2019 г.).

это общее определение, Клапаред выделил в понятии «способности» следующие четыре существенных элемента:

- идею практического применения;
- идею индивидуальной дифференциации (своеобразия);
- раздельность способностей и навыков;
- идею природного предрасположения (там же, с. 12–16).

В отечественной психологии к проблеме определения понятия способности обращается Б. М. Теплов. Он также выделил четыре признака, входящие в понятие «способности» при употреблении его в практически разумном контексте:

1. Это свойства, которые имеют отношение к успешности выполнения какой-либо деятельности или многих деятельностей.
2. Это индивидуально-психологические особенности, отличающие одного человека от другого.
3. Понятие «способность» не сводится к тем знаниям, навыкам или умениям, которые уже выработаны у данного человека.
4. Способности по существу дела не могут быть врожденными*. «Способность не может возникнуть вне соответствующей конкретной деятельности... Не в том дело, что способности проявляются в деятельности, а в том, что они создаются в этой деятельности» (Рубинштейн, 1960, с. 20).

Сравнение признаков способностей, приводимых Клапаредом и Тепловым, показывает, что они близки по трем позициям. Принципиальные расхождения наблюдаются только в отношении врожденности или приобретенности способностей. Но это принципиальное расхождение.

Отметим также, что сам Б. М. Теплов писал: «Я не предлагаю дать общую теорию одаренности, не предлагаю даже развить какую-либо гипотезу о том, какова должна быть такая теория. В настоящее время это еще не исполнимо. Общая теория должна создаваться в результате большой работы по изучению конкретных фактов и частных закономерностей» (Теплов, 1985, с. 15).

Практически в это же время С. Л. Рубинштейн, рассматривая вопросы теоретической разработки проблемы способностей, писал:

* В большинстве работ ссылаются на три первые признака способностей. Но основная дискуссия идет по вопросу о «врожденности» способностей (задатках), которые мы отнесли к четвертому признаку.

«Термин „способности“ в определениях, представленных в литературе, указывает только на то, что это нечто (способности) обуславливает успех в деятельности, но ничего не говорится о том, что есть это нечто» (Рубинштейн, 1960, с. 9). Рубинштейн считал первоочередной задачей психологии определить состав и структуру способностей (там же, с. 8).

За последние годы, прошедшие после работ Б. М. Теплова и С. Л. Рубинштейна, опубликованы сотни статей, посвященных отдельным направлениям изучения способностей. В значительной мере они представлены в публикациях «Психологического журнала», начиная с 1980 г. В этих публикациях рассматривались вопросы: классификации способностей (Воронин, 2018; Ильин, 1987); влияние среды на диагностику способностей и формирование креативности (Дружинин, 1991; Дружинин, Хазратова, 1994); проявление способностей в когнитивных стилях (Холодная, 1992, 1996); проблемы измерения способности (Богоявленская, 1995; Корнилов, Григоренко, 2010; Русалов, Наумова, 1999); личностная детерминация способностей (Артемова, 1984; Васильев и др., 2006; Корнилова, Новикова, 2011; Чумакова, 2013).

Значительное число работ посвящено эмоциональному интеллекту, креативности, проблемам интеллекта, метакогнитивным процессам, механизмам специальных способностей, способностям и проблемам выбора, духовному аспекту способностей и интеллекта, эволюции интеллектуальной одаренности и другим аспектам.

В последние годы появился ряд интересных работ, рассматривающих проблемы интеллекта, способностей и одаренности (Бабаева, 1997; Воронин, 2004; Дружинин, 2001; Корнилова, 2016; Ларионова, 2011; Панов, 2005; Рабочая концепция одаренности, 1998; Ушаков, 2003; Холодная, 1996; Шумакова, 2004; Юркевич, 1996; и др.).

Следует отметить формирование научных коллективов, работающих над проблемами интеллекта, способностей и одаренности, прежде всего, в Институте психологии РАН. Получен ряд интересных моделей интеллекта и одаренности, значительные успехи достигнуты в прикладных исследованиях.

Понятие «способности» используется в работах по изучению интеллекта достаточно широко, и оно наполняется специфическим содержанием: в одних работах структура общего интеллекта рассматривается как единая способность, в других – в структуре интеллекта выделяют отдельные «способности»: символические, простран-

венно-изобразительные и семантические, выделяют специфические способности, отвечающие за успешное решение конкретных тестовых задач: математические, лингвистические, механические; в ряде случаев в качестве отдельных способностей рассматривают обучаемость, креативность, общий интеллект, выделяют способности приобретения, применения и преобразования когнитивного опыта. Ряд исследователей в структуре интеллекта выделяют когнитивные, психомоторные, психорегуляторные и коммуникативные способности.

Важно подчеркнуть, что в большинстве случаев об отдельных способностях говорят на основе тестовых заданий. Серьезной теоретической проработки вопроса «Что понимать под отдельными способностями?» не проводится.

Об ограниченности тестового подхода к определению сущности психологических понятий на примере изучения интеллекта М. А. Холодная пишет: «Долгие годы монополия в изучении интеллектуальных возможностей человека, как известно, принадлежала тестологии. Именно в рамках этого направления оформилось понятие «интеллект» в качестве научной психологической категории, именно тестология, имея почти 100-летнюю историю исследования этого психического качества, вынуждена была признать свое полное бессилие в определении его природы» (Холодная, 1997, с. 16).

Подводя итог, можно сказать, что вопрос, сформулированный С. Л. Рубинштейном, что же такое способности, остается открытым.

Авторское определение способностей

В настоящей статье, опираясь на литературные данные и результаты собственных эмпирических исследований (Шадриков, 2007; Шадриков, Черемошкина, 1990), делается попытка ответить на вопрос: «Что же такое способности и одаренность?».

Для понимания, что такое способности и какое место они занимают в системе ментальных качеств, нам представляется продуктивным обратиться к классификации психологических функций и одаренности, предложенной Рубинштейном (Рубинштейн, 1935, с. 477–478).

Он писал, что психологическая функция характеризуется аналитичностью и абстрактностью, соотносённостью с миром, определяемым в категориях диалектической логики; одаренность же, в противоположность психологической функции, характеризуется

синтетичностью и конкретностью. В таблице 1 это отражено в первых двух строках.

Таблица 1
Признаки психологической функции,
одаренности и способности

	Аналитичность	Синтетичность	Абстрактность	Конкретность
Психологическая функция	+		+	
Одаренность		+		+
Способность	+			+

Способность в этой таблице могла бы занять третью строчку и характеризоваться аналитичностью и конкретностью; соотношенностью с миром, но с конкретными его выражениями. Способность выступает как конкретизация психологической функции, как ее конкретное проявление. Мы способны видеть, запоминать, мыслить и пр. по отношению к конкретным проявлениям внешнего мира.

А так как любая психологическая функция имеет природный механизм в виде физиологической функциональной системы, реализующей эту функцию, то можно сделать вывод, что способности являются атрибутом (свойством) функциональных систем, реализующих определенную психическую функцию.

Это свойство функциональных систем и является *общей природной способностью*, отнесенной к *конкретной психической функции*.

В качестве примера можно привести всем знакомую функциональную систему зрительного восприятия, которая состоит из периферической части (системы организованных фоторецепторов), зрительной коры и проводящих путей. Каждый элемент зрительной системы обладает своими специфическими свойствами и в своей совокупности они образуют систему, которая обладает новым качеством — способностью восприятия. Способности в этом случае выступают как системное свойство (качество) функциональной системы зрительного восприятия. Способность восприятия будет одной из *общих* способностей человека, выступающей конкретным проявлением психической функции (рисунки 1–5).

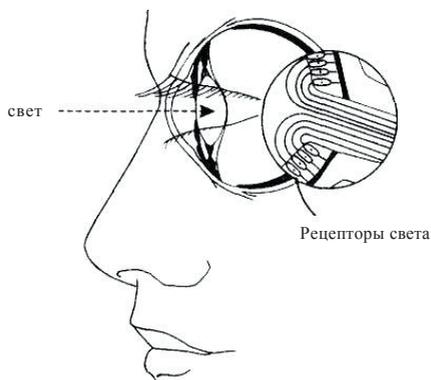

Рис. 1. Зрительная система

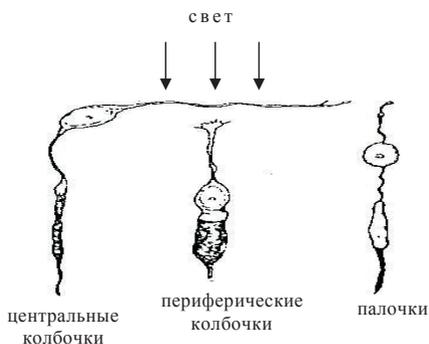

Рис. 2. Фоторецепторы.

1 – центральные колбочки; 2 – периферические колбочки; 3 – палочки. Стрелками показано направление падающего света

Учитывая вышеизложенное, мы имеем основание определить способности как *свойства функциональных систем, реализующих отдельные психические функции**.

Определив способности с позиции общего, мы можем рассмотреть их с позиции единичного. С позиции единичного, отдельно-

* Опираясь на данное определение, мы приобретаем критерий для выделения способностей. С этих позиций мы можем выделить не только познавательные и психомоторные способности, но и способности эмоциональные, способности желать и хотеть.

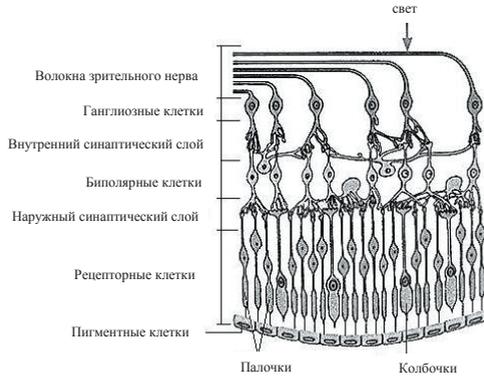

Рис. 3. Горизонтальная организация сетчатки.

1 – волокна зрительного нерва; 2 – ганглиозные клетки; 3 – внутренний синаптический слой; 4 – амакриновые клетки; 5 – биполярные клетки; 6 – горизонтальные клетки; 7 – наружный синаптический слой; 8 – ядра рецепторов; 9 – рецепторы; 10 – пигментный слой (эпителиальные клетки). Стрелками показано направление падающего света

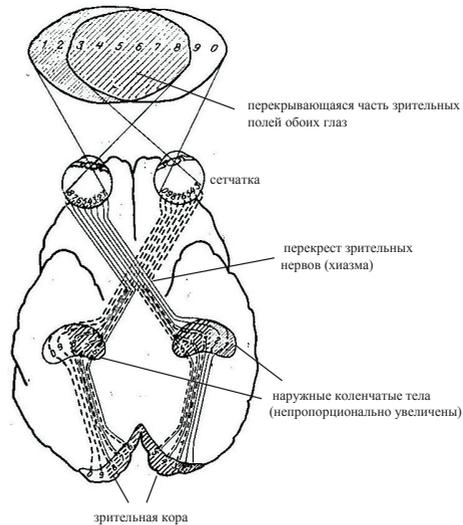

Рис. 4. Зрительная система.

1 – перекрывающаяся часть зрительных полей обоих глаз; 2 – сетчатка; 3 – хиазма; 4 – наружные коленчатые тела (непропорционально увеличены); 5 – зрительная кора

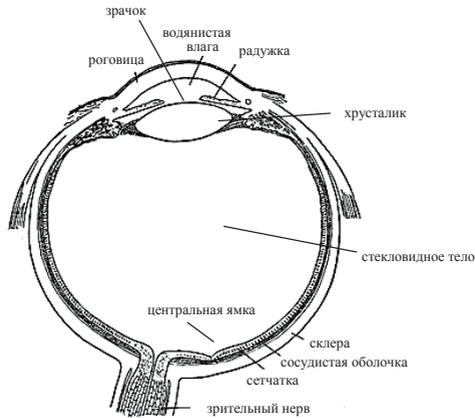

Рис. 5. Строение глаза.

1 – наружные мышцы; 2 – роговица; 3 – водянистая влага; 4 – зрачок; 5 – радужка; 6 – хрусталик; 7 – цилиарная мышца и связка; 8 – стекловидное тело; 9 – центральная ямка; 10 – склера; 11 – зрительный нерв

го, индивидуальной способности будут определяться тем, как общее свойство (конкретная способность воспринимать, запоминать и т. д.) выражено у *конкретного* индивида. Единичное будет представлено *мерой* выраженности свойства у конкретного индивида. Вполне естественно, что мера выраженности этого общего свойства у отдельных индивидов будет различной. На этом этапе появляется проблема индивидуальных различий в способностях как мера выраженности общей способности.

И тогда мы можем дополнить приведенное выше определение и сказать, что *способности* есть свойства функциональных систем, реализующих отдельные психические функции, имеющие индивидуальную меру выраженности и проявляющиеся в успешности и качественном своеобразии освоения и реализации деятельности.

Данное определение способностей реализует принцип психофизического единства в его первой части – единства строения и функции (Рубинштейн, 1999, с. 26).

Связав способности с функциональными системами, реализующими познавательные психические функции, продолжим этот анализ. Согласно взглядам Б. Г. Ананьева, психические функции в их развитии проявляются как развитие *функциональных, операционных и мотивационных механизмов* (Ананьев, 1977).

Функциональные механизмы на раннем этапе возникновения реализуют филогенетическую программу и складываются задолго до возникновения операционных механизмов. Между функциональными и операционными механизмами существуют сложные взаимодействия.

Для развития операционных механизмов требуется определенный уровень функционального развития.

В свою очередь, развитие операционных механизмов переводит в новую фазу развития и функциональные механизмы, их возможности прогрессивно возрастают, повышается уровень системности.

Операционные механизмы не содержатся в самом мозге — субстрате сознания, они усваиваются индивидом в процессе воспитания, образования, в общей его социализации и носят конкретно-исторический характер.

Функциональные механизмы относятся к характеристикам человека как индивида, операционные как субъекта деятельности, мотивационные как индивида и личности.

Изучение процессуального хода и состава мыслительной деятельности человека как ее субъекта осуществил С.Л. Рубинштейн. Им была решена задача состава мышления, выделены основные мыслительные операции: анализ, синтез, абстракция, обобщение. «По мере того, — писал Рубинштейн, — как в процессе мышления складываются определенные операции — анализа, синтеза, обобщения, по мере того, как они генерализуются и закрепляются у индивида, формируется мышление как способность, складывается интеллект» (Рубинштейн, 1958, с. 47).

Для диагностики и изучения способностей субъекта деятельности нами был предложен метод развертывания мнемической деятельности (рисунок 6), который позволяет в мнемической деятельности выделить природные мнемические способности и систему действий-операций, которую мы объединили в категорию интеллектуальных операций, характеризующих способности субъекта деятельности (Шадриков, Черемошкина, 1990).

Выделяются следующие показатели диагностики развития мнемических способностей:

- 1) продуктивность функциональных механизмов;
- 2) продуктивность операционных механизмов:
 - время включения операционных механизмов;
 - набор применяемых способов запоминания и воспроизведения;

- 3) умение субъекта управлять процессом запоминания;
- 4) эффективность реализации ψ -функции с учетом функциональных и операционных механизмов (производительность, качество и надежность проявления способности).

Результаты исследования способностей индивида и субъекта деятельности (эмпирическое подтверждение теоретических положений)

На основе описанного метода была проведена серия эмпирических исследований. Первая серия была посвящена изучению развертывания мнемической деятельности: от индивида к субъекту мнемической деятельности. Исследование было проведено в двух вариантах: на графическом и на цифровом материале. Цель исследования состояла в том, чтобы вычлнить при развертывании мнемической деятельности процесс запоминания: с использованием функциональных механизмов и с использованием функциональных и операционных механизмов. Испытуемым давалась инструкция: «Сейчас я покажу тебе карточку, на которой нарисована фигура (цифры). Эту фигуру ты должен постараться запомнить, а потом нарисовать. Я буду показывать тебе карточку на короткий отрезок времени, и, если ты ее не запомнишь, не волнуйся, я покажу еще раз, и мы будем повторять это столько раз, сколько потребуется для того, чтобы ты запомнил и нарисовал. Словом „внимание“ я буду предупреждать тебя о том, что сейчас покажу карточку, а ты должен приготовиться. Когда я закрою карточку, ты можешь начинать работать».

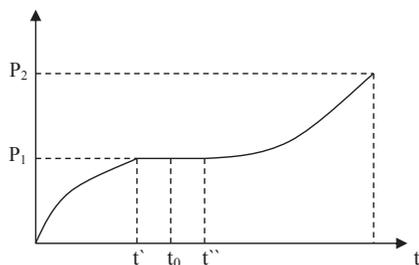

Рис. 6. Развертывание мнемической деятельности.

P — эффективность мнемической деятельности: t — время экспозиции стимула

Эксперимент на графическом материале проводила Л. В. Черемошкина*.

Графический материал был выбран потому, что его воспроизведение требовало от испытуемого только навыков проведения прямых линий. Это позволяло использовать методику с испытуемыми в возрасте начальной школы и более старших без ограничений по возрасту. Эмпирический материал дополнялся серией вопросов к испытуемому, направленных на выявление интеллектуальных операций, использованных для запоминания.

На рисунке 7 приведен графический материал, использованный Л. В. Черемошкиной; на рисунке 8 – цифровой материал В. О. Ушакова. Таблица 2 содержит данные по количеству используемых операций при запоминании цифрового стимульного материала с разным количеством цифр.

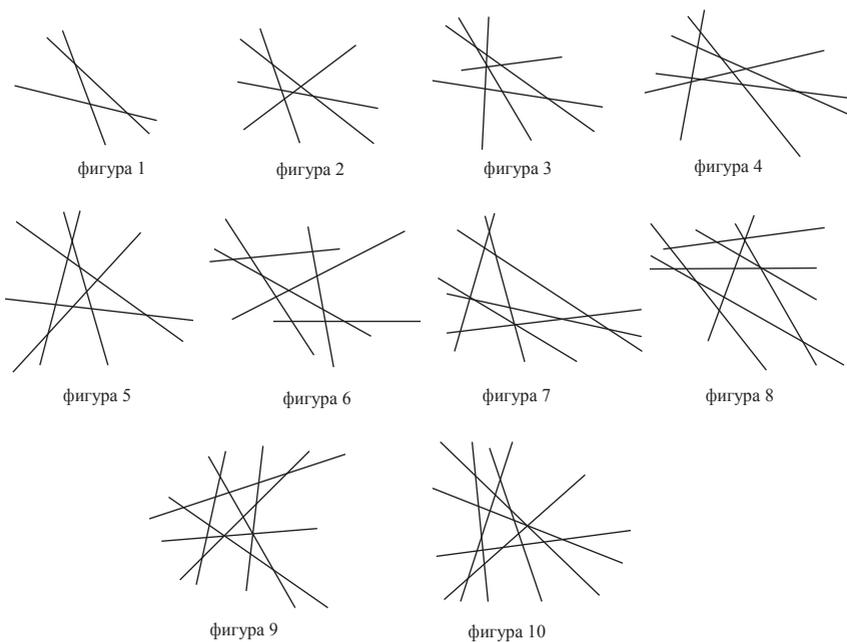

Рис. 7. Графический материал

* Более подробно процедура исследования описана в монографии: Шадриков, Черемошкина, 1990.

Рис. 1

3	17
10	6

Рис. 2

7	14	16
23	11	5

Рис. 3

8	27	11
44	28	6
13	34	17

Рис. 4

2	13	1	8
17	6	25	7
22	18	3	15
19	5	12	24

Рис. 5

14	9	2	21	13
22	7	16	5	10
4	25	11	18	3
20	6	23	8	19
15	24	1	17	12

Рис. 6

3	17	21	8	4
10	6	15	25	13
24	20	1	9	22
19	12	7	14	16
2	18	23	11	5

Рис. 7

5	21	23	4	25
11	2	7	13	20
24	17	19	6	18
9	1	12	8	14
16	10	3	15	22

Рис. 8

19	30	45	86	37	67
82	22	47	79	56	42
34	11	26	9	23	76
69	24	28	77	66	60
39	53	52	3	5	29
4	72	13	81	33	40

Рис. 9

2	13	1	8	20
17	6	25	7	11
22	18	3	15	19
10	5	12	24	16
14	23	4	9	21

Рис. 10

8	9	24	20	15	6	19
4	5	12	1	24	13	23
14	18	17	22	2	11	6
22	11	7	21	8	3	9
2	7	16	23	19	16	3
13	1	21	5	10	25	17
15	10	18	20	4	14	12

Рис. 8. Цифровой материал

Как видно из таблицы 2, запоминание первого и второго рисунков осуществляется с опорой на природную, непосредственную память. В дальнейшем при усложнении рисунков начинают включаться в процесс запоминания интеллектуальные операции. В этом наблюдаются существенные индивидуальные различия, отражающие индивидуальную меру выраженности природной составляющей памяти. На третьем рисунке происходит включение в процесс запоминания интеллектуальных операций у 37,5% испытуемых, на четвертом рисунке – у 96,8% испытуемых. При запоминании последующих рисунков все испытуемые начинают использовать интеллектуальные операции при решении мнемических задач. Одновременно увеличивалось количество предъявлений, потребовавшихся для решения задачи.

Уже исследования мнемических способностей позволили выделить конкретные операционные механизмы мнемических способностей и показать уровни развития мнемических способностей (Шадриков, Черемошкина, 1990).

Таблица 2

Количество используемых интеллектуальных операций при запоминании разных рисунков (цифровой материал)

№ исп.	Количество используемых интеллектуальных операций									
	А	Б	В	Г	Д	Е	Ж	З	И	К
1	0	0	0	5	9	10	9	9	9	9
2	0	0	0	3	7	9	9	9	9	10
3	0	0	0	3	5	5	5	5	5	7
4	0	0	0	3	5	7	7	7	7	9
5	0	0	0	2	5	7	7	7	6	8
6	0	0	3	8	8	9	9	9	9	11
7	0	0	3	4	7	9	8	9	8	11
8	0	0	0	5	5	6	6	7	6	8
9	0	0	3	7	8	8	8	8	8	10
10	0	0	0	0	6	7	6	7	6	7
11	0	0	0	3	7	9	8	8	7	8
12	0	0	0	4	5	5	4	5	4	6
13	0	0	3	5	6	6	5	6	5	7
14	0	0	3	5	7	8	7	7	7	10
15	0	0	0	4	7	9	8	9	9	9
16	0	0	2	5	6	7	6	7	7	9
17	0	0	4	6	10	10	9	9	8	9
18	0	0	4	7	9	10	9	9	8	9
19	0	0	0	3	4	4	4	5	5	7
20	0	0	0	4	7	7	7	7	7	9
21	0	0	3	5	8	9	8	8	7	9
22	0	0	0	3	5	7	7	8	7	9
23	0	0	0	3	6	7	6	7	7	9
24	0	0	0	4	5	8	8	9	9	10
25	0	0	0	2	5	7	7	8	8	9
26	0	0	0	2	4	7	8	8	8	9
27	0	0	2	4	5	8	8	9	9	10
28	0	0	0	2	6	7	8	8	7	9
29	0	0	0	4	6	6	7	8	8	10
30	0	0	2	4	6	9	9	9	9	10
31	0	0	0	2	5	7	7	8	7	9
32	0	0	3	5	8	8	8	9	8	10
Сред.	0	0	1,09	3,94	6,31	7,56	7,25	7,75	7,31	8,94

Виды операционных механизмов:

- *группировка* – разбиение материала на группы по каким-либо основаниям (смыслу, ассоциациям, законам гештальта и т. д.);
- *опорные пункты* – выделение какого-либо кратного пункта, служащего опорой более широкого содержания (тезисы, заголовки, вопросы, образы излагаемого в тексте, примеры, цифровые данные, сравнения, имена, эпитеты, незнакомые или малознакомые слова, чем-либо выделяющиеся выражения, эмоциональная реакция субъекта и т. д.);
- *мнемический план* – совокупность опорных пунктов;
- *классификация* – распределение каких-либо предметов, явлений, понятий по классам, группам, разрядам на основе определенных общих признаков;
- *структурирование* – установление взаимного расположения частей, составляющих целое, внутреннее построение запоминаемого;
- *систематизация* – установление определенного порядка в расположении частей целого и связей между ними;
- *схематизация* – изображение или описание чего-либо в основных чертах или упрощенное представление запоминаемой информации;
- *анalogии* – установление сходства, подобия в определенных отношениях предметов, явлений, понятий, в целом различных;
- *мнемотехнические приемы* – совокупность готовых, известных способов запоминания;
- *перекодирование* – вербализация или проговаривание, называние, представление информации в образной форме, преобразование информации на основе семантических, фонематических признаков и т. д.;
- *доставление запоминаемого материала* – привнесение в запоминаемое субъектом: использование вербальных посредников; объединение и привнесение чего-либо по ситуативным признакам; распределение по местам (метод локальной привязки, или метод мест);
- *сериационная организация материала* – установление или построение различных последовательностей: распределение по объему, распределение по времени, упорядочение в пространстве и т. д.;
- *ассоциация* – установление связей по сходству, смежности или противоположности и т. д.;

- *повторение* как сознательно контролируемые или неконтролируемые процессы циркуляции информации целесообразно выделить в качестве отдельного способа запоминания, учитывая его универсальность и фундаментальность.

Данные операции были обнаружены и в исследовании на цифровом материале.

В целом, как показала Л. В. Черемошкина, по параметрам использования непосредственного запоминания и опосредованного запоминания, включающего мнемические операции, регулирующие механизмы и формирующиеся функциональные системы мнемических способностей, можно выделить четыре уровня интеграции (таблица 3) (Шадриков, Черемошкина, 1990, с. 79).

Интересные данные были получены в исследовании С. В. Филиной (Филина, 1995). Во-первых, как мы уже отмечали ранее, было показано, что функция восприятия реализуется системой интеллектуальных операций; во-вторых, были выделены два фактора, определяющих успешность восприятия, — это визуальность и семантика. В-третьих, установлено качественное своеобразие операционных механизмов способностей зрительного восприятия, в частности, выделены операции группировки по визуальным признакам и группировки по смысловым признакам. Полученные факты имеют принципиальное значение. Они показывают, что восприятие есть единый процесс построения образа и отражения смысла, осознания значения того, что воспринимается, причем достигается это через использование различных интеллектуальных операций.

Полученные в исследовании результаты во многом определяются разработанной методикой. Испытуемым предлагалось воспринять не обедненную искусственную ситуацию, а целостный жизненный фрагмент, в качестве которого выступала репродукция картины В. Е. Маковского «Без хозяина». Эксперимент проводился в привычной для школьников ситуации (в классе), в реальном масштабе времени, когда ребенок мог рассматривать репродукцию столько времени, сколько ему нужно, а также производить с ней разные манипуляции по собственному желанию (всматриваться, брать в руки, поворачивать, подносить к глазам и т. д.). При этом динамика процесса восприятия изучалась в двух аспектах: как развертывание перцептивной деятельности и как взаимодействие визуальности и семантики.

Таблица 3

Уровни развития мнемических способностей

Уровень развития	Параметры анализа		
	Операционные механизмы (ОМ)	Регулирующие механизмы (РМ)	Функциональная система мнемических способностей (ФСМС)
Первый	Обработка запоминаемого может иметь место на перцептивном уровне, но ОМ не диагностируется	РМ не диагностируется; (контроль внешний по отношению к процессу запоминания: субъект может быть внимателен)	ФСМС сформирована по отношению к функциональным механизмам – додеятельностная память
Второй	ОМ на перцептивно-представительском уровне	Внешний контроль по отношению к процессу запоминания: субъект может сосредоточить внимание на процессе запоминания; создаются условия для появления РМ	ФСМС первого уровня начинает достраиваться ОМ. Сформированы отдельные действия ФСМС: ориентировочные, тенденция к развитию контролируемых действий; формируется мнемическая деятельность
Третий	ОМ на уровне восприятия, памяти, представлений, воображения, мышления	Появляется РМ. Развернуто представлено внутренний контроль: программирующие, контролируемые действия и др. Появляются РМ.	ФСМС второго уровня достраивается системой программирующих, контролируемых и других действий; мнемическая деятельность
Четвертый	ОМ на всех уровнях при доминирующей мыслительной обработке запоминаемого	Внутренний контроль неразрывно слит с процессом запоминания. Сформированы РМ	Развитие ФСМС. Система ФМ и ОМ выступает как единое целое. Развитая мнемическая деятельность

Анализ качественного своеобразия операционных механизмов способностей зрительного восприятия у детей 10–12 лет позволил выявить наиболее характерные для этого возраста перцептивные приемы, среднее число которых невелико и составляет 4,88. Индивидуальные показатели варьировались от 2 до 7.

Был получен следующий перечень операционных механизмов, расположенных по частоте встречаемости в выборке:

- ассоциация (97%);
- группировка по визуальным признакам (97%);

- группировка по смысловым признакам (60%);
- соизмерение (57%);
- выделение опорного пункта (46%);
- перекодирование (40%);
- достраивание (35%);
- структурирование (34%);
- схематизация (21%);
- упорядоченное сканирование (18%);
- сериационная организация материала (15%).

В отношении регулирующих механизмов и степени осознанности процесса восприятия, появление которых дает возможность субъекту управлять в определенной мере процессом восприятия, можно сказать следующее: регулирующие приемы уже появляются у детей этого возраста, хотя в основном это наиболее простые контролирующие действия, связанные с проверкой уже воспринятого (40%), в меньшей степени распространены специальные контролирующие приемы в процессе восприятия (32%) и планирование стратегии осмотра объекта (21%).

Что касается степени осознанности процесса восприятия, то она была достаточно хорошей. Это автор связывает с наличием специальной задачи на восприятие. Лучше всего дети могли осознать наиболее сложные и наиболее простые для восприятия части картины и сложность поставленной перед ними задачи по восприятию смысла картины.

Г. А. Стюхина с использованием методики развертывания мнемической деятельности изучала представленность операционных механизмов у детей *разного возраста*. Результаты приведены в таблице 4 и на рисунке 9.

Из таблицы 4 видно, что процесс развития операционных механизмов осуществляется, как правило, в двух направлениях:

- увеличения количества используемых приемов;
- их усложнения.

Проведенные исследования убедительно показали, что развитие мнемических способностей идет за счет вовлечения в решение мнемической задачи интеллектуальных операций.

Интеллектуализация способностей проявляется в вовлечении интеллектуальных операций в протекание основных психических

Таблица 4

Распределение детей в зависимости от сформированности операционных механизмов (в %)

Виды операционных механизмов	Количество испытуемых			
	6–7 лет	8–9 лет	10–12 лет	13–14 лет
Группировка	23	32	38	85
Опорный пункт	23	32	38	85
Перекодирование	–	10	38	35
Ассоциации	57	54	50	–
Схематизация	–	–	–	70
Структурирование	–	–	6	60
Аналогии	–	–	–	35
Достраивание материала	–	2	6	25
Повторение	100	100	100	100

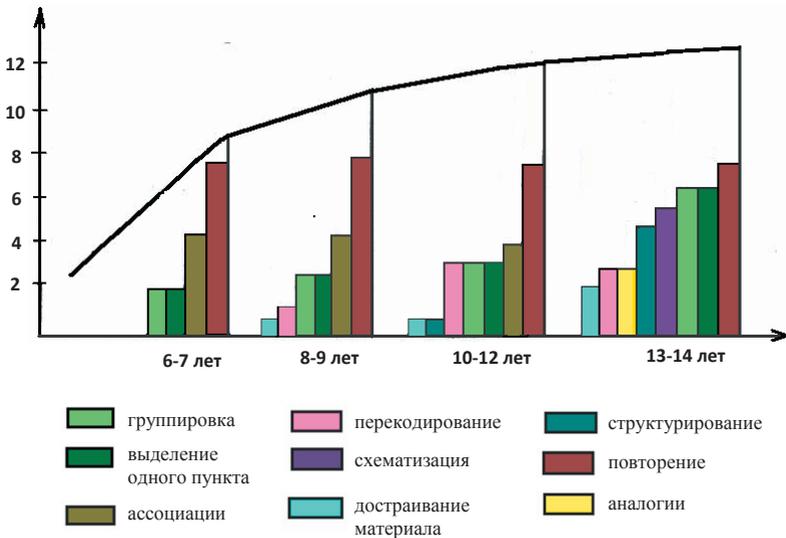

Рис. 9. Процесс развития опосредованного запоминания в соотношении с развитием операционных механизмов мнемических способностей

функций: восприятие, память, воображение, представление. Однако там, где разворачивается интеллектуальная деятельность, обязательно начинают присутствовать процессы принятия решения (какие интеллектуальные операции и как использовать), программирования (как, в какой последовательности использовать выбранные операции), формирования различных критериев: предпочтительности (какие операции предпочтительны), достижения цели, необходимости и достаточности выбранных операций, эффективности полученных результатов.

Адекватно описать психическую функцию как родовую форму психологического действия (деятельности) можно через *психологическую функциональную систему способностей* (рисунок 10).

Специфическая особенность рассматриваемой системы состоит в том, что она *обладает природным свойством, направленным на реализацию определенной психической функции и проявляющимся через функциональные механизмы*. Это свойство выступает в роли первичного средства, внутреннего условия, позволяющего достигнуть цели.

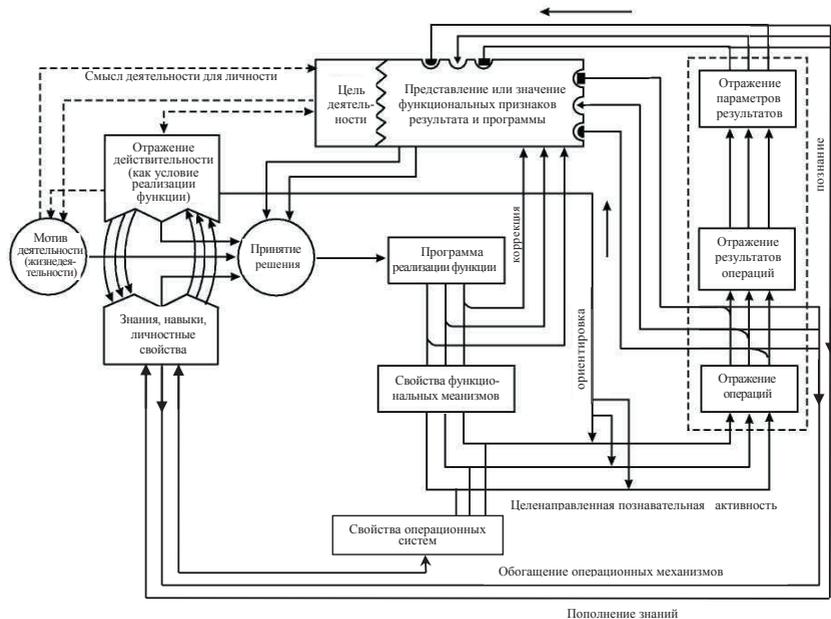

Рис. 10. Модель психической функции как родовой формы деятельности

С учетом структуры психической функции (по Б. Г. Ананьеву) у способностей должно быть третье измерение, связанное с мотивацией.

Включение мотивационно-эмоционального измерения в способности позволяет говорить о *духовных способностях субъекта деятельности*.

Именно эмоция находится у истоков великих творений искусства, литературы, науки и цивилизации в целом. Эмоция побуждает ум к новым начинаниям, а волю – к упорству. Главное, как отмечает А. Бергсон, «существуют эмоции, порождающие мысль; и изобретение, хотя оно и принадлежит к явлениям интеллектуального порядка, может иметь своей составляющей сферу чувств... Эмоция – это потрясение души» (Бергсон, 1994, с. 44–45). В этом случае эмоция по отношению к последующим умственным состояниям выступает как причина, а не как следствие. Эта эмоция может порождать новые идеи. Она – *суперинтеллектуальна*.

Способности личности (способности духовных состояний)

С учетом того, что мотивация направляет поведение человека, что поведение реализуется через его способности, а также принимая во внимание структуру психологических функций, мы можем утверждать, что мотивация будет тесно связана со способностями, с одной стороны, определяя их развитие, с другой – проявляясь в функциональных состояниях (духовных способностях).

Влияние мотивации на способности

Связь мотивации со способностями показала в своих исследованиях Т. Н. Соболева: изучалась связь мотивации с развитием способностей и влияние мотивации, реализующей конкретную деятельность, на структуру способностей (Соболева, 2012). В качестве модели была выбрана деятельность железнодорожного машиниста. Выборка состояла из 18 квалифицированных работников, разделенных по выраженности мотивации на две группы – с высокой и низкой мотивацией. Различия в показателях мотивации были статистически значимы на уровне $p < 0,01$. В обеих группах тестировались следующие

щие способности: произвольная координация движения тела (общих и специальных), сенсомоторная реакция, переключение внимания, устойчивость внимания, техническое мышление, операции мышления идентификации и структурирования, понимание, моделирование, программирование, прогнозирование, аргументирование, доказательства, опровержения, умозаключения. Данные профессионально важные качества были определены на основе психологического анализа деятельности машиниста. Экспериментальные данные показали, что в группе машинистов с мотивацией на успех по ряду способностей показатели были выше по сравнению с группой с низкой мотивацией на успех.

Исследование структуры корреляционных плеяд способностей в группах с разной мерой мотивации на успех показало, что группы значительно различались по общему числу связей (178 и 92, соответственно), индексу когерентности способностей (337 и 167). При высокой мотивации возрастает статистически значимое число связей в корреляционных плеядах и индекс когерентности. На рисунке 11 приведены в качестве иллюстрации корреляционные плеяды способностей для группы с высокой и низкой мотивации на уровне $p \leq 0,01$.

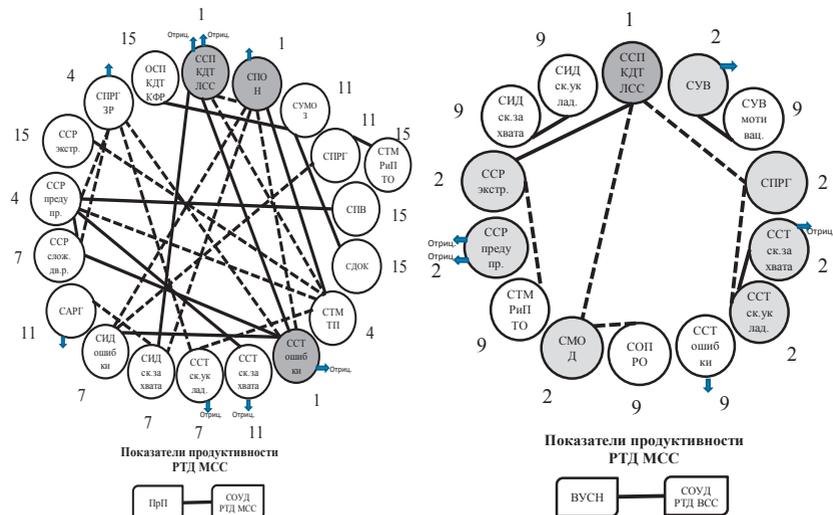

Рис. 11. Ранговая структура профессиональных способностей в подгруппах, различающихся высокой и низкой мотивационной направленностью на успех (для $p < 0,01$ уровня значимости корреляционных связей).

Сплошные линии – положительные взаимосвязи между способностями. Пунктирные линии – отрицательные взаимосвязи между способностями. Широкие стрелочки, отведенные от способностей, указывают на наличие связей показателей способностей с показателями продуктивности деятельности. Темный фон кружка указывает, что эта способность является базовой. Цифра над каждым кружком означает ранг способности.

ОСПКДТ КФР – общая способность произвольной координации движений тела (качество функции равновесия); ССПКДТ ЛСС – специальная способность произвольной координации движений тела (линейная средняя скорость); СПОН – способности понимания; ССТ ошибки – способности структурирования (количество ошибок); ССТ ск. уклад. – способности структурирования (скорость укладки); ССТ ск. захвата – способности структурирования (скорость захвата); СПРГЗР – способности прогнозирования; СОПРО – способности опровержения; СМОД – способности моделирования; ССР предупр. – способности сенсомоторной реакции в условиях с предупреждением; ССР экстр. – способности сенсомоторной реакции в экстремальных условиях; ССР слож. дв. р. – способности сенсомоторной реакции (сложные движения рукой); СТМ ТП – способности технического мышления (техническое понимание); СТМ РиПТО – способности технического мышления (реконструкция и преобразование технических образов); СИД ошибки – способности идентификации (количество ошибок); СИД ск. захвата – способности идентификации (скорость захвата); СИД ск. уклад. – способности идентификации (скорость укладки); СУМОЗ – способности умозаключения; СУВ – способности устойчивости внимания; СУВ мотивац. – способности устойчивости внимания с повышенной мотивацией; СПРГ – способности программирования; САРГ – способности аргументирования; СПВ – способности переключения внимания; СДОК – способности доказательства.

Показатели продуктивности регламентированных требований деятельности малой степени свободы (РТД МСС): ПрП – продолжительность поездки; СОУД РТД МСС – субъективная оценка управляющих действий под влиянием регламентированных требований деятельности малой степени свободы; ВУСН – время устранения ситуации неисправности; СОУД РТД ВСС – субъективная оценка управляющих действий под влиянием регламентированных требований деятельности высокой степени свободы

Приведенные данные статистически значимо показывают, что мотивация является одним из механизмов, определяющих взаимодействие способностей, реализующих деятельность. Это проявляется в числе способностей, вовлекаемых в деятельность, и в характере

связей между ними. Рассчитанные индексы когерентности системы способностей ($p < 0,01$): в группе с высокой мотивацией успеха (102 баллов, в группе с низкой мотивацией успеха — 45 баллов) свидетельствуют о том, что высокая мотивация успеха содействует формированию новых функциональных связей между способностями, побуждает в большей мере их взаимодействие и усиливает их интеграцию. Низкая мотивация успеха способствует снижению интеграции способностей, обеспечивающих деятельность.

Теоретические следствия из авторской теории способностей

Из данных допущений можно:

- раскрыть отношение между задатками и способностями;
- предсказать отношение общих и специальных способностей;
- установить связь между способностями и психическими процессами;
- выдвинуть гипотезу о возможном механизме вовлечения отдельных способностей в систему деятельности;
- показать место способностей в структуре психики;
- определить сущность категории способностей в системе основных понятий психологии;
- показать механизм развития способностей, прежде всего через освоение интеллектуальных операций;
- показать взаимодействие психических функций, способностей и личностных качеств;
- классифицировать способностей по основным психическим функциям;
- наметить путь развития способностей от природных к духовным через способности субъекта деятельности;
- соотнести способности, одаренности, интеллект и талант;
- предложить авторскую модель интеллекта;
- показать ограниченность современных процедур тестирования способностей и наметить пути их развития.

Предложенное понимание способностей позволяет ответить на один из принципиальных вопросов: являются ли способности обусловленными природными факторами или они благоприобретены в процессе жизнедеятельности человека? Согласно предложенной тео-

рии, способности предопределены природой в той мере, в которой она определяет функциональные физиологические системы, свойством которых являются способности, и они являются благоприобретенными, когда мы их рассматриваем с позиции интеллектуальных операций и мотивационных качеств индивида. В процессе жизнедеятельности обе составляющие способностей выступают в единстве, развиваясь гетерохронно и неравномерно. Подводя итог, можно сказать, что способности имеют двойную детерминацию: природную и личностно-деятельностную. Это один из важнейших выводов из предложенной теории, который следует учитывать, прежде всего, в педагогическом процессе, он раскрывает теоретическую основу процесса развития способностей, открывает перспективный взгляд на проблему одаренности и ее развития.

Одаренность – обычно определяют как «то качественно своеобразное сочетание способностей, от которого зависит возможность достижения большего или меньшего успеха выполнения той или иной деятельности». Теплов подчеркивал, что отдельные способности не просто существуют рядом друг с другом и независимо друг от друга. Каждая способность изменяется, приобретает качественно иной характер в зависимости от наличия и степени развития других способностей. Это абсолютно правильное и очень важное утверждение. Но приобретать качественно иной характер способности могут за счет изменения своей структуры, ее изменения, тонкого приспособления к требованиям деятельности, приобретения свойства оперативности (по Д. А. Ошанину). В предложенном понимании способностей они такими предпосылками обладают. С позиций системного подхода (в понимании П. К. Анохина) отдельные способности должны выступать в режиме взаимодействия, обеспечивающего получение желательного результата деятельности. С учетом сказанного одаренность можно определить как системное взаимодействие отдельных способностей, направленное на получение желательного результата. Результат деятельности выступает системообразующим фактором, обеспечивающим взаимодействие способностей и интеграцию их в качественное новообразование – одаренность.

И здесь мы подходим к узловому вопросу в понимании одаренности: как взаимодействуют способности, что их объединяет в деятельности? Отвечая на поставленный вопрос, можно выделить три механизма интеграции способностей в одаренность.

Во-первых, функциональные системы, реализующие отдельные психические функции, существуют не изолированно. Они включены в системную работу мозга и всей нервной системы человека. Число связей между нейронами головного мозга, как показал П. К. Анохин, практически безгранично. Любая деятельность реализуется физиологической функциональной системой. Именно в эту систему и включаются способности, определяя эффективность поведения (деятельности). С этой точки зрения одаренность является свойством функциональной системы, реализующей конкретную деятельность (поведение).

Во-вторых, деятельность описывается психологической функциональной системой (В. Д. Шадриков). Психические функции как родовые формы деятельности также описываются функциональной системой деятельности. Следовательно, и способности описываются той же системой. Структурно-функциональная система предметной деятельности и функциональная система способностей изоморфны. Деятельность в целом и функционирование способностей, через которые реализуется деятельность, направляются одними и теми же *мотивами, целями и личностными смыслами*. Именно эти три компонента объединяют способности в деятельности как совместно работающие системы.

На основе общей цели для каждой психической функции формируется программа, отбираются операционные механизмы (интеллектуальные операции) и одновременно отдельные психические функции начинают функционировать в режиме взаимодействия. Восприятие и память формируют информационную базу деятельности, мышление оформляет программу деятельности, которая реализуется в практических или идеальных действиях. Эти действия, в свою очередь, строятся на основе отражения результатов и параметров результатов, текущих и итоговых. На основе достигнутых результатов корректируется программа как деятельности в целом, так и отдельных психических функций. Сонастроенность программ является важнейшим фактором системогенеза деятельности. В программах содержится ответ на вопросы: что надо делать, как делать (с использованием каких интеллектуальных операций или предметных действий) и когда (как эти операции должны соотноситься во времени друг с другом)? Определение того, что, как и когда необходимо делать, происходит в процессах принятия решений, которые пронизывают все структурные компоненты системы деятельности.

Общим для любого решения является отработка решающего правила, критериев достижения цели и критериев предпочтительности.

Наконец, в-третьих, существует еще один аспект взаимодействия способностей. Как мы уже отмечали, отдельные психические функции существуют не изолированно друг от друга. Восприятие включено в мышление и память, память — в восприятие и мышление, мышление — в восприятие и память. Структура любой познавательной способности включает в себя, кроме собственных функциональных и операционных механизмов, и другие психические функции, которые выступают в роли операционных механизмов. Данное представление о структуре познавательных способностей отражено на рисунке 12. Такая взаимосвязь лежит в основе формирующейся одаренности, оформляющейся под влиянием требований мотива, цели деятельности и личностного смысла деятельности.

Таким образом, направляемая единым мотивом, личностными смыслами, целью и представлением о результате формируется функциональная система деятельности, в основе реализации которой лежат отдельные психические функции, действующие в структуре нервной системы человека. Именно это единство и лежит в основе одаренности как интегрального проявления способностей в деятельности. Понять одаренность как интегральное проявление способностей со стороны механизмов взаимодействия можно, только определив способности как свойства функциональных систем, реализующих отдельные психические функции. Картина взаимодействия способностей еще более усложняется, когда способности рассматриваются как свойства личности и их проявление начинает регулироваться всем строем внутреннего мира человека.

Исходя из сказанного, можно представить деятельность с позиций реализующей ее системы способностей как постоянно меняющуюся по составу и мере взаимодействия структуру способностей, каждая из которых имеет свое оперативное проявление. И если давать определение одаренности, то можно сказать, что одаренность есть интегральное проявление способностей в целях конкретной деятельности, выступающее как системное качество субъекта деятельности, имеющее индивидуальную меру выраженности и развивающееся в деятельности и в жизнедеятельности.

При множестве способностей, реализующих деятельность, реально существует единая структура деятельности, которая мультиплицируется в структуре отдельных способностей. Онтологически эта

единая структура реализуется целостностью мозга как органа психики, функционально определяется целью деятельности и ее мотивацией. Мотивация деятельности включается в функциональную систему каждой способности, обеспечивая единую оперативную направленность проявления способностей. Благодаря единой направленности функционирования системы способностей процессы принятия решений и программирования, представленные в каждой способности, также приобретают соподчиненность в соответствии с мотивацией деятельности. В результате формируется функциональная метасистема одаренности. В данной метасистеме проявление каждой способности будет обусловлено не только ее природным механизмом (свойствами соответствующих функциональных систем), но и ее обусловленностью другими способностями. В деятельности качественная специфика отдельной способности выступает как выражение отдельной грани одаренности, которая, в свою очередь, рассматривается как системное качество.

Экспериментальные исследования показывают следующую этапность формирования одаренности: на первом этапе освоения деятельности последняя реализуется с опорой на наличные способности субъекта, на втором этапе, если уровень наличных способностей ниже требований деятельности, то под влиянием требований деятельности способности приходят в движение, начинают развиваться (Шкаликов, 1977). На этом этапе деятельность выступает детерминантой развития способностей, формирования одаренности. Наконец на третьем этапе сформированная одаренность приводит к развитию деятельности, которая приобретает индивидуальное выражение. При этом результаты деятельности могут выходить за нормативные требования. Субъект может достигать выдающихся результатов. Обычно с достижением таких результатов и связывают понятие одаренности.

И здесь возникает очень важный вопрос: когда мы можем говорить об одаренности? Является ли одаренностью системное проявление способностей в рамках нормативного результата?

Для того чтобы ответить на этот вопрос, необходимо вспомнить, что, по принятому понятию, одаренность не существует до деятельности, она формируется в конкретной деятельности. Одаренность формируется из способностей субъекта деятельности. Поэтому, обращаясь к понятию одаренности, мы всегда должны рассматривать генезис одаренности. И этот генезис детерминирован требованиями

ями деятельности, мотивацией субъекта деятельности. На различных этапах формирования одаренности она будет представлена различающимся набором способностей и различным характером связи между способностями. Анализ связей на разных этапах профессионализации позволил выделить связи:

- характерные для всех этапов профессионализации;
- временные, присутствующие только на отдельных этапах овладения профессией;
- появляющиеся на определенных этапах овладения профессией и сохраняющиеся в дальнейшем (Шадриков, 2013).

При этом важно отметить, что связи характеризуются не только положительным знаком, но наблюдаются связи отрицательные и связи с переменным знаком для различных этапов профессионализации.

В силу того что одаренность выступает как *динамичное* объединение способностей, нет оснований считать, что она не существует на начальных этапах овладения профессией, до достижения субъектом нормативного результата. Возможно, что на последующих этапах деятельности она будет способствовать выходу за нормативный результат, получению более высоких результатов (необычных, незаурядных). При этом индивидуальные результаты всегда будут сравниваться с достижениями других людей.

Теоретический анализ одаренности предполагает ее качественный анализ. Провести же качественный анализ можно, только отталкиваясь от определенной структуры способностей. И одна из существенных причин слабой разработки проблемы качественного анализа одаренности заключается в неразработанности онтологии способностей. Как отмечает М. А. Холодная, «в силу максимальной свернутости психологических структур возникает иллюзия их отсутствия как психологического факта и, следовательно, как объекта психологического исследования» (Холодная, 2012, с. 51). Это положение полностью относится и к качественному анализу способностей и одаренности.

Изложенное выше понимание структуры способностей позволяет представить многогранность проявления конкретной способности в одаренности: это и природная составляющая, и разнообразие использования интеллектуальных операций, а, следовательно, различные способы принятия решения, мотивационно-личностная детерминация, определяющая параметры результата как системо-

образующего фактора, и эмоциональные состояния, составляющие духовный фон проявления способностей (при этом будем помнить, что каждая способность проявляется в структуре способностей и зависит от того места, которое она занимает в этой структуре).

Обращение к структуре способностей многократно усложняет общую картину одаренности. Но правильное теоретическое понимание одаренности позволяет объяснить, почему при многочисленных работах в этом направлении достигнуты такие скромные успехи в прогнозировании индивидуальной одаренности.

Качественно своеобразное сочетание способностей, рассматриваемых как свойства функциональных систем, реализующих отдельные психические функции, создает природную одаренность индивида. Если же мы будем рассматривать качественно своеобразное сочетание способностей субъекта деятельности, то мы получим представление об одаренности субъекта деятельности. Наконец, качественно своеобразное сочетание способностей личности дает представление об одаренности личности.

В отмеченных измерениях одаренность (теоретически) выступает как интегральное проявление способностей в целях конкретной деятельности, как метасистемное качество. Подобно способностям, одаренность имеет индивидуальную меру выраженности, определяемую как способностями (с их мерой выраженности), входящими в одаренность, так и взаимодействием способностей, их связями.

Изложенные теоретические представления о природе одаренности и подтверждающие их эмпирические данные показывают всю сложность диагностики одаренности. Завершим главу словами Айзека Азимова. В повести «Профессия», посвященной профессиональному распределению подрастающей молодежи после завершения общего образования, он писал: «Мы умеем анализировать интеллект и... определять, что вот этот человек может стать приличным архитектором, а тот – хорошим плотником. Но мы не умеем определять, способен ли человек к творческому мышлению. Это слишком тонкая вещь. К таким людям относится один из ста тысяч. Но от них зависит прогресс полутора тысяч миров» (Азимов, 1989). Исследования в области способности и одаренности, возможно, позволят продвигаться в вопросах диагностики таланта, способности и творчества.

Литература

- Абульханова-Славская К. А.* Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991.
- Азимов А.* Избранное. М.: Мир, 1989.
- Акофф Р., Эмери Ф.* О целеустремленных системах. М.: Советское радио, 1974.
- Ананьев Б. Г.* О проблемах современного человекознания. М.: Наука, 1977.
- Анохин К. В.* Когнитом: В поисках фундаментальной нейронаучной теории сознания // Журнал высшей нервной деятельности им. И. П. Павлова. 2021. Т. 71. № 1. С. 39–71.
- Анохин П. К.* Очерки по физиологии функциональных систем. М.: Медицина, 1975.
- Артёмова Т. И.* Психология способностей: личностный аспект // Психологический журнал, 1984. С. 46–55.
- Аткинсон Р. Л., Аткинсон Р. С., Смит Э. Е., Бем Д. Дж., Нолен-Хоэксема С.* Введение в психологию. СПб.: Прайм-Еврознак–Нева, 2003.
- Бабаева Ю. Д.* Динамическая теория одаренности (основные современные концепции творчества и одаренности) / Под ред. Д. Б. Богоявленской. М.: Молодая гвардия, 1997.
- Бальмонт К.* Избранное. М.: Художественная литература, 1980.
- Баттерворт Дж., Харрис М.* Принципы психологии развития. М.: Когито-Центр, 2000.
- Бергсон А.* Два историка морали и религии. М.: Канон, 1994.
- Бернштейн Н. А.* Биомеханика и физиология движений. Избранные психологические труды / Под ред. В. П. Зинченко. М.–Воронеж: Институт практической психологии–НПО «Модэк», 1997.
- Бехтерева Н. П.* Магия мозга и лабиринты жизни. М.: АСТ, 2013.

- Бехтерева Н. П.* Здоровый и больной мозг человека. Л.: Наука, 1980.
Библия. М.: РБО, 2000.
- Богоявленская Д. Б.* О предмете и методах исследования творческих способностей // Психологический журнал. 1995. Т. 16. № 5. С. 49–58.
- Большой психологический словарь / Под ред. Б. Г. Мещерякова, В. П. Зинченко. СПб.: Прайм-Еврознак; М.: Алма-Пресс, 2003.
- Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. А. М. Прохоров. М.: Большая российская энциклопедия; СПб.: Норинт, 1997.
- Борегар М.* Войны мозга. Научные споры вокруг разума и сознания / Пер. с англ. У. В. Сапциной. М.: Эксмо, 2020.
- Васильев И. А., Митина О. В., Кабанов В. В.* Влияние различных типов мотивации и самоуправления личности на продуктивность мыслительной деятельности // Психологический журнал. 2006. Т. 27. № 4. С. 38–49.
- Василюк Ф. Е., Зинченко В. П., Мещеряков Б. Г., Петровский В. А., Пружинин Б. И., Щедрина Т. Г.* Методология психологии: проблемы и перспективы. М.—СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2012.
- Веккер Л. М.* Человек мыслящий // Психика и реальность: единая теория психических процессов. М.: Смысл, 1998.
- Взаимоотношения исследовательской и практической психологии / Под ред. А. Л. Журавлева, А. В. Юревича. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015.
- Винер Н.* Кибернетика, или управление и связь в животном и машине. 2-е изд. М.: Наука, Главная редакция изданий для зарубежных стран, 1983.
- Воронин А. Н.* Интеллект и креативность в межличностном взаимодействии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004.
- Воронин А. Н.* Психология дискурсивных способностей: вектор развития // Психологический журнал. 2018. Т. 39. № 3. С. 113–123.
- Вygотский Л. С.* Собр. соч. В 6 т. Т. 2: Проблема общей психологии. Мышление и речь / Под ред. В. В. Давыдова. М.: Педагогика, 1982.
- Вygотский Л. С.* Педагогическая психология / Под ред. В. В. Давыдова. М.: Педагогика, 1991.
- Выдающиеся ученые Института психологии РАН: Биографические очерки / Под ред. А. Л. Журавлева. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2020.
- Гайтон А. К., Холл Дж. Э.* Медицинская физиология: учебник / Пер. с англ. В. И. Кобрина. М.: Логосфера, 2008.

- Гегель Г.* Введение в философию: Философская пропедевтика. М.: Изд-во Тимирязевского научно-исследовательского ин-та, 1927.
- Дельгадо Х.* Мозг и сознание. М.: Мир, 1971.
- Денисов А. Ф., Дорофеев Е. Д.* Интеллектуальный тест Р. Кеттелла. Диагностика культурно-независимого интеллекта (методическое руководство). СПб.: Иматон, 2003.
- Джемс У.* Психология (Text Book of Psychology). Изд. 3-е. СПб.: Типография В. Безобразова и К°, 1901.
- Дружинин В. Н.* Ситуационный подход к психологической диагностике способностей // Психологический журнал. 1991. Т. 12. № 2. С. 94–105.
- Дружинин В. Н.* Когнитивные способности. Структура, диагностика, развития. М.—СПб.: Пер Сэ—Иматон, 2001.
- Дружинин В. Н.* Психология способностей: Избранные труды. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.
- Дружинин В. Н., Хазратова Н. В.* Экспериментальное исследование формирующего влияния среды на креативность // Психологический журнал. 1994. Т. 15. № 4. С. 83–93.
- Егер О.* Всемирная история. В 4 т. Т. 1: Древний мир. СПб.: Специальная литература, 1997.
- Журавлев А. Л.* Психология совместной деятельности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005.
- Журавлев А. Л.* Особенности междисциплинарных исследований в современной психологии // Теория и методология психологии: постнеклассическая перспектива / Под ред. А. Л. Журавлева, А. В. Юревича. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. С. 15–32.
- Журавлев А. Л., Мироненко И. А., Юревич А. В.* Психологическая наука в глобальном мире: вызовы и перспективы // Психологический журнал. 2018. Т. 3. № 2. С. 58–71.
- Журавлев А. Л., Нестик Т. А., Юревич А. В.* Глобальные вызовы и будущее психологии: развитие психологической науки и практики в цифровом обществе // Психологическое знание: Современное состояние и перспективы развития / Под ред. А. Л. Журавлева, А. В. Юревича. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. С. 698–713.
- Зинченко В. П., Подорога В. А.* О человеческой душе и плоти // Знание. Понимание. Умение. 2005. № 1. С. 34–43.

- Ибн Сина (Авиценна)*. Избранные философские произведения. М.: Наука, 1980.
- Изард К.* Эмоции человека. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980.
- Ильин Е. П.* Проблемы способностей: два подхода к ее решению // Психологический журнал. 1987. Т. 8. № 1. С. 23–31.
- Ильин И. А.* Путь к очевидности. М.: Республика, 1993.
- Инженерная психология. Теория, методология, практическое применение. М.: Наука, 1972.
- Клапаред Э.* Как определить умственные способности школьника. Л.: Сеятель, 1927.
- Корнилов С. А., Григоренко Е. Л.* Методический комплекс диагностики академических, творческих и практических способностей // Психологический журнал. 2010. Т. 31. № 2. С. 90–103.
- Корнилова Т. В., Новикова М. А.* Самооценка интеллекта в структуре интеллектуально-личностного потенциала человека // Психологический журнал. 2011. Т. 32. № 2. С. 25–35.
- Корнилова Т. Н.* Интеллектуально-личностный потенциал человека в условиях неопределенности и риска. СПб.: Нестор-История, 2016.
- Лазурский А. Ф.* Психология общая и экспериментальная. 2-е изд. Пг.: Кн. скл. «Земля», 1915.
- Ларионова Л. И.* Культурно-психологические факторы развития интеллектуальной одаренности М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011.
- Ломов Б. Ф.* К проблеме деятельности в психологии // Психологический журнал. 1981. № 5. С. 3–22.
- Ломов Б. Ф.* Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984.
- Ломов Б. Ф.* Психическая регуляция деятельности: Избранные труды. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.
- Мазилев В. А.* Теория и метод в психологии. Ярославль: МАПН, 1998.
- Мазилев В. А.* Методология психологической науки: история и современность. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2017.
- Макарова К. В.* Развитие духовных способностей (на примере младших школьников): Автореф дис. ... канд. психол. наук. М., 2006.
- Малый энциклопедический словарь. В 4 т. Т. 3. Репринт. воспр. изд. Брокгауза-Ефрона. М.: Терра-Терра, 1994.
- Маслоу А.* Дальние пределы человеческой психики. СПб.: Евразия, 1997а.

- Маслоу А.* Психология бытия. М.: Рефл-бук; К.: Ваклер, 1997б.
- Методология комплексного человекознания и современная психология / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.
- Миллер Д., Галантер Ю., Прибрам К.* Планы и структуры поведения. М.: Прогресс, 1965.
- Мысленников А. С.* Картина славянского мира: взгляд восточной Европы. СПб.: Петербургское востоковедение, 1999.
- Новейший словарь иностранных слов и выражений. Минск: Харвест; М.: АСТ, 2001.
- Новые тенденции и перспективы психологической науки / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2019.
- Общая психология. Хрестоматия / Сост. В. А. Мазилок, В. Д. Шадриков; при участии А. А. Костригина. Т. 2. М.: ИД Российского нового университета, 2020.
- Ожегов С. И.* Толковый словарь русского языка. М.: Оникс-Лит—Мир и образование, 2012.
- Панов В. И.* Одаренность и одаренные дети: эконпсихологический подход. М.: РУДН, 2005.
- Парадигмы в психологии: науковедческий анализ / Под ред. А. Л. Журавлева, Т. В. Корниловой, А. В. Юревича. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
- Петров А.* Эволюция. Нотная запись // Мир фантастики. 2012. Т. 112. № 12.
- Петровский А. В., Ярошевский М. Г.* История и теория психологии. Т. 1. История и теория психологии. Ростов-на-Дону: Феникс, 1996.
- Пиаже Ж.* Речь и мышление ребенка. СПб.: Союз, 1997.
- Платон.* Собр. соч. В 4 т. М.: Мысль, 1994.
- Потебня А. А.* Мысль и язык // А. А. Потебня. Пол. собр. соч. Т. 1. Одесса: Гос. изд-во Украины, 1926.
- Прибрам К.* Языки мозга. М.: Прогресс, 1975.
- Принцип развития в современной психологии / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
- Прохоров А. О.* Психология неравновесных состояний. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1998.
- Прогресс психологии: критерии и признаки / Под ред. А. Л. Журавлева, Т. Д. Марцинковской, А. В. Юревича. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.

- Психология / Под ред. А. А. Смирнова, А. Н. Леонтьева, С. Л. Рубинштейн, Б. М. Теплова. М.: Учпедгиз, 1956.
- Психология / Под ред. А. А. Крылова М.: Проспект, 1998.
- Психология: Учебник для гуманитарных вузов / Отв. ред. В. Н. Дружинина. СПб.: Питер, 2001.
- Психология XXI века: Учебник для вузов / Под ред. В. Н. Дружинина. М.: Пер Сэ, 2003.
- Рабочая концепция одаренности. М.: Магистр, 1998.
- Разработка понятий современной психологии / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологи РАН», 2018.
- Разработка понятий в современной психологии / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко. Т. 2. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2019.
- Реале Д., Антисери Д.* Западная философия от истоков до наших дней. Кн. 2. М.: Ренессанс, 1991.
- Роговин М.* Структурно-уровневые теории в психологии. (Методологические основы). Ярославль: ЯрГУ, 1977.
- Российская педагогическая энциклопедия / Гл. ред. В. В. Давыдов. М.: Большая российская энциклопедия, 1999.
- Рубинштейн С. Л.* Основы психологии. М.: Учпедгиз, 1935.
- Рубинштейн С. Л.* Основы общей психологии. М.: Учпедгиз, 1946.
- Рубинштейн С. Л.* О мышлении и путях его исследования. М.: АН СССР, 1958.
- Рубинштейн С. Л.* Проблемы способностей и вопросы психологической теории // Вопросы психологии. 1960. № 3.
- Рубинштейн С. Л.* Основы общей психологии. СПб.: Питер, 1995.
- Рубинштейн С. Л.* Человек и мир. М.: Наука, 1997.
- Рубинштейн С. Л.* Основы общей психологии. СПб.: Питер, 1999.
- Рубинштейн С. Л.* Человек и мир. М.: Питер, 2012.
- Русалов В. М., Наумова Е. Р.* О связи общих способностей с «интеллектуальными» шкалами темперамента // Психологический журнал. 1999. Т. 20. № 1. С. 70–77.
- Савельев С. В.* Структурно-морфогенетические основы развития когнитивных способностей человека // Когнитивные исследования: Проблема развития: Сб. науч. тр. Вып. 3 / Под ред. Д. В. Ушакова. М.: Изд-во «Ин-т психологии РАН», 2009. С. 171–194.
- Скворцов И. А.* Развития нервной системы у детей (нейроонтогенез и его нарушения). М.: Тривола, 2000.

- Славянские древности / Под ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 2005–2011.
- Соболева Т. Н.* Профессиональные способности оператора железнодорожного транспорта: монография. Хабаровск: ДВГУПС, 2012.
- Современная психология: справочное руководство / Отв. ред. В. Н. Дружинин. М.: Инфра-М, 1999.
- Соколов А. Н.* Внутренняя речь и мышление. М.: Просвещение, 1968.
- Субъектный подход в психологии / Под ред. А. Л. Журавлева, В. В. Знакова, З. И. Рябикиной, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
- Судаков К. В.* Биологические мотивации. М.: Медицина, 1971.
- Теория и методология психологии: Постнеклассическая перспектива / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.
- Теплов Б. М.* Избранные труды. В 2 т. Т. 1. М.: Педагогика, 1985.
- Тер-Минасова С. Г.* Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово, 2000.
- Толковая Библия, или комментарий на все книги Св. Писания Ветхого и Нового завета. Пг.: Издание преемников А. П. Лопухина, 1911–1913. Т. 3.
- Ушаков Д. В.* Интеллект. Структурно-динамическая теория. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2003.
- Ушаков Д. В., Журавлев А. Л.* Теория и практика: взгляды с разных сторон (ответ на комментарии) // Психологический журнал. 2012. Т. 33. № 2. С. 127–132.
- Ушаков Д. Н.* Толковый словарь современного русского языка. М.: Аделант, 2013.
- Ушакова Т. Н.* Рождение слова. Проблемы психологии речи и психолингвистики. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011.
- Филина С. В.* Способности зрительного восприятия: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Ярославль, 1995.
- Франк С. Л.* Реальность и человек. М.: Республика, 1997.
- Фрейд З.* Психология бессознательного. М.: Просвещение, 1989.
- Фресс П.* Развитие экспериментальной психологии // Экспериментальная психология / Ред. П. Фресс, Ж. Пиаже. Вып. 1–2. М.: Прогресс, 1966.
- Фундаментальные и прикладные исследования современной психологии: результаты и перспективы развития / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017.

- Хайгл-Эверс А., Хайгл Ф., Отт Ю., Рюгер У.* Базисное руководство по психотерапии. СПб.: Речь—Восточно-Европейский институт психоанализа, 2001.
- Хёйстад У. М.* История души. М.: Текст, 2018.
- Холодная М. А.* Когнитивные стили и интеллектуальные способности // Психологический журнал. 1992. Т. 13. № 3. С. 84—93.
- Холодная М. А.* Психологический статус когнитивных стилей: предпочтения или другие способности // Психологический журнал. 1996. Т. 17. № 1. С. 61—69.
- Холодная М. А.* Психология интеллекта: парадоксы исследования. М.: Барс; Томск: Изд-во Томск. у-та, 1997.
- Холодная М. А.* Психология понятийного мышления. От концептуальных структур к понятийным способностям. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
- Челпанов Г. И.* Мозг и душа. Критика материализма и очерк современных учений о душе. М.: Институт психологии РАО, 1994.
- Чумакова М. А.* Личностная регуляция рационального выбора: развитие идеи единства интеллекта и аффекта // Психологический журнал. 2013. Т. 34. № 3. С. 119—125.
- Шадриков В. Д.* Проблемы системогенеза профессиональной деятельности. М.: Наука, 1982.
- Шадриков В. Д.* Психология деятельности и способностей человека. М.: Логос, 1996.
- Шадриков В. Д.* Происхождение человечности. М.: Логос, 2001.
- Шадриков В. Д.* Введение в психологию (эмоции и чувства). М., 2002.
- Шадриков В. Д.* Введение в психологию: мотивация поведения. М.: Логос, 2003.
- Шадриков В. Д.* Мир внутренней жизни человека. М.: Логос, 2006.
- Шадриков В. Д.* Ментальное развитие человека. М.: Аспект-Пресс, 2007.
- Шадриков В. Д.* Мысль, образ и психическая функция // Мир психологии. № 3 (75). 2013а. С. 139—149.
- Шадриков В. Д.* Психология деятельности человека. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013б.
- Шадриков В. Д.* Мысль и ее порождение // Вопросы психологии. 2014а. № 5. С. 118—127.
- Шадриков В. Д.* Мысль и познание. М.: Логос, 2014б.
- Шадриков В. Д.* Мысль как предмет психологического исследования // Психологический журнал. 2014в. Т. 35. № 4. С. 130—137.

- Шадриков В. Д.* Мысль как психологическая категория // Психологический журнал. 2014г. № 1. С. 130–137.
- Шадриков В. Д.* Эволюция мысли // Культурно-историческая психология. 2015. Т. 11. № 2. С. 118–128.
- Шадриков В. Д.* Эволюция мысли. Как человек научился мыслить. М.: Университетская книга, 2016.
- Шадриков В. Д.* Совесть и ее воспитание. М.: Университетская книга, 2017.
- Шадриков В. Д.* Способности и одаренность человека. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2019.
- Шадриков В. Д.* Понимание: концептуальной модели. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2021.
- Шадриков В. Д., Ансимова Н. П.* Разработка методики психологического анализа профессиональной деятельности (на уровне профессиональных способностей). М.: ВНИИЦ, 1983.
- Шадриков В. Д., Кургинян С. С.* Продуктивность порождения мысли у лиц с разным уровнем интеллектуального развития // Вопросы психологии. 2016. № 6. С. 114–130.
- Шадриков В. Д., Мушин А. Б.* Индивидуальные различия в мыслительности // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2015. Т. 12. № 1. С. 145–157.
- Шадриков В. Д., Черемошкина Л. В.* Мнемические способности: развитие и диагностика. М.: Педагогика, 1990.
- Шевчук В. Ф.* Оптимизация сенсорного научения как фактор повышения эффективности профессиональной подготовки: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Ярославль, 1973.
- Шкаликов В. Л.* Психологический анализ деятельности электросварщиков в целях производственного обучения // Проблемы индустриальной психологии / Под ред. В. Д. Шадрикова. Ярославль, 1977.
- Шкаликов В. Л.* Изучение неравномерности и гетерохронности освоения деятельности в процессе профессиональной подготовки: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1989.
- Шпенглер О.* Закат Европы. М.: Мысль, 1993.
- Штерн В.* Дифференциальная психология и ее методические основы. М.: Наука, 1998.
- Шумакова Н. Б.* Обучение и развитие одаренных детей. М.: МПСИ; Воронеж: НПО «Модэк», 2004.
- Экспериментальная психология / Ред.-сост. П. Фресс, Ж. Пиаже. Вып. 1–2 / Под ред. А. Н. Леонтьева. М.: Прогресс, 1966.

- Юнг К.* Проблема души нашего времени / Предисл. А. В. Брушлинского. М.: Прогресс-Универс, 1994.
- Юревич А. В.* Психология в современном обществе // Психологический журнал. 2008. Т. 29. № 6. С. 5.
- Юркевич В. С.* Одаренный ребенок. М.: Просвещение, 1996.
- Ясперс К.* Истоки истории и ее цель. Вып. 1–2. М.: Прогресс, 1976.
- Ясперс К.* Смысл и назначение истории. М.: Республика, 1994.
- Bloom L.* Language development: Form and function in emerging grammars. Cambridge, MA: MIT Press, 1970.
- Cattell R. B.* Theory of fluid and crystallized intelligence: A critical experiment // Journal of Educat. Psychol. 1963. V. 54 (1). P. 1–22.
- Chalmers D. J.* Facing up to the problem of consciousness // Journal of Consciousness Studies. 1995. V. 2. № 3. P. 200–219.
- Eccles J. C., Popper K. R.* The Self and Its Brain. Berlin–Heidelberg–London–N.Y.: Springer-Verlag, 1977.
- John G. Eccles.* Evolution of the Brain: Creation of the Self. London: Routledge, 1989.
- Penfield W.* The mystery of the mind. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1975.

Именной указатель

- Абу ибн Сина 91
Абульханова К. А. 109
Акофф Р. 60
Анаксагор 19
Ананьев Б. Г. 173, 185
Ансимова Н. П. 113
Анохин К. В. 23
Анохин П. К. 49, 60, 189
Анри В. 166
Апостол Павел 40
Аристотель 11, 19, 32, 40, 67, 131
Аткинсон Р. Л. 20, 131
Бабаева Ю. Д. 168
Бальмонт К. 44
Бергсон А. 32, 37, 78, 185
Бернштейн Н. А. 6, 60, 99,
101–102
Бехтерева Н. П. 21, 60, 67
Бине А. 166
Борегар М. 23
Веккер Л. М. 112, 123, 162
Вивальди А. 39
Винер Н. 54
Вундт В. 11–12, 14, 84
Выготский Л. С. 13–14, 56, 93,
122–123, 133, 144
Гайтон А. К. 64–65
Галантер Ю. 60
Гегель Г. 41
Грот Н. Я. 84
Дельгадо Х. 23–24, 94
Демокрит 13, 19
Джемс У. 31, 38, 100, 133
Дружинин В. Н. 168
Егер О. 46
Журавлёв А. Л. 10, 18, 27, 77
Зинченко В. П. 16, 131
Изард К. 84
Иисус Христос 45
Ильин И. А. 38, 168
Кеттелл Р. 146
Клапаред Э. 166–167
Корнилова Т. В. 168
Кузьминов Я. И. 27
Лао Цзы 7
Ларионова Л. И. 168
Левкипп 19
Леонтьев А. Н. 75, 132
Локк Дж. 26, 41
Ломов Б. М. 75, 108–109
Мазиллов В. А. 11, 14, 18, 27
Маковский В. Е. 180

- Миллер Д. 60
Мысленников А. С. 43–44
Оккам У. 39
Ошанин Д. А. 73, 133, 189
Павлов И. П. 48–49
Панов В. И. 168
Пенфильд У. 22–23
Петров А. 47
Пиаже Ж. 44–45
Платон 19
Потебня А. А. 41
Прибрам К. 6, 24, 60, 95
Прометей 60
Пушкин А. С. 92
Роговин М. С. 6, 103
Рубинштейн С. Л. 17, 29, 31, 58,
61–62, 64, 75, 87–88, 90–91,
95, 119, 166–169, 173–174
Симонов П. В. 84
Соколов А. Н. 40
Спиноза 84
Стюхина Г. А. 182
Судаков К. В. 33, 36
Твадо Д'Ареццо 47
Теплов Б. М. 120, 166–168, 189
Уотсон Дж. 84
Ушаков Д. В. 148, 168
Ушакова Т. Н. 21–22
Фалес 19
Франк С. Л. 20
Фрейд З. 6, 24, 96–97, 99
Холл Дж. Э. 64–65
Холодная М. А. 30, 168, 193
Чалмерз Д. 22
Челпанов Г. И. 90
Черемошкина Л. В. 169, 174,
176–177, 180
Шадриков В. Д. 9–10, 16–17,
57, 61, 64–65, 70–71, 77–78,
83, 104, 109, 113, 131–132,
143, 148, 169, 174, 177, 180,
190, 193
Штерн В. 42, 66
Шумакова Н. Б. 168
Экклз Дж. 22–23
Эмери Ф. 60
Эшби У. Р. 6, 94–95
Юнг К. 6, 9, 18, 24, 79–80, 96–98,
104–105
Юркевич В. С. 168

Предметный указатель

- Внутренний организатор
поведения 56, 122, 133, 144
- Воображение 5, 16, 22–23, 26,
38, 41, 57–58, 60–62, 66–67,
69, 88, 91, 105–106, 108, 110,
114–117, 122, 160–161, 184
- Внутренний мир 16–18, 25
- гипотеза 95
 - в. м. и душа 6, 69, 89
 - единство в. м. 6, 57, 87
 - независимость в. м. 87
 - целостность в. м. 6, 82–83,
94–95
- Генезис 4, 17, 20, 72, 105, 192
- Душа
- изучение д. 105
 - понятие души 20, 22, 69, 90,
92
 - проявление д. 91
 - структура д. 97, 121, 123
- Душа-субстанция 90–91, 93, 121
- Действие
- д. и поступок 83–85, 87, 89,
103
 - мыслительное 143, 163
 - параметры д. 33
- Информация
- и. и сигнал 50
 - понятие и. 35, 54
- Информационные модели 55,
87, 122
- Карта мозговых функций 23
- Методы исследования 21, 66,
146
- биографический м. 66
 - м. реконструкции 48
 - м. психографии 66
 - м. развертывания
психической деятельности
174
- Мир внутренней жизни 4–6, 17,
20
- зарождение 26, 70
 - проявление в деятельности
108
 - проявление в общении 107
 - развитие в деятельности 71
 - развитие в поступках 77
 - функции 94
- Мозг
- коды м. 21
 - м. и сознание 22

- методы исследования м. 21
- структура м. 98
- функции м. 67
- Мысль**
 - выражение м. в знаке 47
 - м. и воображение 5, 60
 - м. и душа 27
 - м. и желание 35
 - м. и информация 5, 54–55, 122
 - м. и мышление 5, 62
 - м. и образ 5, 57, 109, 132
 - м. и представление 5, 58
 - м. и слово 5, 40–41, 45, 48
 - м.-субстанция 35, 42, 57
 - порождение м. 5, 35–37, 39–42, 65, 134, 143, 145
 - предметная 5, 26, 28, 34, 36, 47, 54, 57, 132, 134, 149
 - структура м. 34, 39
- Мышление**
 - м. и порождение мыслей 67, 145
 - м. как работа с мыслями 67
 - понятие м. 41, 62
 - предметность м. 65
 - процесс 30, 36, 42, 44, 58, 143–144
- Нейроонтогенез 25–26**
- Образ**
 - единство 29, 132
 - интеллектуализация о. 33, 133
 - оперативный о. 73–74, 86–87, 94
 - предметность о.
 - характеристика о.
- Образ-субстанция 57–58, 61, 66, 93, 133**
- Обусловленность 54, 192**
- Память 15, 26, 34, 58–59, 64, 67, 77, 87, 95, 100, 108, 110, 114, 116–117, 123, 160, 177, 181, 184, 191**
- Подходы 14**
 - структуро-уровневый подход 103
- Предметность**
 - восприятия 29
 - мышления 65
 - представления 59
- Протомышление 43, 48–49, 53–54**
- Проявление внутреннего мира 6, 105**
 - в деятельности 108
 - в общении 107
- Психика 15, 23, 25, 86**
 - содержание п. 26, 28, 31, 35, 37, 55, 66, 69, 72, 95, 103–106, 108, 112, 122–123
 - структура 35, 96, 97, 119, 188
- Процесс**
 - интеллектуализации мыслей 33, 133
 - мыслительный 21, 30, 36–37, 42, 55, 58, 63, 65, 143–144,
 - нейронный 24
 - опредмечивания 35
 - познавательный 57, 59, 62, 65–66, 108, 113, 115–116
 - понимания 104
 - порождения мыслей 35–36, 39–41, 134, 145, 165
 - психический 25, 57, 66–67, 83, 112
- Психология 9–10, 15, 69, 91–92**
 - мышления 62

- научная 11, 13–14, 16–18
- отечественная 24, 63, 70, 167
- предмет п. 11, 14, 20–21, 24, 92–93, 108, 124, 131
- термин п. 19–20
- физиологическая 11–12
- философская 11, 13
- эмпирическая 11–12
- Самосознающий разум 23
- Системогенез
 - деятельности 190
 - индивидуальность с. 120
- Словотворчество 51–52
- Смысл 32, 77, 179
 - личностный 37, 71–72, 87, 104, 148, 163, 190–191
 - образа 58
 - теологический 45
- Смысловые модели 37, 55, 72, 87, 122
- Содержание 34, 55
 - внутреннего мира 26, 34–35, 67, 77, 81, 89, 122
 - мыслей 45, 144, 148, 151–152, 157, 164–165
 - образа 31–32, 122, 132
 - психики 6, 26, 28, 31, 35, 37–38, 55, 66, 69, 72, 94–95, 103–104, 108, 122–123
- Сознание 11, 22–23, 40, 86, 97
 - индивидуальное 59, 61, 82
 - личное 31, 38, 58, 104–105, 123, 133, 145
 - личностное 56–57
 - национальное 46
 - общественное 44
- Сохранение опыта 67
- Способности
 - благоприобретенные 112
 - врожденные 112
 - духовные 9, 17, 120, 185
 - определение с. 111, 166–169, 173
 - природные 108, 170
 - порождать мысли 42, 122, 145, 162, 165
 - сенсомоторные 110
 - с. в структуре 111, 119
 - с. и переживания 115
 - с. и познавательные процессы 112–113
- Структура душевной жизни
 - по Фрейду 96
 - по Юнгу 96
- Творчество 76, 194
 - когнитивное 39
- Ум 35, 40, 42, 54, 78, 120–121, 133, 145, 185
 - у. и мораль 32
- Целеполагание 60, 106, 111
- Эволюция 14, 43, 51, 168
 - мысли 45, 47–48
 - подхода 15

Научное издание

Шадриков Владимир Дмитриевич,
ординарный профессор Национального исследовательского
университета «Высшая школа экономики»

ВОЗВРАЩЕНИЕ ДУШИ:
Теоретические основания и методология
психологической науки
Монография

doi: 10.38098/mng_21_0436

Редактор – *О. В. Шапошникова*
Оригинал-макет, обложка и верстка – *В. П. Ерьско*

Издательство «Институт психологии РАН»
129366, Москва, ул. Ярославская, д. 13, к. 1
Тел.: +7 (495) 540-57-27
www.ipras.ru
E-mail: vbelop@mail.ru

Сдано в набор 03.07.21. Подписано в печать 23.07.21. Формат 60×90/16
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура NewtonС
Уч.-изд. л. 9,5. Усл.-печ. л. 13,2. Тираж 500 экз. Заказ
Отпечатано в ПАО «Т8 Издательские Технологии»
109316, г. Москва, Волгоградский проспект, д. 42, корп. 5, ком. 6